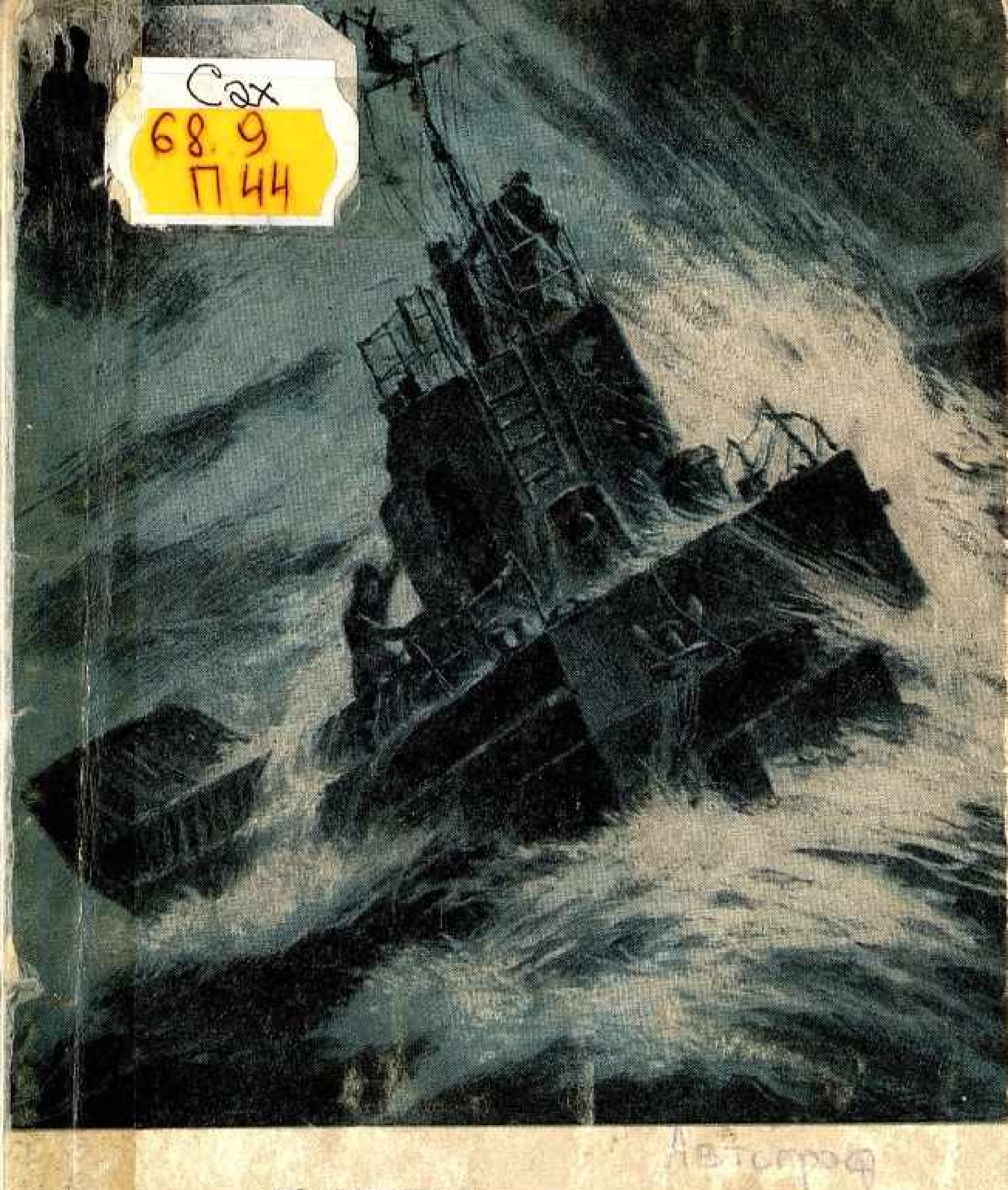

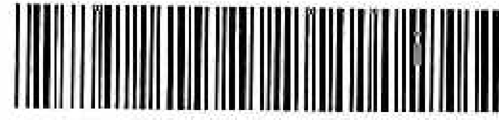
Подвиг в океане

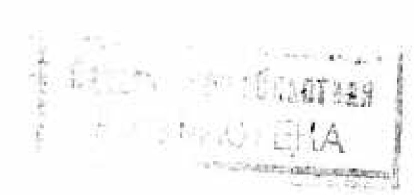
30.08.07 г.

(Автографы А. Зитаншина и А. Крючковского)

ПОДВИГ В ОКЕАНЕ

Документы, очерки, корреспонденции, письма и телеграммы о беспримерном мужестве четырех советских воинов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА. 1960 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В этой книге собраны материалы, опубликованные и полученные «Правдой» в те дни, когда весь мир был взволнован и воодушевлен героизмом, стойкостью и выносливостью четырех советских воинов Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского, Анатолия Крючковского, Ивана Федотова.

Несомненно, что о них, славных и верных сынах Родины, будет создана не одна книга, которая раскроет облик этих отважных юношей, их характеры, истоки их героизма. Ведь в их подвиге нашла свое отражение высокая и благородная мораль нашего советского общества — самого передового и гуманного, где благодаря заботам Коммунистической партии Человек ценится превыше всего.

В этой книге многие материалы написаны по свежим следам события. Читатель найдет здесь письма, отправленные в тот же час после того, как разнеслась первая весть о героях; рисунки, сделанные по фотографиям, и фотографии, переданные по радиотелеграфу,— все это как бы первый отклик, первое слово о наших доблестных солдатах.

СВОИМ ПОДВИГОМ ВЫ ПРИУМНОЖИЛИ СЛАВУ НАШЕЙ РОДИНЫ!

Младшему сержанту
ЗИГАНШИНУ Асхату Рахимзяновичу,
рядовым
ПОПЛАВСКОМУ Филиппу Григорьевичу,
КРЮЧКОВСКОМУ Анатолию Федоровичу,
ФЕДОТОВУ Ивану Ефимовичу

Дорогие товарищи!

Мы гордимся и восхищаемся вашим славным подвигом, который представляет собой яркое проявление мужества и силы духа советских людей в борьбе с силами стихии. Ваш героизм, стойкость и выносливость служат примером безупречного выполнения воинского долга.

Своим подвигом, беспримерной отвагой вы приумножили славу нашей Родины, воспитавшей таких мужественных людей, и советский народ по праву гордится своими отважными и верными сынами.

Желаю вам, дорогие соотечественники, доброго здоровья и скорейшего возвращения на Родину.

Н. ХРУЩЕВ

Москва, Кремль, 16 марта 1960 года.

Президенту Соединенных Штатов Америки

Г-НУ ДУАЙТУ Д. ЭЙЗЕНХАУЭРУ

г. ВАШИНГТОН

Уважаемый г-н президент,

Разрешите мне выразить Вам, правительству США и командованию американских военно-морских сил чувство глубокой признательности за спасение четырех отважных советских солдат, которые в течение многих дней мужественно боролись со стихией и невзгодами в просторах Тихого океана.

Советские люди видят в благородном поведении американских моряков, в заботливом отношении к советским юношам американских властей выражение отношений дружбы, которые развиваются между нашими странами. Хотелось бы, чтобы это послужило делу дальнейшего развития отношений между нашими государствами, которому Вы и я посвятили немало времени в ходе недавних наших бесед в США и для которого, я надеюсь, мы оба не пожалеем усилий во время наших предстоящих встреч.

С уважением

Н. ХРУЩЕВ

Москва. Кремль, 16 марта 1960 года.

Мэру города Сан-Франциско

Г-НУ ДЖОРДЖУ КРИСТОФЕРУ

г. САН-ФРАНЦИСКО

Уважаемый г-н мэр,

Позвольте мне искренне поблагодарить Вас и жителей Сан-Франциско за теплый и дружественный прием, оказанный четверке советских юношей, мужественно выдержавших борьбу со стихией.

Пусть благородные действия американских моряков по спасению советских людей и проявленная к ним сердечная забота с Вашей стороны послужат укреплению дружбы между народами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Советские люди не забудут этого глубоко гуманного акта аме-

риканских моряков и той теплоты, которая была проявлена к спасенным населением вашего прекрасного города Сан-Франциско и лично Вами.

Н. ХРУЩЕВ

Москва, Кремль, 16 марта 1960 года.

Министру обороны США
ТОМАСУ С. ГЕЙТСУ

Уважаемый г-н Министр!

Министерство обороны Союза ССР выражает благодарность командиру и личному составу американского авианосца «Кирсардж» за спасение жизней четырем советским военнослужащим, застигнутым стихией в Тихом океане.

Экипаж авианосца окружил большой заботой и вниманием спасенных советских военнослужащих, что свидетельствует о поддержании американскими моряками хороших морских традиций и способствует укреплению дружбы между нашими народами.

С уважением

Р. МАЛИНОВСКИЙ,
Маршал Советского Союза, Министр обороны Союза ССР

16 марта 1960 года.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
НИКИТЕ С. ХРУЩЕВУ

Председателю Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик

МОСКВА

Уважаемый г-н Председатель,

благодарю Вас за Вашу любезную телеграмму относительно спасения четырех советских солдат командой американского авианосца «Кирсардж».

Я испытываю благодарность за то, что для этих мужественных людей все закончилось благополучно, и рад, что наш флот смог спасти их от опасностей и лишений, которые им пришлось пережить.

Искренне

ДУАЙТ Д. ЭЙЗЕНХАУЭР

21 марта 1960 года.

Советские воины на приеме у мэра Сан-Франциско Джорджа Кристофера. (Слева направо): А. Зиганшин, Ф. Поплавский, Дж. Кристофер, И. Федотов, А. Крючковский.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении младшего сержанта Зиганшина А. Р. и рядовых Поплавского Ф. Г., Крючковского А. Ф. и Федотова И. Е. орденом Красной Звезды

За проявленное мужество при выполнении воинского долга и стойкость в борьбе с силами стихии **наградить:**

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

1. Младшего сержанта **Зиганшина** Асхата Рахимзяновича.
2. Рядового **Поплавского** Филиппа Григорьевича.
3. Рядового **Крючковского** Анатолия Федоровича.
4. Рядового **Федотова** Ивана Ефимовича.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 29 марта 1960 г.

Родительское спасибо

МОСКВА, КРЕМЛЬ.

Товарищу Н. С. ХРУЩЕВУ

Дорогой Никита Сергеевич!

Сегодня утром вся наша семья — родители, братья, сестры и жена Ивана Федотова услышали по радио Вашу телеграмму нашему сыну и его товарищам. До глубины души мы были взволнованы и рады. Не знаем, какими словами выразить Вам свою родительскую благодарность. Такое хочется сказать, какое еще никто не говорил.

Невыносимо трудно пришлось нашему сыну и его трем товарищам в океанской стихии. Но они устояли. Они оказались сильными духом и, думается, оказались такими потому, что воспитаны в Советской стране, которую ведет от победы к победе родная Коммунистическая партия. Ваша оценка поднимает значение подвига наших сынов.

Спасибо Вам, дорогой Никита Сергеевич, что Вы от нашего имени и от имени всех советских людей поблагодарили американских моряков за помощь попавшим в беду.

Сердечно благодарим Вас, дорогой Никита Сергеевич, за чуткую заботу о нашем сыне и его товари-

щах. От всей души желаем Вам здоровья и долгих лет жизни на радость людям всего мира.

Отец и мать Ивана Федотова — Ефим Трофимович и Евдокия Васильевна ФЕДОТОВЫ.

Село Богородское-на-Амуре,
Ульчского района, Хабаровского края.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.

НИКИТЕ СЕРГЕЕВИЧУ ХРУЩЕВУ

Мы, родители и родные Асхата Зиганшина, благодарим Коммунистическую партию, Ленинский комсомол за воспитание нашего сына в духе беззаветного служения Родине, советскому народу.

Будем еще лучше трудиться на благо любимой Родины.

Рахимзян, Хатимя, Мавулюмдян, Рамзия ЗИГАНШИНЫ.

Шентала, Куйбышевской области, 20 марта 1960 года.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.

Товарищу ХРУЩЕВУ

Дорогой Никита Сергеевич!

От чистого материнского сердца благодарю Вас за отеческую заботу о моем сыне Филиппе и его товарищах.

Спасибо родной Коммунистической партии и Советскому правительству, которые помогли нам, матерям, воспитать своих сыновей достойными великой Советской Родины.

ПОПЛАВСКАЯ А. Ю.

Чемеровцы, Хмельницкой области, 18 марта 1960 года.

ТЕЛЕГРАММА

Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Дорогой Никита Сергеевич!

С глубоким волнением и благодарностью мы прочитали Ваши отеческие слова, обращенные к нам, простым воинам Советской Армии. В дни тяжелых испытаний, выпавших на нашу долю, мы ни на минуту не забывали о матери-Родине, любовь к которой придавала нам силу в борьбе со стихией. Верные воинскому долгу, мы старались вести себя так, как подобает советским солдатам.

Докладываем Вам, что мы набираемся сил и здоровья, горим желанием как можно скорее вернуться на родную землю, чтобы снова занять свое место в боевом строю.

В ответ на Ваше теплое пожелание, дорогой Никита Сергеевич, мы отвечаем: «Служим Советскому Союзу!»

Младший сержант ЗИГАНШИН
Рядовые: ПОПЛАВСКИЙ
КРЮЧКОВСКИЙ
ФЕДОТОВ

г. Сан-Франциско. Караван-Лодж отель, 16 марта 1960 г.

Телеграмма ЦК ВЛКСМ

Асхату Рахимзяновичу Зиганшину, Филиппу Григорьевичу Поплавскому, Анатолию Федоровичу Крючковскому и Ивану Ефимовичу Федотову.

Дорогие наши товарищи!

Центральный Комитет ВЛКСМ приветствует вас от имени Ленинского комсомола, всей советской молодежи.

Сейчас вся наша страна говорит о вашем богатырском подвиге. Комсомольцы, наша молодежь особенно гордятся тем, что такой беспримерный героизм совершили воспитанники Ленинского комсомо-

ла, верные сыны социалистической Отчизны, взращенные нашей родной Коммунистической партией.

[В жестокой схватке с океаном вы проявили невиданную силу и стойкость духа, бесстрашие, выносливость, смелость, верность долгу и товариществу, высокий патриотизм. Вы еще раз показали всему миру, на какие подвиги способен советский человек. Мир снова рукоплещет героизму наших людей.]

Вы, наши дорогие сверстники, поступили как настоящие комсомольцы. Ваш подвиг будет служить примером для миллионов советских юношей и девушек, воспитывающих в себе высокие моральные качества советских людей.

Ваши имена, имена мужественных патриотов, отважных воинов, занесены в Книгу почета Ленинского комсомола и будут стоять рядом со славными именами молодых героев войны и труда — лучших представителей советской молодежи и комсомола.

Комсомольцы, все юноши и девушки нашей великой, могучей Родины желают вам, дорогие друзья, крепкого здоровья, успехов в труде, учебе, жизни.

До скорой встречи на родной земле.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ.

Героизм, мужество, сила духа

Передовая «Правды» от 17 марта 1960 г.

Обыкновенные, советские! Так ответил советский юноша, младший сержант Асхат Зиганшин на вопрос иностранного журналиста: да знаете ли вы сами, какие вы люди?

Два простых этих слова солдата ярко выражают исключительную скромность, высокое чувство достоинства, спокойную, уверенную силу характера советского человека — человека нового мира, воспитанного Коммунистической партией.

Когда закончилась Великая Отечественная война, старшему из них было всего лишь шесть лет. И все они — четверо — знают о воинском героизме, о подвиге их отцов и братьев в битвах за Родину лишь по рассказам других. Но всем строем советской жизни, всей нашей героической действительностью они были подготовлены, воспитаны к преодолению любых трудностей, которые могут встретиться на жизненном пути советской молодежи.

И вот сегодня весь мир с восхищением говорит о героическом подвиге советских юношей Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского, Анатолия Крючковского и Ивана Федотова. Попавшие в беду, отторгнутые разбушевавшейся стихией от берегов родной земли, потерявшие всякую связь с миром, они 49 дней на небольшом суденышке носились по безбрежным просторам

океана, в упорной борьбе преодолевая слепые силы природы. Из этой беспримерной борьбы юные советские герои вышли победителями, и ничто не смогло поколебать их духа, сломить их воли.

Советский народ восхищен подвигом своих сынов. Чувства нашего народа ярко выражены в приветственной телеграмме товарища Н. С. Хрущева этим мужественным людям:

«Своим подвигом, беспримерной отвагой вы приумножили славу нашей Родины, воспитавшей таких мужественных людей, и советский народ по праву гордится своими отважными и верными сынами».

Советская Родина! Любовь к ней определяет все мысли и чувства, поступки и действия советского человека, в каких бы условиях он ни был, при каких бы обстоятельствах ни находился. И вполне понятно, что, горячо поблагодарив своих спасителей — американских моряков, советские юноши думали только об одном: скорее возвратиться на Родину. Страна ждет своих героев, готовит им радостную встречу.

В мировой литературе есть много рассказов о том, какие бедствия претерпевали люди, волей судеб затерянные в океане. Были среди них и такие, которые отличались мужеством и храбростью. Но никогда еще не было, чтобы перед лицом постоянно грозящей опасности и в столь долгое время коллектив людей сохранял самообладание, выдержку, дисциплину, чувство долга, товарищества, высокие моральные качества и сознательность. Такой пример показали советские люди.

Чем объяснить их подвиг, какая сила помогла им преодолевать неимоверные трудности? Они сами отвечают на это. «Наша дружба. Так мы воспитаны», — говорит Анатолий Крючковский.

В подвиге четырех советских людей, как солнце в капле воды, отражаются черты советского образа жизни: дружба и взаимопомощь народов, морально-политическое единство нашего общества, животворный и действенный советский патриотизм. Кто они, эти герои? Простые советские люди, вчерашние рабочие и колхозники из разных мест нашей необъятной страны — с берегов Днепра, Волги, Амура. Их объеди-

няет одна мысль, одно чувство — служение своей великой социалистической Родине, своему народу — строителю коммунизма.

Когда вдумываешься в подвиг советских героев, в памяти встают горящие немеркнущим светом ленинские слова: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки». Так В. И. Ленин характеризовал первых революционных борцов за социализм, посвятивших всю свою жизнь борьбе за народное счастье. Наша советская молодежь восприняла, впитала в себя героические традиции ленинской партии коммунистов. Герои Тихого океана — живое олицетворение боевой советской молодежи, до конца преданной великому делу коммунизма. Как ни обрывист и труден был их путь, они, крепко взявшись за руки, прошли его с честью, преодолев все препятствия и преграды. Стремление нашей молодежи хорошо выражают слова известного «Марша энтузиастов»:

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесем через миры и века.

Подвиг советских героев глубоко взволновал мировую общественность, вызвал живой интерес во всех странах мира. Они встретили горячий прием в США, на землю которых вступили после тяжелых испытаний. В благородном поведении американских моряков, в заботливом отношении к советским юношам американских властей советские люди видят выражение отношений дружбы, которые развиваются между СССР и США. Товарищ Н. С. Хрущев в телеграммах президенту США г-ну Дуайту Д. Эйзенхауэру и мэру города Сан-Франциско г-ну Джорджу Кристоферу выразил благодарность за спасение четырех отважных советских юношей, за оказанный им теплый и дружественный прием.

Примечательны высказывания рядовых американцев. Моряк Джордж Келли говорит: «Я поражен, я не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение их ге-

ройством». «Русские, — заявил рабочий по ремонту дорог Питер Фокс,— какие-то необыкновенные люди, на мой взгляд. Я знаю их еще по прошлой войне, когда мы вместе сражались в Европе. Помните их Сталинград? Помните, как они ломали спину Гитлеру? Это же чудеса! И сегодня эти чудеса, как видите, они продолжают. Я уверен, что эти мальчики так же вели бы себя и в бою. Русские, они, наверное, все такие!»

Яркий образ советского солдата дал М. Шолохов в своем замечательном рассказе «Судьба человека». Герой этого рассказа Андрей Соколов — человек необычайной духовной силы. Прошедший через горнило войны, он не сломлен, не побежден ею. Вот он идет со своим маленьким приемным сыном. Вместе с автором читатель верит, что «этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит, и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина». Таковы они, наши сегодняшние герои, повзрослевшие сверстники маленького Соколова.

Советская страна — в расцвете своих жизненных сил. Каждый ее день полон напряженного труда, массового героизма народа, осуществляющего исторические решения XXI съезда КПСС. Подвиг четырех советских юношей, мужественно выдержавших борьбу со стихией, показавших пример служения Родине, вдохновляет нашу молодежь, всех советских людей на новые славные дела во имя укрепления мира во всем мире, во имя победы коммунизма.

Им рукоплещет Америка

Телеграммы из Нью-Йорка и Сан-Франциско корреспондента «Правды» Б. СТРЕЛЬНИКОВА

«МЫ ВОСТОРГАЕМСЯ ПОДВИГОМ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ!» — ГОВОРЯТ АМЕРИКАНСКИЕ МОРЯКИ

Все американские газеты сообщают о том, что авианосец «Кирсардж» взял на борт четырех советских солдат, баржа которых потерпела аварию у Курильских островов и была отнесена бурей далеко в океан. Все газеты подчеркивают в своих сообщениях беспримерное мужество советских людей, пробывших в океане 49 суток. Для здешней печати это стало сенсацией, затмившей многие события.

Авианосец «Кирсардж» идет сейчас из Гонолулу (Гавайские острова) в Сан-Франциско. В течение всего дня я пытался связаться с кораблем в надежде поговорить с нашими солдатами. Американские журналисты из газеты «Сан-Франциско кроникл», к которым я обратился за помощью, ответили мне, что «вся Америка висит на проводе их редакции. Журналисты из всех штатов, тысячи простых людей из всех городов США просят их газету передать привет советским героям, а также передать благодарность американским военным морякам, спасшим советских солдат». «К сожалению,— сказали мне в редакции,— газета не может связаться с авианосцем, который находится сейчас в открытом океане между Гавайскими островами и Сан-Франциско».

Американские коллеги посоветовали мне добиться связи с 12-й военно-морской базой США. «Может быть, советскому журналисту будет дано разрешение поговорить с кораблем»,— сказали американские журналисты. Но военно-морская база рекомендовала связаться с военно-морскими властями города Окленда.

— Кто говорит? — спросили меня из Окленда.— Корреспондент советской газеты? Все понимаем. Попытаемся соединить вас с авианосцем по радио.

Через 10 минут я услышал в телефонной трубке писк морзянки, шорох разрядов, затем приглушенный расстоянием голос американского радиста. Узнав, что корреспондент «Правды» хочет поговорить с советскими солдатами, радист позвал в радиорубку дежурного офицера корабля г-на Мон.

— *Мы восторгаемся подвигом советских людей,*— сказал Мон.— *Они вышли победителями в смертельной борьбе со стихией. Это настоящие парни!*

А еще через несколько минут я услышал русский голос:

— *Младший сержант Зиганшин слушает.*

Это было произнесено так, как будто не было за спиной младшего сержанта ни 49 дней скитаний в пустынном океане, ни мучительного голода, ни жажды.

— *Экипаж чувствует себя хорошо,*— ровным голосом продолжал тов. Зиганшин, хотя я чувствовал и слышал, как он волнуется.— *Мы благодарны американским морякам и особенно врачам американского корабля, которые окружили нас чутким вниманием и заботой. Наше единственное желание — скорее возвратиться на Родину.*

И еще добавил младший сержант:

— *На барже, которую пришлось оставить в океане, осталось кое-какое имущество. Непорядок.*

Тот, кто служил в армии, поймет младшего сержанта Зиганшина.

Затем трубку взял рядовой Федотов.

— *Передайте Родине,*— сказал он,— *что мы не уронили чести советских людей и никогда не уроним. В беде мы думали о Родине и вели себя, как подобает советским солдатам. Единственная у нас забота: наша*

солдатская одежда изодралась за дни, проведенные в океане. Как мы сойдем на американский берег одетые не по форме?

...Радиотелефонный разговор с американским авианосцем «Кирсардж» продолжался всего несколько минут. Но даже за это короткое время можно было многое перечувствовать и многое понять. Прежде всего — *доброе отношение американского народа, американских моряков к советским людям, попавшим в беду. И главное — героизм советских людей, скромную, но непоколебимую гордость советских юношей за свою великую страну, за советскую социалистическую Родину.*

Авианосец «Кирсардж» ожидается в Сан-Франциско 15 марта.

Нью-Йорк, 14 марта.

САН-ФРАНЦИСКО ПРИВЕТСТВУЕТ ОТВАЖНЫХ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Сегодня в 7 часов 45 минут по сан-францисскому времени в Сан-Франциско прибыл американский авианосец, на борту которого находятся четверо советских солдат, подобранных командой авианосца в открытом океане. Для встречи советских солдат прибыли корреспонденты из Сан-Франциско и из других городов Америки. Многие корреспонденты заранее на вертолетах были отправлены на борт авианосца. Наших солдат встречали также представитель посольства СССР в Вашингтоне и советские журналисты.

Через несколько минут авианосец останавливается недалеко от берега. Еще через несколько минут с его борта поднимаются вертолеты и направляются к берегу. Они садятся на зеленой лужайке, и вот из кабины выходят четверо советских юношей. Они выглядят хорошо, видимо, несколько отдохнули, но печать пережитого еще лежит на их лицах. Американские летчи-

ки, те, которые подобрали их в океане, и представители команды авианосца тепло прощаются с советскими солдатами. Они жмут им руки, обнимают их.

— Желаем счастья,— говорят американцы.— Привет вашим родным.

Советские солдаты сердечно благодарят, пожимают руки своим американским друзьям.

Сейчас четверо советских юношей находятся в одном из отелей Сан-Франциско, где они пробудут день или два, после чего вылетят в Нью-Йорк и затем в Москву. В беседе с корреспондентом «Правды» солдаты просят передать всему советскому народу, который беспокоился об их судьбе, своим родственникам и друзьям по службе, что они все 49 дней в океане думали о Родине и надеялись на скорую встречу со своими близкими, родными и друзьями. Из их рассказов встает следующая картина.

СОРОК ДЕВЯТЬ ДНЕЙ В ОКЕАНЕ

17 января самоходная баржа № 36, на борту которой находились четыре советских солдата во главе с младшим сержантом А. Зиганшиным, стояла на рейде.

Поднялся сильный восточный ветер. Опустился густой туман. Солдатам пришлось включить двигатель и войти в бухту.

Целый день дрейфовала баржа в бухте, выдерживая напоры сильного ветра. Ожидался сильный шторм. Судно обледенело, его заливало водой. Шел дождь со снегом. Не было видно ни зги. Солдаты пытались выбросить баржу на берег, но их понесло к так называемым «Чёртовым скалам». Волна подхватила легкое судно и бросила на скалу. В самый последний момент Зиганшин, вцепившийся в штурвал, успел повернуть судно и избежать столкновения со скалой. Ветер изменился, и баржу понесло на северо-восток.

Испортилась радиостанция. Солдаты слышали берег, но берег не слышал их. Волны потушили сигнальные огни.

Так прошло двое суток. Снег, дождь и шторм не прекращались.

У экипажа было две банки консервов, банка жира, буханка хлеба, два ведра картошки и бачок с пресной водой. Через неделю бойцы распределили свой рацион таким образом, чтобы принимать пищу раз в двое суток. Еще через несколько дней они варили суп, положив туда одну картошину, ложку крупы и ложку жира.

Штормовые дни сменялись штормовыми ночами. Солдаты слышали по радио нерусскую речь, но их никто не слышал.

Когда кончились продукты, они разрезали сапоги и варили куски кожи.

Младший сержант Зиганшин, рядовые Федотов, Поплавский, Крючковский показали себя настоящими советскими людьми. Иван Федотов рассказывал друзьям истории из прочитанных им рассказов о советских людях, побеждающих стихию в самых тяжелых условиях. «Самое главное,— говорил он,— не падать духом, ребята».

Дни шли за днями. Три раза бойцы видели проходящие вдали корабли, но никто не замечал их. Так наступило 23 февраля. Это был День Советской Армии. Бойцы решили отметить праздник. Они выкурили последнюю самокрутку табаку.

А «праздничный» обед был 24 февраля, его они сварили из последней картофелины, последней ложки крупы и последней ложки жира. Они стали пить воду раз в сутки, потому что дождевая вода кончалась. В карманах нашлись два рыболовных крючка. Солдаты сделали из консервной банки блесну, пытались ловить рыбу. Но она не брала приманку. Однажды солдаты увидели дельфинов, затем показалась большая акула. Она прошла около самого борта судна. Зиганшин хотел ударить ее багром, но не достал. Тогда из толстого гвоздя сделали крючок, на который пытались поймать акулу. Но из этого ничего не вышло.

Шли дни. Солдаты настолько ослабели, что все реже поднимались на палубу. Они уже не могли ходить, а только лежали и слабыми голосами пели песни, рассказывали друг другу о прочитанных книгах, вспоми-

нали товарищей. Дружба их стала еще прочнее. Они заботливо ухаживали друг за другом, поддерживали друг друга, вели себя, как подобает вести советским солдатам.

СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ

7 марта воины услышали шум авиационного мотора. Затем показался авианосец. Кто-то с его борта по-русски в рупор крикнул: «Помощь вам, помощь вам!» Через несколько минут с борта авианосца поднялся вертолет и повис над ними. С вертолета спустили стальной трос с петлей, и ослабевшие солдаты поочередно были подняты в кабину вертолета, а затем перенесены на борт авианосца.

Солдаты рассказывают, что Зиганшин потерял сознание, когда последним покидал баржу. Они обросли, одежда их истрепалась, на исхудалых лицах светились только глаза. Им задавали вопросы, но они не слышали их, потому что им отказал слух. Только через некоторое время люди пришли в себя и смогли ответить на вопросы американского офицера. Они сразу же выразили желание как можно скорее попасть на Родину.

Сейчас солдаты с волнением вспоминают о том, как тепло и трогательно отнеслись к ним американские моряки. Особенно заботлив был старшина первой статьи Василь Гетман — украинец по происхождению (его родители еще до Октябрьской революции переселились из Западной Украины в Америку). Он проводил с ними целые дни...

Сегодня советские воины тепло простились с американскими моряками. Командир корабля сказал им: «Вот это и называется советско-американской дружбой». Почти каждый моряк хотел пожать советским солдатам руку на прощание.

Покидая корабль, солдаты оставили следующее письмо, адресованное командиру авианосца командору Л. Р. Таунсенду:

«Мы, советские солдаты, потерпевшие морское бедствие в Тихом океане, от всего сердца благодарим офицеров и всю команду авианосца, которая спасла

нас и создала для нас такие хорошие условия на борту американского военного корабля». Это письмо подписали все четверо.

— Вы можете быть уверены,— заявил советским журналистам мэр города Сан-Франциско г-н Кристофер,— что мы будем делать все, что в наших силах, для того, чтобы ваши герои скорее поправились.

Г-н Кристофер, как известно, недавно гостил в Советском Союзе по приглашению Н. С. Хрущева.

— Передайте советским людям,— сказал далее г-н Кристофер,— что я только что вернулся в свой родной город и сейчас получил возможность хотя в небольшой мере оплатить им за чудесное гостеприимство тем, что смогу принять и от всей души встретить четырех советских воинов. Мы окажем вашим соотечественникам не только медицинскую и другую всевозможную помощь, но и окружим их сердечностью и теплотой.

Пользуясь случаем,— продолжал г-н Кристофер,— я хочу также передать свои самые наилучшие пожелания вашему премьеру г-ну Хрущеву. Еще раз передайте мою сердечную благодарность всем советским людям за великолепное гостеприимство. Мы в Америке восторгаемся подвигом ваших замечательных людей.

Американские и английские корреспонденты, которые прилетели на авианосец с Гавайских островов, восторгаются мужеством и скромностью советских солдат. Английских и американских корреспондентов особенно удивило то, что советские солдаты отказались принять крупные суммы денег за то, чтобы они «продали» свою историю для напечатания в журналах. Командир американского корабля заявил, что такого мужества и такой скромности он не встречал еще никогда.

Вся американская печать, и особенно сан-францисские газеты, уделяет много внимания подвигу советских солдат, победивших стихию и смерть. Газеты пишут о мужестве и о бодрости духа советских юношей, достойных своего великого народа.

Сан-Франциско, 15 марта.

ВОТ ОН, СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР!

Старшему из них 21 год, но в штатских костюмах, которые они надели в Сан-Франциско, они похожи на подростков. За 49 дней, проведенных в бушующем океане, каждый из них похудел более чем на двадцать килограммов.

Телеграф разнес имена этих четырех совстских юношей по всему миру. Газеты Америки и Европы снова заговорили «об удивительных, непостижимых людях России», способных на такой высокий подвиг, перед которым в изумлении останавливаются люди всей земли.

Они не очень красноречивы и не очень охотно рассказывают о себе. Нетороплив и спокоен Асхат Зиганшин. Там, в океане, в самые тяжелые минуты на его стальную волю опирался терпящий бедствие экипаж. Мечтательная улыбка время от времени скользит по задумчивому лицу Филиппа Поплавского. Рассудительный и хозяйственный украинец Анатолий Крючковский явно удручен вынужденным бездельем. Потомственный речник Иван Федотов не может скрыть своего удивления всеобщим интересом к ним со стороны американских журналистов. «Ничего особенного не произошло,— старательно втолковывает он репортерам.— Каждый советский солдат на нашем месте сделал бы то же самое».

И это как раз то, чего не могут понять, с чем не могут согласиться иностранные журналисты. Вот разговор одного из них с советскими солдатами:

Журналист: Я знаю, что в такой обстановке можно потерять человеческий облик, сойти с ума, превратиться в зверей. У вас, конечно, были ссоры, может быть, даже драки из-за последнего куска хлеба, из-за последнего глотка воды.

Зиганшин: За все 49 дней члены экипажа не сказали друг другу ни одного грубого слова. Когда кончалась пресная вода, каждый получал по полкружки в день. И ни один не сделал лишнего глотка. Лишь когда мы отмечали день рождения Анатолия Крючковского, мы предложили ему двойную порцию воды, но он отказался.

Журналист: В этом аду вы помнили о дне рождения товарища? Это звучит невероятно! А вы не думали о смерти, мистер Зиганшин?

Зиганшин: Нет, мы думали, что мы слишком молоды, чтобы легко сдаться.

Журналист: За каким занятием коротали вы длинные дни? Например, вы, мистер Поплавский?

Поплавский: Мы точили рыболовные крючки, вырезывали из консервной банки блесны, расплетали канат и вили лески. Асхат Зиганшин чинил сигнальную лампу. Иногда я вслух читал книгу.

Журналист: Как называлась эта книга?

Поплавский: «Мартин Иден» Джека Лондона.

Журналист: Это звучит невероятно!

Федотов: Иногда Филипп играл на гармонии, а мы пели.

Журналист: Покажите мне эту историческую гармонь.

Федотов: К сожалению, мы ее съели.

Журналист: Что-о-о? Как, съели?

Федотов: Очень просто. На ней были части из кожи. Мы отодрали ее, нарезали на куски и варили в морской соленой воде. Кожа оказалась бараньей, и мы шутили, что у нас два сорта мяса: первый сорт — кожа от гармонии, второй сорт — кожа от сапог.

Журналист: И у вас еще были силы шутить? Это непостижимо уму! Да знаете ли вы сами, какие вы люди?!

Зиганшин: Обыкновенные. Советские!

Есть что-то символическое в том случайном факте, что уже слабеющие от голода и жажды советские юноши, солдаты первого и второго годов службы, недавние рабочие, колхозники, читали вслух Джека Лондона, замечательного американского писателя, создавшего образы сильных одиночек, борющихся за жизнь в мире, где эгоизм, предательство, попрание дружбы являются первыми средствами в попытке выжить. Насколько выше самых сильных героев Джека Лондона, насколько сильнее духом эти парни!

Время от времени люди находят на морском берегу или в песках пустыни жуткие свидетельства человеческих трагедий — дневники тех, кто проиграл не-

равную борьбу со стихией. Чаще всего это страницы, полные отчаяния, ужаса перед смертью, слез и скорбных молитв. А сколько известно разных историй, когда люди, попавшие в беду, как дикие звери, перегрызали друг другу глотки за кусок хлеба, за глоток воды!

Один из американских журналистов спросил Анатолия Крючковского: «Что вам помогло так долго бороться с океаном?» Солдат ответил просто: «Наша дружба. Так мы воспитаны, наверное».

Да, так они воспитаны!

В битве с океаном они были не просто четыре человека — русский, два украинца, татарин, они были не просто четыре солдата. *Это был экипаж, это был коллектив советских людей.* У них были хорошие воспитатели — Коммунистическая партия, комсомол, офицеры части, в которой они служат, вся наша советская жизнь. И они оказались достойными своих воспитателей.

Высокая мораль советского человека, чувство советского коллективизма, святые традиции русской солдатской дружбы, физическая выносливость, испокон веков свойственная русскому солдату,— вот что помогло им стать победителями. Советский характер — вот основа их героизма.

Сегодня вся Америка хочет видеть советских юношей, которых называют здесь «героями Тихого океана». Кино и телевизионные компании Голливуда приглашают их к себе в гости, чтобы сделать о них фильм. Газета «Колл-буллетин» шутливо замечает, что американские военные моряки встретили наших юношей «не как «красных», а скорее, как королей».

От имени городского управления мэр Сан-Франциско г-н Кристофер вручил каждому из советских солдат золотые ключи от города Сан-Франциско.

Приближается день, когда Родина снова увидит в строю четырех солдат, настоящих советских людей, младших братьев Алексея Мересьева, сыновей Андрея Соколова из шолоховской «Судьбы человека».

Сан-Франциско, 16 марта.

«СЛУЖИМ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!»

В Сан-Франциско стоит чудесная весенняя погода. Красавец-город, широко раскинувшийся на крутых холмах, щедро залит ослепительным солнцем. К полудню ртутный столбик термометра поднимается до 25 градусов по Цельсию. Свежий западный ветер несет по улицам города соленый запах океана и чуть уловимый аромат фиалок.

С утра оживленно в маленьком уютном дворике отеля «Караван-Лодж», где живут четыре молодых советских солдата. Почти с самого рассвета на легких стульях, расставленных вокруг бассейна, располагаются американские журналисты, фоторепортеры и кинооператоры. Они ждут пробуждения солдат.

У отеля собираются группы школьников, студентов, мужчин и женщин. Некоторые из них шли на работу и остановились здесь на несколько минут в надежде увидеть советских юношей, о которых ежедневно рассказывают газеты и телевидение. Иные специально приехали сюда из других районов города.

Вчера почти всю первую половину дня советские юноши провели в обществе журналистов. Трогательной была встреча с земляками — советскими студентами, обучающимися в Калифорнийском университете. Наши студенты охотно приняли на себя роль переводчиков в беседах солдат с журналистами.

Во второй половине дня юноши совершили поездку по городу. А когда к вечеру они вернулись в отель, пришло такое замечательное известие, которое сделало для них этот солнечный день одним из самых ярких во всей их жизни.

Пришла телеграмма из Москвы, из Кремля, от Никиты Сергеевича Хрущева.

— *Младшему сержанту Зиганшину Асхату Рахимзяновичу, рядовым Поплавскому Филиппу Григорьевичу, Крючковскому Анатолию Федоровичу, Федотову Ивану Ефимовичу...*

Как описать волнение, которое охватило солдат при чтении этой телеграммы! Нужно было видеть их, чтобы понять их состояние. Чуть дрогнули руки стоявшего как в строю Филиппа Поплавского, побледнел смуглолицый

Анатолий Крючковский. Пряча слезы, опустил голову Асхат Зиганшин.

На мгновение воцарилась тишина. Словно перед взором солдат опять встал бушующий океан и все сорок девять страшных дней и ночей пронеслись перед их широко раскрытыми глазами.

Но вот кто-то первый пришел в себя и, встав в положение «смирно», сказал:

— Товарищи! Служим Советскому Союзу!

И четверо солдат, вытянувшись, громко повторили срывающимся от волнения голосом:

— Служим Советскому Союзу!

Они перечитывали телеграмму снова и снова. Как будто вся необъятная Родина-мать говорила в эти минуты со своими любимыми сынами: *«Мы гордимся и восхищаемся вашим славным подвигом, который представляет собой яркое проявление мужества и силы духа советских людей в борьбе с силами стихии».*

— Скорее бы на Родину! — отвечая каким-то своим мыслям, энергично произносит Зиганшин.

Да, скорей бы на Родину, скорей домой, где твой труд, твоя солдатская служба почетны и нужны народу.

...Я пишу эти строки глубокой ночью. Только что я проходил мимо комнаты, где живут солдаты. Через неплотно прикрытую дверь виден свет и слышен тихий разговор. Солдаты не спят. Наверное, сегодня они не уснут...

Уже вышли утренние газеты за 17 марта. На еще пахнущих типографской краской первых страницах опубликованы телеграммы Никиты Сергеевича Хрущева президенту США Д. Эйзенхауэру и мэру города Сан-Франциско Дж. Кристоферу. В посланиях Председателя Совета Министров СССР выражена благодарность всего советского народа американскому правительству, военным морякам и жителям Сан-Франциско за спасение советских солдат и оказанное им гостеприимство.

Печать широко комментирует подвиг советских солдат.

Газета «Сан-Франциско кроникл» в своем рассказе о мужестве советских солдат подчеркивает, что в течение 49 дней они не поссорились ни разу и трогательно помогали друг другу. Газета особенно выделяет их са-

модисциплину. Они разделили остаток пищи, пишет газета, и строго придерживались рациона. Они делили остатки воды. Это все поразительно, если учитывать их состояние.

Газеты передают разговор с врачом авианосца, который сообщил журналистам следующее: «Это прекрасные, замечательные ребята. Это очень высокий дух, замечательное чувство товарищества. Что касается их здоровья, то они поразили нас своей выносливостью, особенно был удивлен наш зубной врач, который после осмотра советских солдат заявил, что у переживших такое страшное испытание зубы гораздо лучше, чем у американских моряков на борту авианосца».

На улицах Сан-Франциско только и разговору, что о наших героических соотечественниках.

— Я надеюсь, что вы сохраните добрую память о нашем городе,— сказал им столяр Джексон.— Мы были рады оказать вам гостеприимство. Премьер Хрущев прав: это укрепляет дружбу!

...Прощаясь с Сан-Франциско, солдаты поднялись на самый высокий городской холм — Телеграфную горку. Бухта Золотые ворота, перечеркнутая красной линией знаменитого моста, лежала перед ними.

Из-за мыса появился большой военный корабль, он шел к океану. Ровные шеренги матросов стояли вдоль борта, обращенного к городу. Можно было заметить на моряках парадную форму. На площадке сверкала медь оркестра.

— Это же «Кирсардж!» — взволнованно воскликнул один из наших солдат.

Корабль уходил в новое плавание. Четверо советских солдат помахали руками вслед «Кирсарджу». И если бы американские моряки знали, что в эту минуту на них смотрят советские солдаты, тысяча дружеских рук взметнулась бы им в ответ. Их снова приветствовал бы экипаж авианосца, как сегодня им рукоплещет вся Америка.

* * *

Сердечно попрощавшись с Сан-Франциско, напутствуемые добрыми пожеланиями, А. Зиганшин, Ф. Поплавский, А. Крючковский и И. Федотов на американском пассажирском самолете направились

в Нью-Йорк. Корреспондент «Правды» сопровождает героев.

Тотчас после взлета пассажирам самолета стало известно, что среди них находятся четыре советских солдата — «герои Тихого океана», как их здесь называют. Трогательную заботу о советских юношах проявляют все, и особенно стюардессы. От имени авиационной компании, которой принадлежит самолет, они вручают солдатам памятные сувениры. Один за другим к нашим ребятам подходят пассажиры самолета, чтобы пожать им руку, сказать им несколько слов, просто воскликнуть: «Гуд лак, бойс!» («Желаем вам счастья, ребята!»).

Пожилой бизнесмен Гарри Прауд говорит:

— Я узнал из газет, что вы улетаете сегодня из Сан-Франциско, и сразу же помчался покупать билет именно на тот самолет, где будете вы. Все эти дни я хотел встретиться с вами, но мне мешали дела. Сегодня я решил, что мой единственный шанс — это лететь с вами в Нью-Йорк. Здесь у меня внуки, и я должен рассказать им о вас. Пусть они знают, у кого им учиться мужеству и силе духа.

— Моего сына, американского военного моряка, освободили из фашистского плена советские солдаты,— говорит Дороти Клей,— а теперь американские моряки протянули руку помощи четырем советским солдатам-морякам в Тихом океане. Ну, кто же будет возражать против такого использования вооруженных сил? Пусть бы всю жизнь они спасали друг друга, а не воевали друг с другом,— смеется она.

Нью-Йорк встречает нас моросящим дождем и низким серым туманом. Холодно, сыро, на желтых лужайках лежит грязный снег. Но как трогают душу солдата радостные улыбки соотечественников!

Славным советским парням преподносят букеты живых цветов, вручают многочисленные телеграммы от советских людей, в которых выражаются чувства братской любви и восхищение их беспримерным мужеством, стойкостью и выдержкой.

Сан-Франциско — Нью-Йорк, 17—18 марта.

КУРС НА РОДИНУ!

Через два часа океанский пассажирский пароход «Куин Мэри», на борт которого только что поднялась четверка советских солдат, медленно отойдет от стенки причала Пятидесятой улицы Нью-Йорка и двинется по Гудзону к выходу в океан. Растают в туманной дымке небоскребы Нижнего Манхэттена, и первая океанская волна ударит в грудь корабля.

Через четверо с половиной суток наши солдаты сойдут на землю Франции. Из Шербура поезд доставит их в Париж. Это уже совсем близко от Родины.

— От Парижа до Москвы несколько часов летного пути. Хорошо бы попасть на «ТУ-104». Ведь советский самолет — это частичка Родины.

Так беседуют между собой на борту «Куин Мэри» герои Тихого океана.

Родина! Как рвутся к тебе сердца твоих сынов! Как благодарны они тебе за любовь и заботу о них!

Долго идут до Америки советские газеты. Только два-три дня назад начали поступать в Нью-Йорк номера, в которых целые страницы посвящены четырем советским солдатам. И надо было видеть, с каким волнением и смущением эти мужественные скромные юноши читали статьи об их подвиге, письма к ним советских людей. «Спасибо!» — шепчут их дрожащие от волнения губы, когда читают они теплые слова советских людей, обращенные к ним с далекой Родины.

Они никогда не забудут того, что пришлось им пережить в океане. Иногда они просыпаются в середине ночи и долго молча лежат с открытыми глазами. Но между собой они любят вспоминать только самые светлые минуты из всей череды этих тяжелых 49 дней. А светлых минут было много, даже больше, чем можно себе предположить. Это были минуты, когда особенно проявляла себя солдатская дружба, суровая, крепкая и нежная.

— Проснулся я утром 27 января,— вспоминает Анатолий Крючковский,— не успел глаза открыть, а ребята уж тут как тут, поздравляют с днем рождения, обнимают, руку жмут. Филя Поплавский на гар-

мошке какой-то марш играет. А океан ревет, грозится...

Много написано книг о дружбе, много песен поет об этом советский народ. Поэтические легенды о ней рассказывают друг другу восторженные мальчишки-романтики в пионерских галстуках. Когда-то, не так уж, впрочем, давно, и эти четверо парней носили пионерские галстуки. Они помнят сборы, посвященные дружбе, затем комсомольские собрания, рассказы о челюскинцах, папанинцах, Алексее Маресьеве.

Их скромность достойна восхищения. Но она была также предметом огорчения для некоторых американских журналистов, которые привыкли к тому, что «герои» сами ищут встречи с газетчиками и даже вручают им заранее приготовленные папки с подробным описанием подвигов. А эти ребята пожимали плечами, как только встречались с журналистами.

Но как полюбили их за эту скромность простые американцы! Оператор Сан-Францисской телевизионной компании, прихрамывающий грузный старик, не отходил от наших ребят целыми днями. Он, как ребенок, радовался каждому удачно снятому кадру. «Никогда еще за всю свою жизнь я не работал с таким удовольствием,— сказал он нам.— Я как будто помолодел. Я счастлив, что снимаю настоящих людей».

Этот оператор сделал все, чтобы кадры, снятые им, как можно скорее увидели американцы. Да и не только американцы. Он радовался, когда узнал, что снятые им кадры видят советские люди.

Передо мной лежит письмо, которое написал нашим ребятам бывший моряк Джо Хаммонд. «Я, старая, видевшая виды морская акула, и поверьте мне, я знаю, что такое океан, когда у него плохое настроение. До сих пор я был убежден, что человек — ничтожество перед его величеством океаном. Вы доказали обратное. Самый грозный океан ничего не может поделать с человеком, если это настоящий Человек. Я восхищен вашим мужеством и вашей скромностью. Я склоняю перед вами, юноши, свою седую голову и говорю вам: тысяча раз вам спасибо за то, что вы возвеличили Человека».

В письме, подписанном — «Человек, который

вас полюбил», говорится: «Может быть, вы заметили, что в Сан-Франциско за вами неотступно следовал человек в синем берете. Если заметили, то, наверное, подумали, что это переодетый полицейский, приставленный для вашей охраны. Но это не полицейский. Я просто хотел узнать, как ведут себя русские после того, как весь мир назвал их героями. И, следуя за вами по пятам, я понял, что героическое заложено в вас с детства. Видимо, вы привыкли носить семена героизма в себе, и не замечаете их. Как мне показалось, шумная слава даже утомляет вас. Это непривычно видеть здесь, на Западе. Вы, может быть, с улыбкой отмахнетесь от моих слов, но я все-таки скажу, что вы самые человечные герои, которых я когда-либо встречал. Вы настоящие люди, и этим все сказано».

Этим действительно все сказано. Самые простые, самые человечные молодые люди, юные граждане Союза Советских Социалистических Республик, скромно и буднично совершили подвиг, еще более возвеличивающий советского человека.

Борт парохода «Куин-Мэри».
Нью-Йорк, 23 марта.

ВНУКИ ЛЕНИНА

Александр ЖАРОВ

Океан неистовый
Семь недель подряд
Проверял выносливость
Четырех солдат,
Проверял, испытывал
Яростной волной,
Стоном и молчанием,
Стужей ледяной...

На барже беспомощной
Сорок девять дней
Он носил, изматывал
Четырех парней.
Изнурял их голодом,
Жаждою томил.
Но солдатской стойкости
Так и не сломил.

Хмурый спутник вечности,
Океан не знал,
Что у наших воинов
Не простой закал.
Выдержку особую,
Ленинскую сталь
Закалила с юности
В них Отчизна-мать...

Имя нашей Родины
Снова день-деньской
Повторяет с гордостью
Океан людской.
Буря изумления
На земле растет.
— Это внуки Ленина! —
Говорит народ.

Четыре богатыря

Б. ПОЛЕВОЙ

Все эти дни вечером, подходя к приемнику, мы испытывали необычайное волнение: что с ними, как себя чувствуют, как пережили они свое необыкновенное путешествие?

В ожидании последних известий, вращая ручки приемника, перескакиваешь с одной волны на другую. В эфире теснятся разноязычные голоса. И на многих, даже на совсем незнакомых языках звучат эти четыре, вчера еще никому не известные, а сегодня близкие, дорогие, родные каждому советскому человеку фамилии: Зиганшин, Крючковский, Поплавский, Федотов...

Четыре юноши — татарин, украинцы, русский. Простые и, вероятно, в прошлой своей жизни ничем особенным и не примечательные люди. Но в том и величие их беспримерного подвига, совершенного в неоглядных океанских просторах, что внезапная и необычная беда, обрушившаяся на них, вдруг обратила этих четырех простых советских парней в богатырей. Мужество, стойкость, величие, скромность, душевное благородство — все эти качества советского характера, проявившиеся в них, позволили им выйти победителями в беспримерной 49-дневной битве с океанской стихией.

Несколько лет тому назад все газеты западного мира писали, как о чем-то небывалом, невиданном,

неповторимом, о подвиге французского врача доктора Алена Бомбара, совершившего на надувной лодке 65-дневное плавание по южным морям. Доктор Бомбар — храбрый, мужественный человек, долго готовился к этому путешествию. Собираясь в плавание, он проверил свое маленькое судно, запасся парусами, вооружился лучшей рыболовецкой снастью, приборами для того, чтобы добывать пресную воду из рыб. Он совершил выдающийся подвиг. Он доказал, что человек, потерпевший кораблекрушение, может выжить, даже если помощь приходит к нему через 10—20 дней. Этот подвиг западная пресса расценила как предел героизма. О нем писали статьи. Фотографии Бомбара печатались во всех журналах, передачи о нем шли по всем западным радиостанциям и передавались по телевидению.

Мы не хотим сколько-нибудь умалить мужество доктора Бомбара. Никто, как советские люди, не умеет ценить подвигов, совершенных во имя науки. Сейчас хочется только сравнить, сопоставить то, что сделал он, с той величественной эпопеей, которая так счастливо завершилась у причалов Сан-Францисского порта.

Четверо советских юношей не готовились к своему беспримерному подвигу. Они внезапно для себя начали его героической борьбой со штормом огромной силы, борьбой, продолжавшейся не одни сутки, борьбой изнурительной и трудной. Их вынесло на просторы океана уже измученных в этой нечеловеческой схватке. Их судно, потерявшее управление, стало игрушкой волн. Они попали на просторы океана почти без запаса пищи и пресной воды. У них не было с собой ни карты, ни лоции. У них не было ни рыболовецкой снасти, ни приборов для добычи пресной воды. Их несло по неведомым водным просторам, и единственными ориентирами им служили солнце и звезды.

Но это были советские люди. У них было советское сердце, у них был советский характер. А это то, что дает нашим людям возможность совершать чудеса. Морская литература полна описаний того, как люди, потерпевшие кораблекрушение, перед лицом своей страшной беды постепенно теряют человеческий об-

лик. Сколько таких горьких и очень страшных историй запечатлела мировая литература.

Четыре советских юноши очутились в суровых условиях. Шторм трепал потерявшее управление судно. Но последняя корка хлеба, съеденная в День Советской Армии, была разделена ими на четыре равные части.

И в труднейший час, когда они уже теряли сознание от голода, они подбадривали друг друга, рассказывая едва слышными голосами истории из прочитанных книг, или пели песни своей далекой Родины, мечта о которой рождала в них волю к победе. И вера в свои силы дала им в конце концов возможность совершить невероятное. Они победили. Их, четырех простых советских парней, весь мир приветствует как четырех богатырей, как людей, сумевших совершить невероятное, недоступное до сих пор для человека. Но они и тут не потеряли головы. Они крепко жмут руки американским военным морякам, оказавшим им помощь. Они, вероятно, не видят даже ничего особенного в том, что им довелось совершить: ведь они — советские люди. Разве могло быть иначе? То же совершил бы любой советский воин, любой советский человек, очутившийся в их условиях. Так отвечают они пораженным представителям западной печати, встретившим их на первых метрах земли.

Смотришь на снимок, переданный по фототелеграфу через океан, и будто воочию видишь их, этих четырех советских юношей. Вглядываешься в их лица и думаешь: да, это советские люди! Сегодня им от имени советского народа Председатель Совета Министров Никита Сергеевич Хрущев шлет через океан теплое, отеческое приветствие.

Я смотрю на их фотографии и думаю: ведь они не похожи на героя рассказа Джека Лондона «Любовь к жизни», человека, который после нечеловеческих скитаний, попав на спасшее его американское судно, прячет в матрац сухари и консервы. Нет, они не потеряли ни крупицы человеческого. С великим достоинством беседуют они с иноземными корреспондентами. Их возмущает, когда какой-то газетный концерн предлагает им за огромную сумму «запродать их историю»

монопольно для этого концерна. Их по-человечески радует доброе, сердечное радушие американских моряков. С большим достоинством и теплотой благодарят они за гостеприимство командора Л. Р. Таунсенда. С такими же достоинством и признательностью принимают они от мэра Кристофера почетный дар — ключи города Сан-Франциско.

Четыре простых парня. Четыре солдата. Четыре человека, еще только вступившие недавно в сознательную жизнь. Но это советские парни. Это советские солдаты. Это люди страны социализма — и все, что поражает в них иностранную печать, кажется нам, советским людям, закономерным. И все-таки, откровенно говоря, я завидую тому писателю или тому поэту, который будет писать книгу об этих четырех простых советских людях.

Спасибо тебе, Родина-мать!

Младший сержант Асхат ЗИГАНШИН

Вы просите меня написать статью в «Правду», но я никогда в жизни не писал статей и даже не знаю, как к этому приступают. Если бы в газете была напечатана статья за моей подписью, то все, кто меня знает, сразу бы догадались, что статью эту написать, как говорится, мне помогли. А я так волнуюсь от всего того, что нам приходится переживать, что даже не могу как следует рассказать о моих чувствах.

Нет, я не ошибся, когда сказал «переживать», а не «пережить». Там, в океане, мы не переживали, а боролись. Мы сказали себе, что в любых условиях мы должны, как говорится, вести себя так, как подобает советским солдатам. Тогда у нас была одна главная мысль: победить!

Мои товарищи и сам я очень молоды. Опыта жизни у нас не так уж много. Мы, как говорится, только вступили в жизнь. И вот нам, простым советским солдатам, глава Советского правительства Никита Сергеевич Хрущев шлет телеграмму, приветствует и поздравляет. Вы не можете представить, как это нас обрадовало, взволновало.

В Сан-Франциско один американский журналист сказал, что мы какие-то особые вроде люди. А я сказал ему, что мы обыкновенные люди, не из камня, а из мяса и костей, вот даже похудели, как все люди ху-

Рассказы А. Зиганшина, Ф. Поплавского, А. Крючковского, И. Федотова записаны корреспондентом «Правды» Б. Стрельниковым.

деют, когда не едят подолгу. Только, конечно, мы советские люди, вот что главное.

А другой журналист спросил: кто научил вас мужеству? Я даже вроде растерялся тогда и не знал, что ответить. А еще один спросил: вы молились во время шторма? Тогда я сказал ему: да, мы молились и даже «священник» у нас свой был, рядовой Иван Федотов. Это он нам рассказывал о челюскинцах, об Алексее Маресьеве, Иване Папанине, о героях Брестской крепости. Всех их, о ком он рассказывал, мы знали раньше. Но на этот раз и Маресьев и Папанин вроде стояли рядом с нами на барже и говорили: «Крепитесь, братки! Ведь вы же — советские люди».

У нас в кубрике были газеты, и в одной из них попалась нам на глаза карта района Тихого океана, где проводились тогда испытания наших ракет. Посмотрели мы на карту и даже повеселели. Дескать, может, вынесет нас в этот район и встретимся мы там с советскими судами. Но ведь если всю правду говорить, то повеселели мы главным образом не оттого, что карта напомнила нам о ракетных испытаниях, а о том, какого великого, могучего государства мы люди. Советские люди! И нельзя нам уронить это звание!

Я был старшим на барже, и хотя экипаж у нас был маленький, ответственность за людей и за имущество я чувствовал большую. Бывали минуты во время нашего дрейфа, когда шторм, казалось, перевернет баржу. Бывали минуты, что мне казалось — люди скоро не выдержат испытаний, что у них не хватит сил и они перестанут подчиняться своей воле, перестанут думать о жизни и отдадутся во власть апатии. В эти минуты я незаметно для товарищей поглядывал на них, боясь найти в их глазах следы отчаяния. Но ни разу даже намека на отчаяние, даже намека на усталость я не обнаружил. Вели себя солдаты безупречно.

В первый день шторма мы несколько раз избегали столкновения со скалами. Порой мне казалось, что еще секунда, и мы ударимся со страшной силой о какой-нибудь камень. Я стоял у штурвала, и, конечно, многое зависело от меня, но я ничего не сделал бы, если бы не наши отличнейшие мотористы Анатолий Крючковский и Филипп Поплавский. Они знали свое

А. Р. Зиганшин.

Рис. В. Добровольского.

дело, и, пока у нас было горючее, я знал, что моторы нас не подведут. Хорошим, опытным моряком и хорошим солдатом показал себя также Иван Федотов. Он пришел на наш катер всего за две недели до начала дрейфа. Он опытный речник и показал себя неплохим моряком. И, что самое главное, это человек с большой энергией, человек, который умеет ценить дружбу. Именно такой человек и нужен был нашему экипажу.

Дружба, говорят, познается в беде. Это золотые слова. Так позналась и наша дружба. Американские газеты все удивляются, что мы ни разу не поссорились между собой и никому в голову из нас не пришла мысль украдкой взять из общего котелка последнюю картофелину, чтобы прожить на день больше. Они удивлялись нашей дружбе, дисциплине, выдержке, а мы удивляемся тому, что это их так поражает. Но, как говорится, удивляться здесь нечему.

Говорят, у хороших родителей дитя не замечает, как его воспитывают. Мы как-то и не заметили, как воспитали нас наша мать Родина, партия, комсомол, армия.

Хороший сын будет всегда благодарен заботливой матери. Мы все очень любим наших матерей. Спасибо им за все, что они сделали для нас. И сто тысяч раз спасибо нашей матери Родине. Всю жизнь до последнего дыхания мы будем верными ее сынами!

На американском корабле один моряк сказал нам, что Никита Сергеевич Хрущев сделал очень много, чтобы Советский Союз и Америка жили в дружбе. Мы на себе испытали результаты его усилий. Американцы нас встретили, как друзья. Они сами говорили, что такого отношения к нам могло не быть в те годы, когда вовсю бушевала «холодная война».

Спасибо всему советскому народу, всем нашим соотечественникам, приславшим свои приветы и добрые пожелания. Мы очень тронуты и взволнованы вниманием к нам и теплой заботой о нас. Мы горим желанием скорее вернуться на Родину, обнять родных, близких, друзей, вернуться в строй, в семью советских людей.

г. Нью-Йорк, 18 марта.

Эти семь недель

Рядовой Филипп ПОПЛАВСКИЙ

17 января наша легкая самоходная баржа стояла на рейде. Дул сильный восточный ветер, перешедший вскоре в шторм. Рядом с нами стояла еще одна баржа. Я отдыхал после смены и проснулся от страшного грохота. Потом прозвучал сигнал тревоги. Когда я выскочил на палубу, увидел — огромные волны кидают наши баржи друг на друга. Затем нас оторвало от «бочки» и понесло к берегу, прямо на скалы.

Асхат Зиганшин принял решение включить двигатели и уйти от опасного берега. Когда мы оказались на безопасном расстоянии, я выключил моторы, потому что нужно было беречь горючее: никто не мог сказать, сколько продлится шторм. Но скоро нас снова понесло к берегу. Мы опять включили моторы и снова ушли в море, и снова нас понесло на скалы.

От грохота волн мы не слышали друг друга. Снег с дождем и высокие волны закрыли горизонт. Не видно было ни берега, ни соседней баржи, холодно было чертовски. Вышла из строя рация, снесло ящик с углем для печки. Сорвало проводку от аккумуляторов к сигнальному огню. А по радио нас предупреждают, что шторм усилится еще больше.

У нас кончалось горючее, и мы решили уйти подальше, подальше от страшных камней. Когда отошли, ветер изменился и погнал нас дальше в море. Тут по ра-

дио мы услышали: «Т-36, отвечайте, Т-36, отвечайте! Прием». Нас искали. А мы ни ответить не могли, ни повернуть к берегу: горючее кончилось.

И понесло нас в открытый океан. Машинное отделение наполнилось водой. Мы разыскали в днище пробоину, быстро заделали ее и принялись откачивать воду. Мокрые были с головы до ног. Мокрыми были и наши постели. Морская вода попала в питьевой бак, в продукты. К тому же мороз крепчал. Обледенели бушлаты, валенки, шапки.

Шторм не унимался еще двое суток. Мы падали от усталости, не ели, не спали. Зиганшин и Федотов сменяли друг друга у штурвала. Крючковский и я откачивали воду и заделывали пробоины.

Шторм утих на несколько часов, и на море опустился густой туман. По рации мы слышали, как снова нас звала земля. Но снова мы ей ни слова сказать не могли.

На четвертые сутки мы впервые поспали. По очереди. Пробковыми поясами растопили печку, сварили обед и поели в первый раз. Старшина осмотрел запасы продовольствия и сказал: «Нужно экономить продукты».

Так началась наша океанская жизнь. Ныть не будем — будем бороться. Не погибать же! Не этому нас учили. Нас учили другому — нет безвыходных положений!

В океане снова штормило. Несколько раз на баржу обрушивались огромные валы. Шторм бушевал днем и ночью. Волны бросали нас с борта на борт. Наши лица и руки кровоточили от ударов о стенки кубрика. Соль разъедала ссадины.

Но утихал шторм, и мы иногда пели. Мы играли на гармошке, вспоминали оставшихся на берегу друзей, пытались представить себе, что они делают сейчас.

Дни шли, и наш продовольственный запас таял. Скоро старшина стал варить «суп» через день. Окончилась пресная вода. Собирали дождевую. Пили по пять глотков в день. Потом и по три.

Однажды ночью я увидел в море огни парохода. Закричал. На палубу выскочила вся команда. Зиганшин стал «писать» сигнальной лампой призыв о помощи. Нам показалось, что мы видим ответное мигание

Ф. Г. Поплавский.

Рис. В. Добровольского.

сигнальных ламп парохода. Обрадовались. Казалось, пароход идет к нам.

— Поворачивает! — закричал Федотов. Но корабль прошел мимо.

И снова на наше судно обрушился шторм. Потом мы подсчитали, что из 49 дней дрейфа у нас было только пять спокойных.

Когда море утихало, мы пытались ловить рыбу. Два крючка у нас было, а еще два мы выточили напильником из тонких гвоздей. Распустив кусок каната, мы свили лески. Из консервной банки вырезали блесны. Но рыба не ловилась. Однажды у самого борта появилась акула. Зиганшин кинулся к борту с багром в руках, замахнулся, но багор оказался коротким, и акула ушла. На другой день у нас было уже пять крючков: сделали их из большого гвоздя.

И еще раз мы увидели вдали пароход. Это было днем. На мачту баржи подняли самодельный «сигнал бедствия» — белую портянку. Увидят или не увидят? Нет, на пароходе нас не заметили. Не заметил нас и третий пароход, который появился через несколько дней. Тяжело это было. Ох, как тяжело! Но тут Федотов сказал: «Прошли три, будет и четвертый». Поверили — будет и четвертый!

Никогда не забыть мне 23 февраля. День Советской Армии. Мы решили отметить его обедом. Решить-то решили, а отмечать нечем! Можно было в последний раз сварить «суп». Но Зиганшин сказал: «Суп мы варили вчера. Давайте растянем праздник. Давайте сегодня покурим, а пообедаем завтра». Мы согласились. Зиганшин скрутил цигарку, и мы по очереди покурили. Это был наш последний табак.

Пришел день, когда окончились все продукты. Мы пили теперь по два глотка воды в день. Слабели. Думали о родной земле. Как она далеко!

В последний раз сыграли на гармошке.

— Врагам не сдается наш гордый «Варяг»...— запевал Толя Крючковский...

Хорошая была гармошка! Мы отодрали от нее кожу. Варили ее в морской воде. Кусочки варева жевали, намазав на них технический вазелин...

Да, трудно было. Помогали друг другу, как могли.

Никогда не забуду: однажды во сне я почувствовал, как кто-то из друзей накрывает меня своим бушлатом. Хотел проснуться и не мог. Но я чувствовал человеческое тепло — бушлат был теплый!

Никогда не забыть мне и разговора между Зиганшиным и Крючковским, который я услышал случайно.

— Сколько еще продержимся? — тихо спросил Крючковский.

— Пока акулу не поймаем,— ответил старшина,— а когда поймаем да пообедаем, тогда ты меня еще раз спроси. Ответ будет точным.

Так начинался сорок девятый день нашего дрейфа в океане.

Нью-Йорк, 19 марта.

Солдатская дружба

Рядовой Анатолий КРЮЧКОВСКИЙ

Я хочу рассказать о нашей солдатской дружбе. Именно она, крепкая и душевная, помогла нам перенести все невзгоды, неожиданно свалившиеся на нас. Много раз в части бывалые люди говорили нам, как важна и дорога солдатская дружба. Но только оказавшись в бушующем океане, мы оценили, мы поняли, что это такое — настоящее товарищество! И здесь прежде всего хочется рассказать о старшине нашей самоходной баржи младшем сержанте Зиганшине, который был душою этой дружбы. Он никогда ничего не говорит о себе, и американские журналисты даже обижались на него за это. Зиганшин действительно необычайно скромный человек.

Во время службы и в дни дрейфа он был нашим командиром. У него есть все нужные командиру качества: воля, требовательность, инициатива, умение ориентироваться в обстановке. Он сплотил вокруг себя наш маленький коллектив и личным примером вселял в нас бодрость духа и мужество. Наш старшина — один из тех людей, которые не умеют говорить громких слов, а долг свой выполняют тихо и незаметно.

Во внеслужебное время мы зовем его просто Виктором. Это его русское имя, к которому он привык с детства. В комсомольском билете у него тоже написано: Виктор. Зиганшина очень уважают воины нашей

А. Ф. Крючковский.

Рис. В. Добровольского.

части. Именно он был избран групкомсоргом взвода. В комсомол он вступил еще в седьмом классе средней школы, а потом пошел учиться в училище механизации сельского хозяйства. Вскоре он стал трактористом и начал работать в колхозе.

Зиганшин служит в армии уже полтора года. После окончания школы рулевых он был назначен старшиной нашей самоходной баржи. Кстати, я думаю, не каждое судно могло бы выдержать то, что выпало на долю нашей «Тридцать шестой». Уж как ее бросало, как било волнами... А ей хоть бы что! И конструкция хороша, и металл надежный.

Мы уважаем нашего старшину. Хороший у него характер, да и знает он больше нас. В его аттестате об окончании школы рулевых все, кроме одной, оценки — «отлично». Знания старшины, его находчивость, умение оказали добрую услугу нам в первый же день шторма. Ветер и огромные волны стремительно погнали тогда нас на «Чёртовы скалы». Потом Иван Федотов, который стоял в эту минуту у штурвала вместе с Зиганшиным, рассказывал, что он даже зажмурился, когда неожиданно перед носом баржи из пелены снега и дождя вынырнул острый камень. Он выступал из воды на два — три метра. Федотову показалось, что сейчас все кончится. Но когда он открыл глаза, то увидел — камень уже позади, а баржа идет новым курсом. Сделал это наш Виктор, наш командир. Так было три раза, и только искусство старшины, стоявшего у штурвала, спасло нас.

Когда кончилось горючее и нас вынесло в океан, Зиганшин первым подумал о том, что надо исправить повреждения, нанесенные судну штормом. Мне могут возразить: ну что, дескать, здесь особенного, что первым подумал об этом Зиганшин. Он старшина баржи — ему и карты в руки. А дело тут вот в чем. После разговора о повреждениях получилось так, будто первым заговорил об этом и подумал я, а не Зиганшин. Вот какой он хлопец!

С первого же дня дрейфа старшина решил, что нам нужно побольше растянуть запас продовольствия. И мы, конечно, согласились с ним. Сперва мы готовили пищу по очереди. Но скоро мы попросили Зиганшина,

чтобы он сам готовил пищу для всего экипажа. Ему, как командиру, не положено было этим заниматься. Но здесь были особые условия...

Вот и сейчас, через много дней после окончания нашего дрейфа, я не могу не вспомнить, что Зиганшин все время незаметно следил за нашим физическим и моральным состоянием. Одному он неожиданно приказывал отдохнуть, причем приказ, оставаясь приказом, выглядел как дружеский совет. Другому он вдруг поручал наточить рыболовный крючок, сделанный из гвоздя, или достать материалы для лески. И человек принимался за дело, гнал от себя грустные мысли.

— Кстати,— спросил он как-то у Федотова,— ты уже теперь отцом стал, наверное?

— Да, уже время родиться,— отвечал Федотов.— Сын будет, Сашка!

— А вдруг девочка? — шутливо возразил Поплавский.

И мы долго говорили о том, как вернемся, как приедем к Ивану в гости...

Я помню слова Зиганшина, сказанные им утром 7 марта, за несколько часов до нашей встречи с американским авианосцем.

— Выше голову, ребята,— сказал он.

— Скоро весна,— поддержал командира Иван Федотов,— откроется навигация, больше будет кораблей в океане, и нас найдут.

— Обязательно найдут,— ответил Зиганшин.

Мы видели, что он очень слаб. Ему было труднее, чем всем нам. Переживал он не только за себя, но и за нас и за судно. Он поддерживал всех нас. А мы старались поддерживать его. Ни на минуту не покидала его мысль об успехе. Этой мыслью жили мы все.

Как и подобает командиру, Зиганшин последним из нас покинул баржу.

Первое, что сказал он американскому офицеру, было:

— Спасибо. Просим помочь нам как можно скорее вернуться на Родину. Нас ищут... Нас там ждут!

Нью-Йорк, 20 марта.

Настроение бодрое: скоро домой!

Рядовой Иван ФЕДОТОВ

Утром Филипп Поплавский сказал:

— Поздравляю вас, товарищи, с Международным женским днем — 8 Марта. Завтра будет пятидесятый день нашего плавания. Есть предложение, старшина, выдать к обеду по добавочному куску «сапожатины»...

Поплавский был прав только наполовину. Шел действительно сорок девятый день нашего дрейфа, но это было седьмое, а не восьмое марта. Мы забыли, что нынче год високосный и в феврале было не 28, а 29 дней.

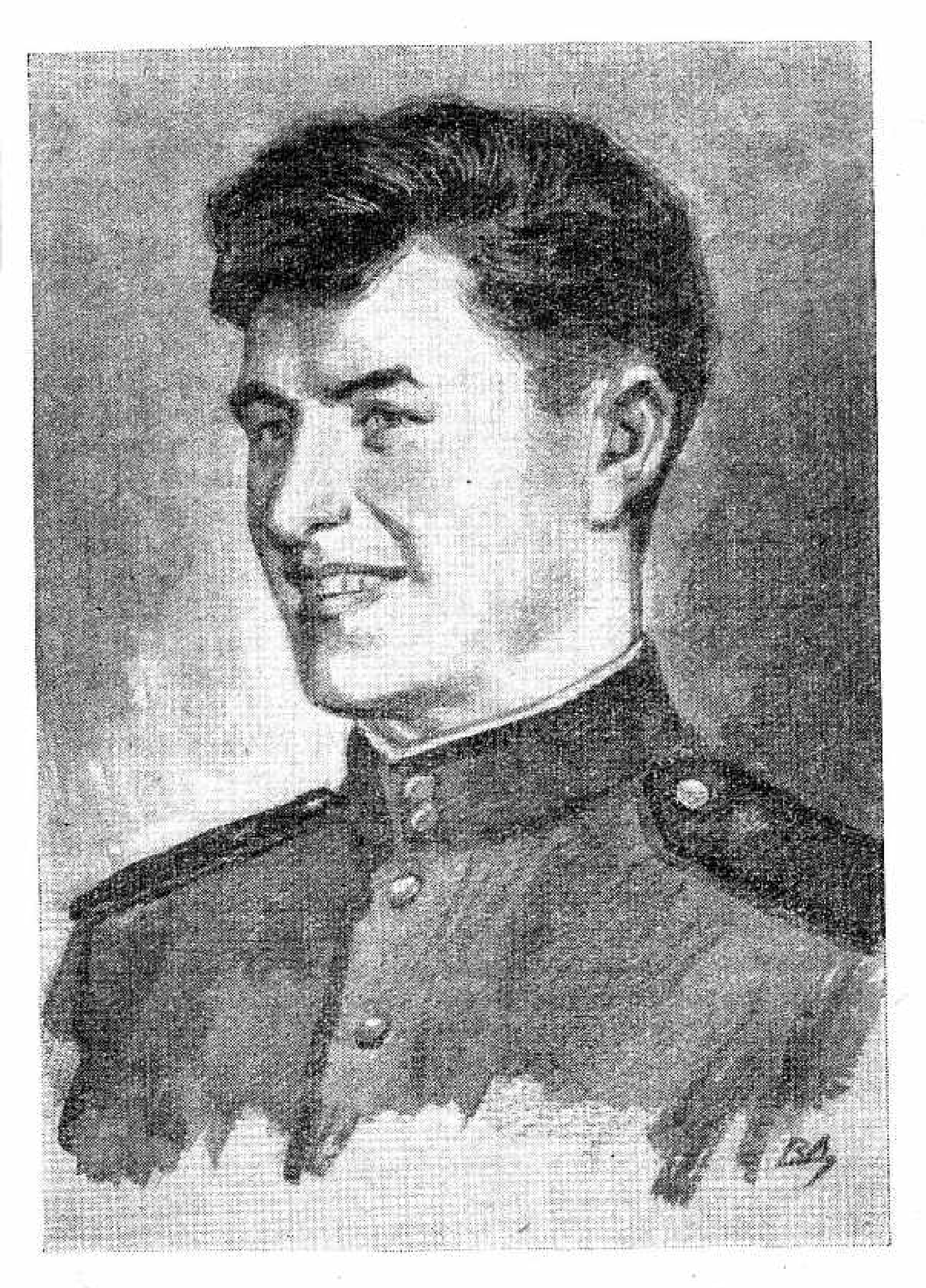
Мы лежали в кубрике, когда вдруг Зиганшин крикнул:

— Моторы! Самолеты!

У меня уже давно гудело в голове, звенело в ушах, и поэтому я не поверил. Подняв с койки голову, недоверчиво прислушивался и Анатолий Крючковский. Но Зиганшин был уже на палубе.

Да, это были самолеты! Их пилотировали, как мы потом узнали, американские летчики Глен Конрад и Дэвид Мерикл. Самолеты сделали над нами круг и улетели. У нас уже так ослабло зрение, что мы тогда не смогли рассмотреть их опознавательные знаки.

Через некоторое время над нами появились два вертолета. Когда они опустились ниже, мы поняли, что это американцы. С вертолетов на катер опустили

И. Е. Федотов.

Рис. В. Добровольского.

стальные тросы. Но мы знаками показали пилотам, что остаемся на барже. Дело в том, что мы успели посоветоваться и решили, что раз вертолеты прилетели так быстро, значит, где-то близко земля или авианосец. Мы не хотели оставлять нашу «Тридцать шестую» в открытом океане и надеялись, что нас поймут и пришлют за нами катер, который и возьмет баржу на буксир.

Вскоре появился большой корабль. Это был авианосец «Кирсардж». С его борта крикнули дважды по-русски: «Помощь вам!»

Видимо, от волнения меня оставили силы. Смутно помню, что кто-то искал на моей руке пульс. Помню, что я почему-то просил сперва курить, а потом уже пить. Помню, как обожгла рот первая ложка бульона.

И дальше я хочу рассказать об американских моряках. Мы никогда не забудем врачей с авианосца, и прежде всего доктора Фредерика Беквита. Мы узнали потом, что его называют «самым милым доктором». Действительно, этот добрый, внимательный и отзывчивый человек заслуживает такого имени.

Всегда будет в нашей памяти образ повара Райфорда. Чтобы доставить нам удовольствие, он по поварской книге впервые в своей практике приготовил украинский борщ и пельмени. С ним добровольно соревновался авиационный механик Гетман, который однажды в свободное время, ночью, приготовил для нас украинские галушки.

Василь Гетман родился в Америке в семье украинцев, покинувших родину в 1913 году. С трудом он вспоминал украинские слова, все свободное от службы время проводил с нами. Он плакал навзрыд, когда прощался с нами в Сан-Франциско.

Когда мы стали поправляться, моряки с «Кирсарджа» устроили для нас концерт самодеятельности — пели свои песни, выколачивали чечетку...

Американские моряки не скрывали, что они восхищены дружбой между нами — советскими солдатами. Снова и снова они спрашивали: «Неужели вы ни разу не поссорились? Неужели никто из вас не сделал лишнего глотка воды?»

Американских врачей поразила наша выносли-

вость. Они то и дело исследовали нас, брали анализы, делали рентгеновские снимки и только удивленно разводили руками.

Испытания все остались позади, и в эти дни мы жили одной мыслью — скорей, скорей на Родину. Мысли наши все время обращались к нашей Родине, к родным, к боевым друзьям из части. Признаюсь, что иногда сердце щемило: может быть, нас уже считают погибшими? Может быть, уже плачут наши матери? Как хотелось крикнуть нам через весь океан так, чтобы услышали на Родине: «Дорогие наши, мы живы! Ждите нас, не сомневайтесь в нас!»

В один из дней нас разбудил посыльный дежурного офицера и пригласил пройти в радиорубку. Нам сказали, что корреспондент «Правды» из Нью-Йорка вызывает нас по радиотелефону. Это был первый голос Родины, донесшийся к нам. Мы узнали, что советские люди шлют нам свой привет и самые лучшие пожелания. Мы были взволнованы до глубины души.

В Сан-Франциско мы тепло простились с американскими моряками и стали гостями мэра города г-на Кристофера, который только что вернулся из Москвы. Он принял нас в первый же вечер, принял тепло, как будто мы были старыми знакомыми.

Отель, где мы жили в Сан-Франциско, буквально взяли в осаду американские журналисты. Они готовы были разговаривать с нами целыми днями, и только авторитет нашего врача Анастасии Николаевны Озеровой усмирял их пыл.

А в соседней с нами комнате, где жили советские журналисты, беспрерывно звонил телефон. Это нам звонили из редакций московских газет, с Украины, с Волги, из Свердловска, из Ташкента... За один день не меньше чем двадцать человек из разных городов Советского Союза спешили сообщить в Сан-Франциско, что на Амуре у меня родился сын!.. А вчера — поверьте, товарищи, не могу говорить об этом без волнения— здесь, в Америке, я увидел на фотографии, переданной из Москвы по радиотелеграфу, свою жену и сына Сашу...

16 марта мы получили телеграмму от Никиты Сергеевича Хрущева. Вряд ли я смогу описать чувства,

охватившие нас в ту минуту. Мы были так взволнованы, так потрясены, что сперва даже потеряли дар речи. Эта отеческая телеграмма — самая высокая награда за все, что мы пережили в океане!

Внимание к нам, простым советским молодым людям, со стороны нашей партии и правительства, со стороны всего советского народа нас ко многому обязывает. Мы ответим Коммунистической партии, нашему народу, нашей стране за их любовь и заботу самыми хорошими делами, делами всей своей жизни.

Послезавтра Асхат Зиганшин, Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский и я на пассажирском пароходе отправимся во Францию, чтобы затем следовать в Советский Союз на самолете. Настроение у всех нас бодрое: скоро домой! С нетерпением мы ждем того дня, когда ступим на землю своей Родины, любовь к которой придавала нам силы в борьбе с океанской стихией.

Нью-Йорк, 21 марта.

И ПОБЕДИЛИ!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Завидую тому, кому дано
прославить эту весть стихом чеканным.
Четыре сердца бились, как одно,
в жестокой схватке с грозным океаном.

И победили! В рост сумели встать
лицом к лицу с бедою неминучей!
И оказались Родине под стать —
своей любимой матери могучей.

На всей земле сегодня говорят
о глубине неслыханной отваги.
Да, для таких подвижников-солдат
священно слово воинской присяги!

Верность воинскому долгу

В те дни, когда четверо отважных советских солдат еще находились в Нью-Йорке, из Н-ского гарнизона, с Курильских островов, в «Правду» пришли фотографии. Сделанные руками фотолюбителей-однополчан, они наглядно рассказывали о повседневной воинской жизни героев Тихого океана: Асхат Зиганшин в группе товарищей; все веселые, чему-то радостно смеются... Филипп Поплавский и Анатолий Крючковский на своих рабочих местах в машинном отделении легендарной «Тридцать шестой»... А вот еще один снимок — Иван Федотов с оружием в руках принимает военную присягу. Смотришь на него, и кажется, что вместе с командирами молодого солдата, с его товарищами по подразделению слышишь торжественные, весомые, на всю жизнь западающие в сердце слова воинской клятвы на верность Родине:

— «...До последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству...»

С достоинством и честью выполняли солдаты священные веления военной присяги в пору своей повседневной службы. С еще большим достоинством и честью пронесли они высокое звание советского воина через нечеловеческие испытания единоборства с океанской стихией, показали всему миру, каким огромным, по-

истине неисчерпаемым запасом энергии, мужества, воли, силы духа обладает каждый советский человек. В своей приветственной телеграмме смелым воинам товарищ Н. С. Хрущев от имени всего нашего народа подчеркнул, что их *«героизм, стойкость и выносливость служат примером безупречного выполнения воинского долга».*

Для всех советских солдат, несущих свою почетную и ответственную службу не только на Дальнем Востоке, но и в других военных округах и на флотах, подвиг Асхата Зиганшина, Анатолия Крючковского, Филиппа Поплавского и Ивана Федотова является примером ревностного выполнения воинских обязанностей, преданности Родине. Этот подвиг мирного времени призывает доблестных защитников созидательного труда советского народа настойчиво воспитывать в себе постоянную готовность к преодолению любых трудностей, быть смелыми, мужественными, обладать отвагой, выносливостью, силой духа. Успех, которого добились четверо солдат в борьбе с океанской стихией, блистательная победа, достигнутая ими в сорокадевятидневной схватке с злыми силами природы, была подготовлена всей их трудовой жизнью и в том числе жизнью в рядах Советской Армии. Командиры и политработники, партийные организации, армейский комсомол развили в советских юношах те благородные качества, которые живут в самой душе нашего великого народа, привили им высокое чувство солдатской верности долгу перед Родиной.

Когда у Курильской гряды случилась беда с унесенной в океан самоходной баржей «Т-36», стали известны краткие, но выразительные данные о ее немногочисленном экипаже.

Командир экипажа, старшина баржи, младший сержант Асхат Зиганшин. Год рождения — 1938-й. По национальности — татарин. Образование — семь классов средней школы и училище механизации сельского хозяйства. Призван в ряды Советской Армии в 1958 году. Бывший тракторист. Член ВЛКСМ. Родители: отец Рахимзян — конюх, — и мать Хатимя живут в селе Шентала, Куйбышевской области. Есть братья и сестры.

Моторист, рядовой Филипп Григорьевич Поплавский. Год рождения — 1939-й. Украинец. Образование — семь классов средней школы. В рядах Вооруженных Сил с 1958 года. Бывший рабочий-строитель. Член ВЛКСМ. Дома, в поселке Чемеровцы, Хмельницкой области, у него осталась мать Александра Юлиановна, сестры и брат.

Моторист, рядовой Анатолий Федорович Крючковский. Год рождения — 1939-й. Украинец. Образование — семь классов средней школы. В Советскую Армию призван в 1958 году. Бывший слесарь. Член ВЛКСМ. В поселке Турбове, Винницкой области, на свекловичной плантации работает мать Анна Федоровна. С ней живут сестра и брат А. Крючковского.

Матрос, рядовой Иван Ефимович Федотов. Год рождения — 1938-й. Русский. Беспартийный. В рядах Советской Армии с 1959 года. Бывший шкипер-речник. Уроженец села Богородское-на-Амуре, где и сейчас живут его отец Ефим Трофимович — старшина почтового катера, коммунист, мать Евдокия Васильевна, жена Ираида, братья и сестры.

Вот таков был экипаж «Тридцать шестой», выброшенной свирепым штормом в кипящий, вздымающийся «девятыми валами» океан. Как видно, все они, эти четыре двадцатилетних парня, самые простые советские люди, из простых трудовых семей. И биографии их самые простые: учеба, труд, служба в армии. Еще совсем недолгая — по полтора года, а у Ивана Федотова и того меньше,— но уже заполненная немалым количеством доблестных солдатских дел.

До прихода на «Тридцать шестую» Асхат Зиганшин учился в школе рулевых старшин и окончил ее, как и многие другие, с высокими оценками. Придя из школы рулевых старшин в часть, он стажировался под наблюдением одного из весьма опытных специалистов — Юрия Лебедева, уже однажды отличившегося при спасении судна и награжденного медалью «За отвагу».

Сейчас друзья-однополчане с Курильской гряды вспоминают, как шло дело в экипаже «Тридцать шестой», как формировался ее теперешний экипаж. Юрий Лебедев—наставник Асхата Зиганшина—старался пре-

доставить как можно больше самостоятельности новому старшине баржи. И Зиганшин настойчиво накапливал навыки. Хотя было порой трудновато, он не опускал руки. Сказалась трудовая закалка.

Постепенно складывался и коллектив экипажа — дружный, спаянный. Первым на «Тридцать шестую» еще летом прошлого года прибыл Филипп Поплавский — активист, делегат недавно прошедшей комсомольской конференции. Он сразу же поразил воинов игрой на гармошке. Играл он задорно, пальцы так и бегали по клавишам. Эти пальцы любовно ремонтировали двигатель. Поплавский мог часами возиться с мотором, проверяя и регулируя каждую деталь. Его машинное отделение всегда находилось в образцовом состоянии. Он по праву считался среди товарищей одним из лучших знатоков техники. Командир шесть раз поощрял этого отличного специалиста за ревностное несение службы.

Потом в экипаж пришел Анатолий Крючковский — на редкость скромный, молчаливый парень. Зато, как и Поплавский, он мог работать без устали. Вместе с ним он не раз удивлял товарищей быстротой работы при регулировке двигателей.

Кончилось короткое курильское лето. Все чаще стал задувать зюйд-ост. Уже в сентябре пришлось выдержать свирепый шторм. Ветер достиг десяти баллов. Легкое суденышко сразу понесло к берегу. Асхат Зиганшин, стоявший у штурвала, беспокойно оглянулся на своего наставника — Юрия Лебедева. Но тот молчал. На миг младший сержант задумался.

— Полный вперед! — решительно скомандовал он и, обернувшись, коротко пояснил:

— На той стороне бухты штормовать удобнее...

Товарищи вспоминают, что когда через много часов волны улеглись и баржа подошла к причалу, Лебедев, положив руку на плечо Зиганшина, сказал:

— Принимай команду, младший сержант!

Помнят на Курилах и такой эпизод. Последним рейсом пришел пассажирский пароход. Океан был неспокоен. Тяжелый накат с грохотом бился о берег. Экипаж «Тридцать шестой» получил приказ: помочь в погрузке людей на пароход. На рассвете самоходная баржа

подошла к причалу. Было еще темно. По рукам пошли ребятишки. Детские ручонки доверчиво хватались за плечи солдат. Потом на баржу вошли и взрослые. Прошло около получаса, пока баржа добралась до места. И тут Филипп Поплавский обнаружил, что в машинное отделение поступает вода. Приток ее все увеличивался. Поплавский торопливо поднялся в рубку.

— Беда, командир,— наклоняясь к уху Зиганшина, тихо сказал он,— пробоина!

Не раздумывая, Зиганшин бросился в воду и стал шарить рукой по днищу. Холодом обжигало тело. Сводило пальцы. Но младший сержант, не обращая на это внимания, проверял каждый сантиметр днища. Наконец он обнаружил пробоину. Она была большой. Баржа, по-видимому, получила ее при ударах о пирс, еще во время погрузки людей. Что же делать? А вода все прибывала и прибывала, угрожая утопить судно.

— Давайте ветошь! — нашелся Зиганшин.— Намотаем на доску.

Не без труда удалось забить кляп в пробоину. Когда погрузка пассажиров закончилась, пароход дал прощальный гудок. Люди приветливо махали с палубы экипажу баржи, доставившей их на пароход. Они и не подозревали, какой опасности только что избежали.

Изо дня в день хорошо, по-солдатски трудился экипаж «Тридцать шестой». Она перевезла десятки, сотни тонн груза. Сегодня лес, завтра картошка, послезавтра еще что-либо... Асхата Зиганшина комсомольцы избрали групкомсоргом взвода. От командира он получил за примерную службу несколько поощрений.

Дружно жил экипаж. Весело. Сообща проводили приборку, вместе чинили машины, даже еду варили по очереди. Асхат Зиганшин проявил себя хорошим хозяином: по его предложению переоборудовали кубрик. По его же предложению внесли изменения в порядок швартовки баржи на «бочку». Теперь это стало делать удобнее и проще. Зимой на «Тридцать шестую» пришел Иван Федотов — опытный речник, не одну навигацию проплававший по Амуру. Он быстро включился в дело, быстро завоевал уважение товарищей.

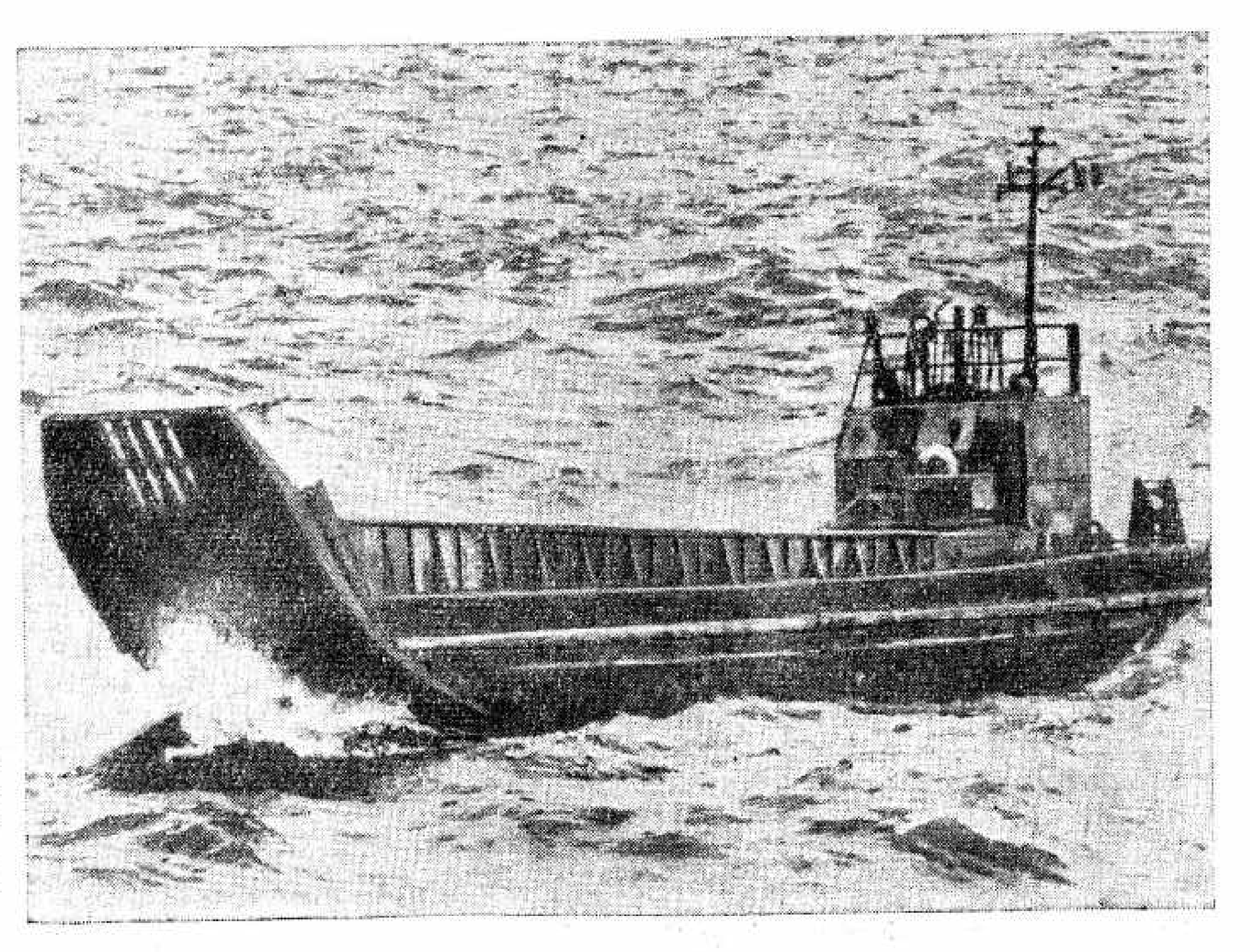
Когда в части подводили итог социалистического соревнования, командир поставил экипаж «Тридцать

шестой» в пример другим воинам. Младший сержант Асхат Зиганшин и рядовой Филипп Поплавский получили одно из самых почетных воинских поощрений — награждение личной фотокарточкой военнослужащего, снятого при развернутом Знамени части.

Солдат с «Т-36-й» однополчане любили и уважали. Теперь уже широко стали известны некоторые подробности всего случившегося в ненастный январский день, сложность обстановки, в которой произошла беда, подробности того, как на Курилах старались помочь воинам, отважно боровшимся со стихией. И здесь, в действиях воинов на берегу, как и в действиях тех, кто оказался в бушующем океане, ярко проступают черты замечательной солдатской дружбы, тесного войскового товарищества, взаимовыручки — этих важнейших сторон многогранной воинской жизни.

Мы знаем, что внезапно налетевший на Курильскую гряду шторм застал на рейде не одну, а две буксирные баржи: «Т-36», экипаж которой возглавлял младший сержант А. Зиганшин, и «Т-97» — младшего сержанта П. Троцюка. Экипажи, выполняя приказ, стремились во что бы то ни стало укрыться в бухте. Но на «Т-97» отказал мотор. Судно, несмотря на усилия солдат, стремительно понесло волнами. Его на полном ходу ударило о берег. В момент отлива члены экипажа один за другим спрыгнули на землю. Новый «девятый вал», высотой метров в двенадцать, высоко поднял баржу и, отступая, бросил ее. Так продолжалось долго. Судно могло разбить или унести в океан.

В это время экипаж «Т-36», борясь с ураганным штормом, медленно, но верно продолжал путь по бухте. Капитан-лейтенант Л. Перфильев по тревоге вызвал группу солдат на спасение баржи «Т-97». Спасательными работами было поручено руководить старшему инженер-лейтенанту Е. Сусеву и лейтенанту А. Абрамову. Несколько человек забрасывали на баржу трос. Налетевшая волна подхватила младшего сержанта В. Жаркова и с силой ударила его о валун. Четыре солдата тут же бросились на выручку. Откатывающаяся волна уже подхватила было Жаркова, увлекая его в океан. Но он, собрав силы, успел схватиться за трос. Подоспевшие товарищи буквально вы-

Самоходная баржа «Т-36», на которой в течение 49 суток советские воины отважно боролись с океанской стихией.

рвали его из океана. Воины оттащили «Девяносто седьмую» на недосягаемое для прибоя место. А «Т-36» все еще продолжала продвигаться по бухте.

В ответ на запрос капитан-лейтенанта Перфильева младший сержант Зиганшин уверенным голосом доложил:

— Личный состав чувствует себя хорошо. Держимся. Находимся примерно в середине бухты. Все в порядке. Выдержим!

Вскоре налетевшим снежным зарядом «Тридцать шестую» скрыло из глаз. Капитан-лейтенант Перфильев доложил о случившемся по команде. Он принял решение направить лыжников вдоль берега. Выбросило же на землю баржу «Т-97». Вполне вероятно, что это могло случиться и с «Тридцать шестой».

И вот группы лыжников начали патрулировать вдоль берега. Через несколько часов солдаты, с огромным трудом преодолевавшие буран, обнаружили на прибрежной полосе несколько предметов: резиновый сапог, бочонок с пресной водой, бочку с отработанным машинным маслом и, наконец, подушку для заделки пробоин в судне.

Лейтенант Абрамов осмотрел подушку.

— С «Тридцать шестой»,— сказал он солдатам.— Точно такую я выдавал Зиганшину!..

А другая группа лыжников из соседнего подразделения обнаружила на берегу три дощечки, какие обычно держат на судах для ремонта. На одной из них было размашисто написано: «Т-36». Это, без сомнения, были предметы с баржи Зиганшина. Но где же она? Выброшена на берег? Укрылась в какой-либо бухте? Или ее унесло в океан?

Трудно было представить, как «Тридцать шестая» переносит этот сильнейший шторм. Ведь это совсем небольшое судно, рассчитанное на перевозку грузов вдоль побережья при волнении моря не выше четырех баллов. Его, говоря техническим языком, данные были таковы: длина по ватерлинии—17,3 метра, высота борта—2,06 метра, средняя осадка с полным грузом—1,24 метра. Наибольшая длина трюма — 11,5 метра, ширина — 3,6 метра. Водоизмещение — около 100 тонн. На барже, развивающей скорость хода около 9 узлов,

установлено два мотора. Для обеспечения непотопляемости судна на нем имеются междудонные и бортовые герметические отсеки, а также система трубопроводов и ручной насос для осушения кормового отсека и моторного отделения. Для отдыха экипажа в кормовой части баржи оборудован небольшой кубрик.

На Курилах была создана оперативная группа по руководству поисками «Т-36». Поступил приказ: при малейшей возможности поднять в воздух самолеты, направить в океан корабли... Но по-прежнему неистово бушевал океан, по-прежнему завывала пурга. Однако, несмотря на штормовую погоду, в море вышел сторожевой корабль пограничников под командованием капитан-лейтенанта Долгачева. Моряки, самоотверженно борясь со штормом, вели настойчивый поиск баржи «Т-36» Им удалось оказать помощь двум судам, терпящим бедствие,— траулеру «Павлоград» и рыболовецкому катеру с командой из шести человек во главе со старшиной Канцуровым. Но «Т-36» пограничникам обнаружить не удалось.

С нетерпением ждали улучшения погоды летчики. Как только несколько прояснилось, на одном из аэродромов сделали попытку поднять в воздух вертолеты, чтобы еще раз тщательно осмотреть побережье. Ветер был слишком силен, от этого плана пришлось отказаться. Но самолеты все же поднялись в воздух. Их экипажи вели поиск «Тридцать шестой» в сложнейших метеорологических условиях. Капитан А. Тихонов, командир звена К. Чимбай, летчик второго класса М. Скрипников и другие вели разведку океана, углубляясь в него на весь радиус полета своих машин. За океаном велись неотступные наблюдения и техническими средствами.

Поиски еще более усилились, когда над океаном наконец проглянуло солнце. Солдаты, летчики, моряки — все горели одним желанием: не жалея сил, с риском для жизни, как можно быстрее прийти на выручку четырем солдатам, попавшим в беду. Люди прилагали поистине героические усилия, чтобы разыскать экипаж пропавшей баржи.

С чувством огромного облегчения и искренней радости за своих товарищей узнали воины-дальневосточ-

ники, что «Тридцать шестая» обнаружена американскими военными летчиками с авианосца «Кирсардж» более чем в тысяче миль от Курильской гряды, что экипаж ее находится в безопасности. В части, где проходят службу А. Зиганшин, Ф. Поплавский, А. Крючковский и И. Федотов, сразу же, как только стало известно об их подвиге, состоялся митинг. Младший сержант В. Маслов, рядовой В. Душкин, старший лейтенант М. Абраменко, командир подразделения капитан-лейтенант Л. Перфильев выступили на этом митинге с проникновенными словами о замечательном героизме, проявленном славными однополчанами, о той гордости, которая охватила воинов, узнавших о стойкой борьбе их товарищей с океанской стихией.

— Какие бы тяжелые испытания ни ложились на плечи советских людей,— говорили участники митинга,— их сердца всегда наполнены думой о родной стране.

И тут же были составлены телеграммы. Первая — боевым друзьям в Америку. «Совершенный вами подвиг,— писали воины-курильцы А. Зиганшину, Ф. Поплавскому, А. Крючковскому и И. Федотову,— является образцом верности военной присяге. Именно так поступают советские воины, воспитанные Коммунистической партией, преданные своему народу, Родине».

Другие телеграммы пошли из гарнизона на Курильских островах родителям отважных однополчан — в Шенталу, Куйбышевской области, к конюху Рахимзяну Зиганшину; в Турбов, Винницкой области, к А. Ф. Крючковской; в Чемеровцы, Хмельницкой области, к А. Ю. Поплавской; в Богородское-на-Амуре, Хабаровского края, к речнику Е. Т. Федотову. Кратко рассказав отцам и матерям, как хорошо несли службу их сыновья, участники митинга поблагодарили родителей за воспитание молодых патриотов.

Народ и армия в нашей стране едины. Одними мыслями, одним дыханием живут у нас и труженики семилетки и защитники мирного, созидательного труда советских людей. Вот почему на Дальний Восток, в адрес части, где служат четверо победителей Тихого океана, сразу же, как только стало известно об их подвиге,

пошел поток писем и телеграмм. Первыми свой сердечный привет однополчанам героев прислали их родители. Простые, волнующие строки этих телеграмм глубоко запали в душу каждого воина.

«...Спасибо, родные, что вы воспитали нашего сына в духе стойкости и мужества, что помогли ему и его товарищам выдержать суровые испытания, в трудной борьбе победить стихию океана»,— пишет семья Зиганшиных.

«...Вы вместе учились быть мужественными и стойкими защитниками нашей Родины. Считаю, что каждый поступил бы так же, как Филипп»,— говорится в телеграмме А. Ю. Поплавской.

«...Желаем однополчанам Анатолия, всем славным защитникам дальневосточных рубежей верно служить любимой Родине»,— написали Крючковские.

«...Иван и его боевые друзья проявили мужество, стойкость, выносливость, глубокую преданность своему народу, крепкую воинскую дружбу. Шлем воинам-дальневосточникам наш горячий родительский привет, желаем вам новых успехов в службе»,— телеграфировали Е. Т. и Е. В. Федотовы.

Идут на Дальний Восток, на Курилы письма и телеграммы со всех концов страны. Примером доблестного выполнения воинского долга, показанным А. Зиганшиным, Ф. Поплавским, А. Крючковским и И. Федотовым, восторгаются сталевары и колхозники, ученые и пионеры, исследователи Антарктиды и пограничники. О них, простых советских воинах, о семи неделях, проведенных ими лицом к лицу с разбушевавшейся океанской стихией, говорит весь мир. Люди всей нашей планеты стараются понять, что же лежит в основе их подвига, какие силы питают их отвагу, мужество и героизм. А они, советские солдаты, скромно говорят, что, собственно говоря, ничего особенного не произошло, что, будь на их месте другие советские воины, они поступили бы так же, сделали бы то же самое.

Они глубоко правы, наши однополчане из далекого гарнизона! Ни на минуту в самые тяжелейшие моменты своего героического дрейфа они не забывали о воинском долге, о том, что они присягали честно служить Родине, быть храбрыми и дисциплинированными сол-

датами. На полузатопленной волнами «Тридцать шестой» ни на минуту не переставал жить, пусть маленький, но дружный, спаянный железной дисциплиной воинский коллектив — небольшое, крепко сплоченное, проникнутое высокими патриотическими устремлениями подразделение Советской Армии! Наша великая социалистическая Родина тем и сильна, что у нее миллионы таких сыновей — скромных, трудолюбивых, спаянных чувством коллективизма, безраздельно преданных своему народу, готовых на все ради его счастья. Такими их воспитала Коммунистическая партия, вся наша советская действительность. И четверо героев Тихого океана, четверо простых советских людей, бывших совсем недавно рабочими и колхозниками, надевших солдатские шинели для выполнения почетной обязанности каждого гражданина СССР — службы в армии, зорко охраняющей строительство коммунизма,— ярко продемонстрировали, что в нашей стране, когда это нужно, героем становится любой, что повседневная жизнь нашего народа-созидателя полна небывалой доблести и отваги.

Советские воины, законно гордясь несгибаемой волей четырех своих однополчан, их верностью своему солдатскому долгу, с большой теплотой говорят, что подвиг в Тихом океане свершился в те знаменательные дни, когда все советские люди, все свободолюбивые народы мира готовятся торжественно отметить 90-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Образ великого вождя народов, создателя нашего социалистического государства, золотом вышит на Знаменах многих частей Советской Армии — армии рабочих и крестьян. Осененные ленинским Знаменем, советские воины самоотверженно сражались с врагами Родины в суровую пору гражданской войны, в огневые годы Великой Отечественной войны. Под этим Знаменем, уверенно держа в руках замечательное современное оружие, стоят они сейчас на страже мирного, созидательного труда нашего народа.

Сорок два года назад, в день рождения Советской Армии, на самой ее заре, Владимир Ильич Ленин утвердил так называемую «Книжку красноармейца», «Будь точен и скор в исполнении приказов»,— требо-

вал этот документ от каждого воина. «Входи душой в военное дело, вникай во всякий приказ... Будь образцом революционной сознательности». Ленинский наказ дошел и до наших дней. Его снова, в несчетный раз претворили в жизнь и четверо отважных солдат нашей Родины. Борясь с разбушевавшимся океаном, они показали образец честного, сознательного исполнения своего воинского долга.

Есть в суровой армейской жизни святой обычай: на поощрение за ревностное исполнение своих воинских обязанностей отвечать бодро, радостно: «Служу Советскому Союзу!» Солдат, произнося эти торжественные слова, все хорошее, что сделано им, как бы вносит в общий вклад нашего народа в дело укрепления силы и могущества своего социалистического государства, своей великой Родины. Именно так и сделали четверо смелых солдат, когда народ устами товарища Н. С. Хрущева поблагодарил их за совершенный подвиг, за доблестное выполнение воинского долга. Доложив о том, что они горят желанием как можно скорее вернуться на родную землю, чтобы снова занять свое место в боевом строю, младший сержант Асхат Зиганшин, рядовые Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский и Иван Федотов написали в своей телеграмме Председателю Совета Министров СССР тов. Н. С. Хрущеву: «В ответ на Ваше теплое пожелание, дорогой Никита Сергеевич, мы отвечаем: «Служим Советскому Союзу!».

— Служим Советскому Союзу! — вместе с ними говорит Родине вся наша армия, верная защитница строительства коммунизма.

И солдаты, и моряки!

Т. ГАЙДАР

Преподавательница литературы 713-й московской школы Н. Ф. Алпатова принесла на урок глобус.

— Ребята,— сказала она.— То, о чем мы станем беседовать, пока отношения к моему предмету не имеет. Но будет иметь. Об этом напишут стихи, песни, может быть, книги. Так вот...

Она тронула глобус, и перед глазами ребят мелькнула паутинка меридианов.

В эту школу я зашел наугад. И, конечно, не ошибся. Здесь, как и повсюду, взрослые и дети подходят сейчас к картам, разыскивают глазами Курильские острова и пытаются сделать невозможное: соизмерить океан с крошечной баржей, на которой 49 суток штормовали четыре воина-комсомольца.

...В Главном штабе Военно-Морского Флота в просторном кабинете, где только письменный стол да карты на стенах, адмирал А. Г. Головко долго стоял перед голубым пятном Тихого океана.

— И ведь не такие уж моряки, солдаты...— сказал он негромко.

Помолчал и перечеркнул сказанное:

— Моряки!

Да, Асхат Зиганшин, Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский, Иван Федотов еще не были моряками, когда 17 января центр родившегося у острова Оки-

нава циклона приблизился к Курилам, и бешеный порыв ветра сорвал со швартовых крошечную баржу, швырнул ее в толчею волн. Снежный буран закрыл берег. Экипаж баржи, боровшейся с ветром в бухте, видел только красноватые зазубренные утесы вулкана Иван Грозный. Ветер достиг ураганной силы, резко изменил направление, потащил баржу из бухты. Ударом волны сбило бочку с маслом для двигателей. Моторы заглохли. Рация замолчала. Берег скрылся.

Так четверо солдат встретились лицом к лицу с Тихим океаном.

Идет 1960 год. Время локации, телевидения, атома, ракет, могучих моторов. А беда случилась древняя, человеческая: четверо на беспомощной скорлупке с ничтожным запасом продовольствия в бушующем море.

Взгляните на карту. Северная часть Тихого океана, в которой дрейфовала баржа, напоминает трапецию. Ее верхняя сторона — гряда Алеутских и Командорских островов, широким основанием она опирается на экватор. Это наиболее значительная, самая глубоководная и, пожалуй, самая беспокойная часть мирового океана. Это — 337 миллиардов кубических километров воды, раскачиваемой землетрясениями и штормами.

Землетрясения колеблют дно, и цунамы — пятисоткилометровые волны — обрушиваются на берега. Тайфуны — «великие ветры» — рождаются у Филиппин, стремительно движутся на север. Океан белеет от пены. Черные тучи теснятся в небе. Только над самым центром тайфуна летит по небу круг безоблачной голубизны — «глаз бури». Тайфун налетает на зеленый остров и первым порывом снимает все листья с деревьев. А потом — и сами деревья.

Один раз мне довелось наблюдать тайфун. Мы были на его окраине. Крейсер шел вдогонку волнам, скрадывая своим ходом скорость ветра. Но воздух, тяжелый и мокрый, забивал рот — не продохнуть. Сигнальщики привязывались к поручням. Мачты вычерчивали в небе невероятные зигзаги. Стонали крепления орудийных башен. А ведь крейсер — это плавучий стальной город, с большим населением, с самым со-

временным оборудованием... Волны швыряли его безжалостно.

Немало человеческих трагедий видел Тихий океан. Полистайте четыре тома старинного «Описания Примечательных Кораблекрушений в разные времена Случившихся». Пожелтевшие страницы расскажут о кладбище кораблей в проливе Хуан-де-Фука, где течения коварно переменчивы, а туманы постоянны; о голоде в море, о цене глотка воды, о гибели людей. Но можно и не обращаться к старине.

Когда пришло первое сообщение о дрейфе наших четырех солдат, вспомнился случай, о котором рассказывал капитан дальнего плавания Евгений Александрович Микулинский. В свою очередь, он слышал об этом от капитана судна «Итал Маер» Грейвза. Но подробности стерлись в памяти. Пришлось разыскать старый иностранный журнал.

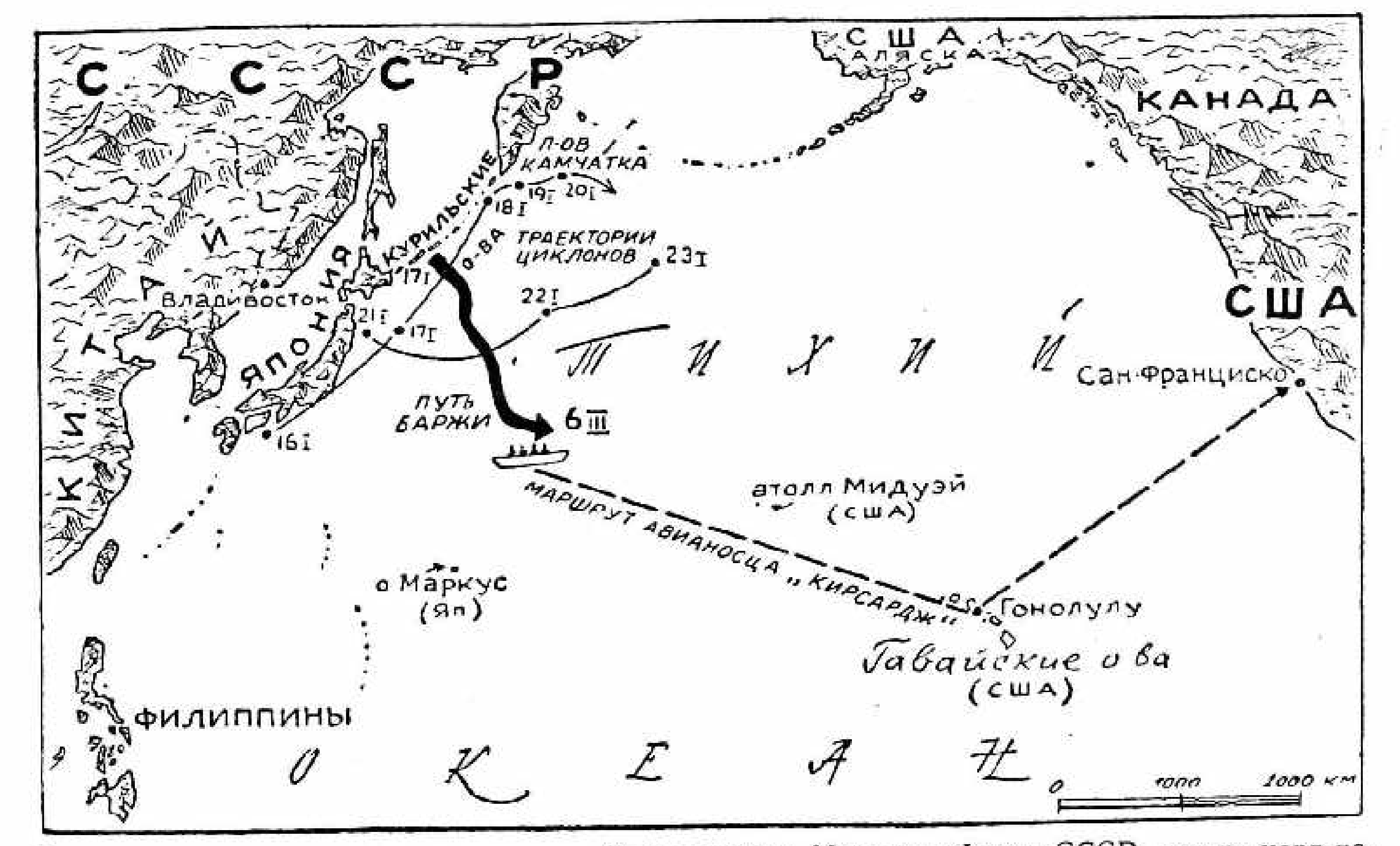
«...Ночью 9 марта 1942 года было торпедировано транспортное судно «Разбум». Люди собрались в спасательной шлюпке. Уже на третий день почти всех нас начали преследовать галлюцинации. Вскоре дух дружбы, с которым мы начали дрейф, исчез. Мы стали следить за своими товарищами со скрытым подозрением. Раздача мизерных рационов пищи и воды напоминала кормление стаи хищных зверей... Командир бригады Парио сначала взял на себя обязанности по поддержанию дисциплины, а теперь погрузился в полное оцепенение и безразличие... Вскоре он умер...».

Один за другим умирали люди. Океан цепко держал свою добычу. Безнадежно огромный. До боли пустынный.

Вот такой океан на крошечной барже победили четыре советских солдата. Выстояли. Превозмогли.

Чтобы победить океан, человеку нужно немало. Какой-то двигатель, хотя бы самодельный парус. Продовольствие, на крайний случай рыболовные снасти. Нужны карты, секстан, морское умение. У этих четырех ничего не было. Не было даже звезд — тучи клубились над головой. Не было рыб за бортом — в холодном течении Оясио редко встречаются рыбьи косяки.

СХЕМА ШТОРМОВОГО ДРЕЙФА САМОХОДНОЙ БАРЖИ «Т-36»

Составлена по материалам и расчетам Министерства Морского Флота СССР, отдела карт погоды мира Центрального института прогнозов и Института океанологии Академии наук СССР.

И все же они победили. Победили потому, что хранили достоинство советского человека.

Можно подумать, каждый спас себя, в чем же тут подвиг? Неверно! Каждый спас троих остальных. Спас тем, что не падал духом, не замкнулся в глухом отчаянии. Помнил, что от его поведения зависит жизнь других. Заботился прежде всего о товарищах. Думал о Родине. Был отзывчив на шутку. Даже тогда, когда, не заметив сигнала бедствия, суда проходили мимо. Затерянная в океане баржа оставалась частью Советской страны, и люди жили на ней по-советски.

Мы знаем, и весь мир уже знает, что за 49 суток беспримерного дрейфа обитателей баржи не покидал дух дружбы и сплоченности. Знаем, что они отметили день рождения Анатолия Крючковского. Он отказался от добавочной порции пресной воды. Отпраздновали День Советской Армии — выкурили по очереди последнюю скрутку махорки. Слушали музыку — пока не пришлось сварить меха гармони. А когда прилетел вертолет с американского авианосца, помогли друг другу зацепиться за спущенный к ним стальной трос.

С большой гордостью узнал о подвиге Зиганшина, Поплавского, Крючковского, Федотова советский народ.

«Замечательно...», «Потрясающе...», «Удивительно...» — пишут американские газеты.

Удивительно? Нет! Для советских людей это типично.

Несколько лет назад на Черном море случилось несчастье с подводной лодкой. Вода прорвалась внутрь корпуса, затопила отсек, и лодка воткнулась острой кормой в грунт на глубине многих десятков метров.

Лодка выходила в короткий учебный поход. Запасы воздуха и продовольствия были невелики. Теплая одежда отсутствовала. А на такой глубине всегда холод.

Несколько суток моряки безостановочной цепочкой передавали из рук в руки самодельные ведра, поднимая воду в носовой отсек, откуда ее можно было откачать за борт. Десятки тонн воды. В лодке быстро накапливался углекислый газ. Бинты, которыми об-

мотали проволочные дужки ведер, покраснели от крови, сочившейся из ладоней. А уныния не было. Когда стало совсем трудно работать, устроили перерыв и приняли матроса Пинчука в комсомол...

Доктор Ален Бомбар пишет: «Когда корабль тонет, человеку кажется, что вместе с его кораблем идет ко дну весь мир; когда две доски пола уходят у него из-под ног, одновременно с ними уходят все его мужество и весь его разум. И даже если он найдет в этот миг спасательную шлюпку, он еще не спасен. Потому что он замирает в ней без движения, сраженный обрушившимся на него несчастьем. Потому что он уже больше не живет...»

Нет, четверо солдат на барже, как и подводники в лодке, жили. Жили полной жизнью. Ничто не могло заставить их отступить от наших, советских обычаев. И они побеждали и беспредельность океана и суровую глубину.

Советский солдат, поэт Семен Гудзенко писал:

Я сына
верно дружить научу,—
И пусть
не придется ему воевать,
он будет с другом
плечо к плечу,
как мы, по земле шагать.
Он будет знать:
последний сухарь
делится на двоих...

Плечом к плечу, делясь последними крохами, прошли по штормовому Тихому океану четыре советских солдата. Древняя беда случилась с ними. Никаких запасов не смогли они взять в этот нелегкий путь. Но школа, комсомол, армия — вся Родина наша дала им с собой в океан мужество, дружбу, гуманизм. И мир еще раз с восхищением увидел, как прекрасен советский человек.

Парень с Амура

В. ЗЛУНИКИН

Бревенчатый домик Федотовых под тесовой крышей выбежал к Амуру. Он стоял на краю обрыва с полоской отмели. В пору летних ливней река набухала, разливалась, как море. Там и сям виднелись тогда верхушки прибрежных и островных тальников, а на самой стремнине то и дело проплывали серые бревна от каких-то строений да копицы почерневшего сена. Здесь же, у села, где берег круче, неугомонные волны бились о желтый суглинок обрыва, бешеное течение подтачивало, рушило его, и время от времени слышалось, как с шумом падали в воду комья земли с дерном. Лют нрав Амура в эту пору.

Но в это утро уходящей весны Амур держался в своих берегах и спокойно, всей своей трехкилометровой ширью нес могучий поток к океану. Дремотную тишину нарушал слабый плеск воды. Над дальней сопкой, одетой в зелень тайги, рассветная заря ткала малиновый полог.

Иван вышел из дому, осторожно, чтобы не нарушать покоя спящих, прикрыл дверь, прыгнул вниз к утлой лодчонке — рослый, с чуть покатыми сильными плечами, с беспорядочно свисающим на смуглый лоб черным чубом, с пробивающимся пушком на верхней губе. На нем рыбацкие видавшие виды штаны в масляных пятнах с большой серой заплатиной на ко-

ленке, линялая ситцевая рубаха. Закатал штаны, влез в лодку, согнулся, черпаком стал выплескивать воду.

Проснулась раньше обычного, подошла мать Евдокия Васильевна.

— Извел ты меня Калабаном. Не ровен час, что случится...

— Со мной-то? Не первый день на воде.

— Не ездил бы, Ваня...

Она никогда не требовала, не приказывала. Только просила.

Уже взошло солнце, уже Иван принес весла, уложил в лодку палатку и запас еды, когда наконец прибежал дружок Борька Беликов.

— Пошли,— буркнул Иван и сел на весла. Борька оттолкнул лодку, устроился сзади, стал рулить. Некоторое время шли вдоль берега, поднимались, чтобы попасть на зеленеющий остров Калабан. Потом повернули — начали резать быстрину. Иван греб порывисто, ловко. Вот уже и середина реки.

— Быстро сюда! Греби! — сказал он товарищу, освободив место.

Сам отошел на нос, вскинул руки. Все в парне рвалось на волю. От зреющей силы, от радости раскрывающейся перед ним жизни.

— Ого-го-го!..

Зычный юношеский голос хлестал по плесу, долетал до синеющих сопок, преломлялся и, отталкиваясь, колыхался сказочным эхом.

Потом Иван разделся, бросился в воду, обжег тело холодом, но тотчас же вынырнул и, делая резкие движения, разбрасывая веера брызг, согрелся. Минуты три проплыл за лодкой. И вдруг ушел под воду. Мелькнув на поверхности ладонями, долго не появлялся. Вынырнул, хватил, как рыба на берегу, воздух, догнал лодку, залез в нее.

— Достал? — спросил друг.

— Дно-то? Где там! Глубок окаянный... Давай теперь ты...

Вскоре друзья обогнули остров и на отлогом берегу, у тихой протоки разбили палатку.

...Вечером вернулся Ефим Трофимович из отдаленного села. Он старшина почтового катера. Жена Евдо-

кия Васильевна, сыновья и дочери сидели за столом, ужинали.

— Где Иван?

— На острове,— отвечала Евдокия Васильевна.— Остепенил бы, Ефим, его. И чего только забирается на этот комариный Калабан! Рыбалить и подле дома можно...

— Книжек про путешественников начитался... Моряк! — хихикнула одна из сестренок.

— А теперь повез с собой «Три кругосветных плавания Лазарева». На целую неделю закатился,— сказал кто-то.

Но мать продолжала свое:

— Остепенил бы, говорю, сына. Подумай только, выедет на быстрину и давай нырять. Не ровен час, в омут угодит...

Ефим Трофимович перебил:

— Парня на простор тянет. Пускай себе силенок набирается. Она, закалка-то, на воле тверже.

* * *

Ефим Трофимович был прав. Иван действительно рвался на простор. Утлая лодчонка и остров Калабан его уже не устраивали. Хотелось побывать дальше, повидать больше, взяться за настоящее дело. Помог случай.

К старшему брату — Николаю зашел товарищ Борис Полосухин, работавший помощником старшины на «Невельском» — катере инспекции по рыбохране, и сказал, что им требуется матрос.

— Возьмите меня,— вызвался Иван.

— А сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Мало, дружок. Молод. А впрочем, постой... С виду сойдешь за взрослого. Поговорю с начальством...

Инспекция взяла Ивана матросом. И вот он стоит на носу летящего по Амуру «Невельского». В распахнутый разрез рубахи выглядывают синие полоски тельняшки, ветер ворошит упрямый чуб. Все тут, на катере, парню по душе.

Матрос на катере после старшины, его помощника и моториста — четвертый человек. Не сладкая у него

Богородское-на Амуре, Хабаровского края. Пионеры пришли поздравить родителей рядового Ивана Федотова — Евдокию Васильевну и Ефима Трофимовича Федотовых.

жизнь — вся черновая работа на плечах: и уборка, и приготовление еды, и многое другое. Тянулся Иван, хотелось доказать, что не хуже взрослого может выполнять свою судовую роль. А когда получил первую зарплату, то всю ее принес домой, до последней копеечки отдал матери.

Катер бегал все больше по протокам да бурным горным речкам. Особенно далеко от села и надолго уезжали в осеннюю пору, когда кета, нагулявшись в океане, валом валит в Амур, а затем в его притоки, к извечным местам нереста.

Как-то кромешной ночью шли горной речкой Яй. Начался перекат. Течение сумасшедшее. Рулевой не то не смог справиться, не то зевнул. Катер с силой занесло, выбросило на мель. Ждать на мели до утра — значило засесть совсем, оказаться на суше: вода в реке быстро убывала.

— За работу! — командовал распорядительный Полосухин.

До рассвета в непроглядной тьме, падая и подни-

маясь в студеной воде, Иван вместе со старшими неустанно трудился, пока не закрепили на берегу трос и лебедкой не вытащили судно на глубину.

Все на катере полюбили Ивана за расторопность, за безотказное выполнение всего, что ему поручалось. А парень между делом ко всему приглядывался, все схватывал. Скоро узнал, как заводить мотор, как его регулировать. Полосухин позволял иногда постоять и у руля.

На «Невельском» Иван провел две навигации. Работа матроса его уже не удовлетворяла. Он стал понимать, что без настоящей специальности не прожить. Хотелось учиться. И тут пришла весть, что в Комсомольске-на-Амуре набирают молодежь в ремесленное училище. Иван решил поехать туда, посоветовался с отцом.

— Поезжай,— одобрил Ефим Трофимович.

Училище Иван закончил с отличной оценкой и был направлен на работу по новой специальности в бухту Большой камень, Приморского края.

* * *

Время от времени почтальон приносил в новый дом Федотовых — тот, что стоял у обрыва, подточила-таки вода — письма от Ивана. Из них можно было понять, что не совсем ладно сложились у него там дела. А потом нежданно-негаданно заявился и сам.

За год с небольшим в характере парня произошла разительная перемена. Стал он рассудительнее, сдержаннее, видно, понял, что пора ребячества минула.

— Пойдешь ко мне на катер в помощники,— предложил отец.

И снова Иван попал в родную стихию. На стареньком деревянном катере ходил по Амуру, его протокам, озерам. Служба такая, что не отсидишься в ненастье. Люди ждут газет, писем. Надо их доставить в срок, в любую погоду. Не раз Ивана качали штормы. Особенно доставалось на озере Удыль, раскинувшемся чуть ли не на пятьдесят километров в длину.

Помнится в семье Федотовых такой случай. Уже за-

холодало. На Амуре ожидалась шуга. Почтовый катер вышел в поселок Резиденция, расположенный близ озера Удыль. Минули длинную горловину, соединяющую Амур с озером. Прошли еще немного, как подул ветер. Он крепчал, все выше вздымая волны. И вдруг сорвался, засвистел, зашумел, понес снежные хлопья. Разыгрался шторм, все вокруг замутилось — руки не видно. Катер бросает, волновой накат ожесточенно хлещет по бортам. А время идет к вечеру. Вернуться назад? Нельзя. В Резиденции ждут. Разыскали старенький ржавый компас. Пошли по нему.

Стемнело раньше обычного. Вот и озерный остров «Три горба», успевший уже побелеть от снега. Курс вроде верный. От острова до Резиденции полчаса ходу. Малым прошли полтора часа, а поселок все не показывается.

— Белеет что-то... Назад! — кричит Иван, стоящий в рубке вместе с отцом.

Пошли вдоль скалистой кромки, забирая влево.

— Так это все те же «Три горба»! — сообразил Ефим Трофимович.

Всю ночь кружило, качало, бросало с волны на волну. Не легче стало с рассветом. Буран не утихал. В Резиденцию пробились только к вечеру.

— Вот тебе и «Три горба»,— говорил Ефим Трофимович, похлопывая сына по плечу.— Наука, Ванюша.

Это был последний рейс Ивана на почтовом катере. Ударил мороз, сковал реку. Катер списали. Ефима Трофимовича, как старого речника, перевели на другое почтовое судно. Вскоре Иван поступил матросом дебаркадера пристани, у которой пришвартовываются рейсовые пароходы. К началу навигации он показал себя трудолюбивым, знающим дело работником. Его выдвинули на должность шкипера дебаркадера. А еще через небольшой срок Ивана проводили в армию.

* * *

Явившись в часть, Иван сразу доложил командиру о своем желании пойти служить на море.

— В дальнейшем ваше желание учтем,— пообещал тот.

Направили в хозяйственное подразделение, там он заслужил первые поощрения. А зимой определили его матросом в экипаж, которым командовал Асхат Зиганшин.

Как Иван служил в армии, что он там думал и чем жил, рассказывают его письма домой, к жене, к родным. Вот выдержки из них.

Жене:

«Живу хорошо, здоровье отличное. Служба идет тоже хорошо. Книги у нас есть. Прочитал «Американскую трагедию». Понравилось. Читал Александра Беляева, Семена Бабаевского...»

«Ты пишешь, чтобы я не беспокоился сильно о тебе. А о ком же мне, кроме тебя, беспокоиться?.. Дома все живы и здоровы... Ведь ты у меня одна, мне с тобой надо прожить всю жизнь и прожить так, чтобы никогда об этом не жалеть...»

«...Был на соревнованиях по боксу. Один бой выиграл, другой проиграл — в начале боя выбил себе руку. Еще немного болит. Как заживет рука, опять буду заниматься боксом...»

«Сейчас нахожусь на катере. Здоровье у меня отличное, но курю по-прежнему, понимаешь, не могу бросить. Вот сижу сейчас и думаю: как там Иринушка моя живет? Возьму да и закурю. Вроде немного легче станет. Ты спрашиваешь, как назвать сына или дочь. Если будет дочь, то назовем ее Ириночка — и больше никак. Это имя самое дорогое для меня. Ну, а если будет сын, то я прошу, назови его Александром...»

Родителям:

«Здоровье отличное. Служба идет отлично.

Сегодня у нас начался учебный год. Буду изучать кораблевождение, сигнализацию...»

«Сейчас работаю на катере. После праздника послали на воду. На воде холодновато. Дуют сильные ветры... Дуют подряд несколько суток. Катер сильно болтает. К берегу не подходим по три и даже по пять дней. Все время стоим на рейде. Когда ветер дует с океана, то катера ложатся в дрейф... Понемногу знакомлюсь с двигателями, что стоят на нашем катере. Ну, заодно учусь управлять катером».

Последнее письмо было написано 15 января, за два дня до того, когда суждено было надолго оборваться переписке Ивана Федотова и его друзей — Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского и Анатолия Крючковского с их домашними.

* * *

Там, в бушующем океане, сын коммуниста, простой амурский труженик Иван Федотов был, как сказал потом Зиганшин американским журналистам, «священником» маленького, но сплоченного воедино коллектива наших людей. Он рассказывал о челюскинцах, об Алексее Маресьеве, о Иване Папанине, о героях Брестской крепости... Он говорил:

— Главное — не падать духом, ребята!

Впервые после семи недель неотступной борьбы со стихией, услышав по радиотелефону голос советского человека, Иван Федотов хорошо выразил помыслы своих друзей:

— Передайте Родине, что мы не уронили чести советских людей и никогда не уроним. В беде мы думали о Родине и вели себя так, как подобает советским солдатам.

И думал Иван Федотов, конечно же, об Амуре и ярких зорях над ним, о подступающей к нему дремучей тайге, о его мужественных и смелых людях, обо всем том, с чем связывается у человека представление о Родине.

Село Богородское-на-Амуре, Хабаровского края.

Естественность героизма

Леонид СОБОЛЕВ

Вся мировая печать говорит в эти дни о четырех советских юношах, которые выдержали сорок девять дней жестокой и подчас отчаянной борьбы с океанской стихией, с голодом, жаждой, с безнадежностью.

Что же здесь самое примечательное?

Множество морских романов рассказывало о подобных бедствиях людей всех времен и наций. Главной темой их было описание психики людей, потерпевших кораблекрушение и не имеющих надежды на спасение. Считалось — да это, пожалуй, и верно,— что в таком исключительном испытании твердости, человеческого достоинства и проявляется человек.

Видимо, не самый факт подобной длительной борьбы со стихией поразил общественное мнение земного шара, а нечто другое. Что же именно?

С каждым месяцем, с каждым днем огромные множества людей самых разных национальностей все пристальнее обращают свои взоры к громадному коллективу людей, населяющих территорию Советского Союза и строящих величественное здание коммунизма. После исторических посещений Никитой Сергеевичем Хрущевым Америки и стран Азии, когда вопреки идеологам «холодной войны» люди многих стран стали лучше понимать нашу психологию, наш характер, наши надежды и идеи,— все, что происходит в Советском Союзе, стало необычайно интересно для них.

Кто мы такие? Как мы ведем себя в разных условиях? Чего можно ожидать от нас, советских людей? И что это такое, советский человек — то удивительное, могучее существо, которое, соединившись в коллектив, именуемый советским народом, беспрерывно показывает миру одно чудо за другим? Чудо под Москвой зимой 1941 года, чудо под Сталинградом 1942—43 годов, чудо возрождения громадной страны, разрушенной ураганом фашизма? Чудо спутников? Чудо лунников?.. Сколько чудес! Так и вспоминается Суворов с его знаменитым «счастье, счастье, но, помилуй бог, нужно когда-нибудь и уменье!».

Как бы отвечая на эти вопросы, сама жизнь устроила удивительный экзамен. Без всякой подготовки, без всякого выбора она поставила в необыкновенно тяжелые обстоятельства четырех советских юношей: Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского, Анатолия Крючковского, Ивана Федотова. Случайно это оказались два украинца, один татарин, один русский. Тракторист, каменщик, слесарь сахарного завода, амурский речник. Четверо юношей, подобных которым — миллионы.

И вот, как нарочно, жизнь поставила их в условия исключительные. Еще 16 января ни один из них не знал, что завтра история подымет его перед лицом всего земного шара и скажет: «А ну-ка покажи, что ты есть за человек! Покажи, что такое советский человек!»

Так начался тот длительный, жестокий, без всяких скидок и поблажек экзамен, который жизнь произвела четырем советским юношам,— а в их лице всему поколению их сверстников, строящих коммунизм.

Думается мне, что общественное мнение мира поражено именно великой простотой и естественностью поведения этих четырех молодых советских людей.

Ведь никто не видел их, этих четверых, за все то долгое время, которое они провели в океанской пустыне. Им не перед кем было выказывать свои качества. Они очутились в потрясающих условиях необыкновенного лабораторного опыта истории. Как будто бы она задумала произвести выборочный анализ и проверить количество стойкости, товарищества, неистребимого

оптимизма, веры в себя и друг в друга, настойчивости, благородства, взаимоподдержки — качеств, свойственных новому человеку Земли, человеку будущего общества коммунизма. Для этого лабораторного опыта она взяла не проверенных героев гражданской войны, не закаленных трудностями переходного периода строителей нового общества. Нет, она взяла обыкновенных советских людей.

Вот в этом-то, по-видимому, и заключается то, что потрясает умы сотен миллионов людей всех национальностей. В какой-то мере это событие объясняет им и чудо под Москвой, и чудо под Сталинградом, и освоение целины, и гигантский размах коммунистического строительства.

Чудо это называется естественностью героизма, которая свойственна советским людям. Причина этого для нас ясна: сорок два года существования нового общества на громадной территории нашей страны, руководимого Коммунистической партией, сорок два года ленинского воспитания миллионов людей. Порой мы сами не замечаем, какие необыкновенные плоды дает это обстоятельство. Торжеством нашей политической системы стал этот внезапный экзамен, который произвела жизнь, избрав из двухсот миллионов советских людей этих четырех юношей.

Очень хорошо, что этот экзамен проведен перед лицом всего мира как раз в те дни, когда интерес народов Европы привлечен к посещению Франции Н. С. Хрущевым.

Вот таковы советские люди. Обыкновенные люди. Никак не предполагавшие, что они станут центром внимания мировой общественности. Более того, никак не думавшие в течение своей тяжелой океанской эпопеи, что жизнь производит им такой всемирно серьезный, наиответственнейший экзамен.

В том-то все и дело, что наша молодежь без громких фраз чувствует себя перед лицом всего мира.

Застать врасплох ее невозможно. Какие бы лабораторные опыты ни придумывала жизнь, всегда советская молодежь с честью выдержит эти испытания.

Ибо ее свойство — естественность героизма.

Чемеровецкая быль

А. БОГМА, А. ЧЕРНИЧЕНКО

Письмоносец — частый гость в хате Поплавских. То письмо с штемпелем Свердловска от сына Леонида, то весточка от дочерей и зятьев, проживающих в соседних селах, а чаще всего письмоносец, войдя в хату, радостно говорил:

— Полевая почта несет вам, Александра Юлиановна, привет от Филиппа!

Взяв письмо, старая женщина извлекала из конверта исписанный лист и, протягивая его письмоносцу, просила:

— Потрудись, родной, почитай... Худо малограмотной... Покамест дочь Елена возвратится с работы да почитает мне, то измучаюсь в неведении.

Филипповы письма немногословны. «Жив и здоров... Служба продвигается вперед...» Иногда расскажет о красотах дальневосточного края, о своих увлечениях армейской службой, о солдатском житье-бытье. Письма немногословны, но для матери они дороже всего! Между строк она чувствует безграничную сыновнюю любовь к ней, пожилой женщине, родившей, вскормившей и воспитавшей его, видит любовь к родному дому. Письма эти и отрада и вдохновение!

И вдруг писем нет... С утра до вечера Александра

Юлиановна выглядывала в окошко, а письмоносец не идет.

В окно порошила, стучала колючим снегом метель... От стона бушевавшей февральской вьюги еще грустнее было на душе матери. Где сын? Что с ним? Еще в начале января прислал Филипп письмо, и до сих пор нет весточки. Что случилось?

Много бессонных ночей и тревожных дней пережила мать. Частенько, бывало, приходили такие думы, что невольно горячая слеза обжигала старческие глаза, медленно стекала по морщинам лица.

Филипп в семье Поплавских был самым младшим. А к младшему у каждой матери особое чувство. И у Александры Юлиановны он был любимцем, называла она его «мизинчиком». Сейчас в тяжелые минуты в мыслях матери чередой проходили воспоминания о сыне. Вспомнилось, как впервые пошел он в школу.

— Фамилия твоя, мальчик? — спросила учительница.

— Фошка! — ответил он. Так называли его сверстники.

Вспоминала мать, как Филипп мечтал стать моряком и просиживал над книгами о путешествиях, о героических подвигах. Юность богата мечтами и увлечениями. Богат был ими и Филипп. И своими мечтами делился с матерью, с друзьями. Как-то приехал в селение цирк. В цирковом представлении Филиппа поразило мастерство жонглера, и он возмечтал стать циркачом. Сколько тарелок довелось побить ему дома, покамест с необычайным упорством научился вертеть их на палочке! На вечерах художественной самодеятельности жонглирование тарелками было, как говорится, «коронным номером» Филиппа.

Одни воспоминания вызывают у матери улыбку, другие — грусть, а иные — гордость. Уже когда служил он в рядах Советской Армии, командование не раз радовало Александру Юлиановну сообщениями: «Ваш сын Филипп Григорьевич — отличник боевой и политической подготовки. Ему присвоено звание «лучший моторист отряда», за образцовую службу имеет много поощрений, служит примером для всего личного состава...»

Чемеровцы, Хмельницкой области. Мать рядового Филиппа Поплавского — Александра Юлиановна (вторая слева) с радостью узнала о подвиге сына.

Вся жизнь Филиппа, эпизод за эпизодом, проходила в мыслях. А с Курильских островов пришла весть: «Ваш сын пропал без вести».

Это еще больше растревожило чуткое материнское сердце. Александре Юлиановне за свои 62 года жизни уже однажды пришлось пережить всю горечь от такого сообщения: «Пропал без вести». В годы Великой Отечественной войны долгое время не поступало с фронта вестей от старшего сына Леонида. Тяжелы мучительные месяцы ожидания, тревог, волнений. И вдруг с Урала пришло письмо, в котором Леонид сообщал, что он жив — после тяжелого ранения лечится в госпитале, что вскоре в родном доме обнимет мать, которая, оставшись вдовой, так много вложила труда и сил в воспитание своего большого семейства.

И сейчас, когда пришло извещение о том, что Филипп пропал без вести, Александра Юлиановна не отчаивалась. В глубине души теплилась надежда на благополучный исход. Она уверяла себя в том, что

Филипп жив и, даже попав в беду, выйдет победителем. И она снова приласкает своего «мизинчика».

В мартовскую пору, когда над подольскими просторами повеяли весенние ветры, в Чемеровцы, в затерявшуюся на кривой улочке хату Поплавских радио принесло волнующую весть о богатырском подвиге четырех советских солдат, выстоявших в борьбе со стихией Тихого океана. Среди имен этих отважных парней Александра Юлиановна услышала и имя Филиппа. Натруженными крючковатыми пальцами мать смахнула с лица набежавшие слезы радости и промолвила:

— Скорее бы приголубить родненького, поглядеть в его ясные очи...

Чемеровцы, где от деда-прадеда живет семья Поплавских,— небольшое селение. Оно лежит на степном раздолье невдалеке от реки Збруч. И, пожалуй, нет в Чемеровцах жителя, который бы сегодня не горел желанием так же, как и Александра Юлиановна, поскорее приголубить своего отважного земляка-патриота. И, несомненно, многие раньше знали о нем понаслышке или вовсе не замечали простоватого, коренастого, черноглазого юношу, а вот теперь он, их земляк, прославивший подвигом надзбручанский край, стал родным и дорогим для всех.

В маленьком доме Поплавских никогда прежде не бывало столько гостей. Судьба и героический подвиг Филиппа близки сердцу всех односельчан, земляков, друзей. Поздравить пожилую колхозницу, разделить с ней радость и гордость за отважного юношу приходят сотни людей. Из окрестных сел съехались сюда в отчий дом дочери, зятья и внуки.

В семейном кругу совместно с гостями в доме Поплавских много говорят о мужественной четверке патриотов, рассматривают на карте просторы Тихого океана от Курильских островов до Сан-Франциско.

Учительница Тамара Васильевна Богуцкая несколько лет была руководителем класса, где учился Филипп. Опытный педагог, она всегда стремилась проникнуть в душевный мир каждого ученика. Тамара Васильевна рассказывает о Филиппе:

— Скромный, вежливый, прилежный паренек с черными глазами пользовался в классе уважением соучеников и учителей. Он умел дружить. Хотя наши Чемеровцы далеко от моря, Филипп мечтал о морских походах, зачитывался книгами о тружениках моря. В свое время даже тельняшкой обзавелся и гордо ходил в ней к реке...

— А помните,— вступает в разговор сестра Елена,— как Филипп, учась в 6-м классе, со своими друзьями Ваней Березовским и Витей Шумиловым смастерил лодку и десятки километров проплыл на ней по Збручу?

— На этом снимке он в морской форме,— говорит мать, показывая всем фотографию Филиппа.— Незадолго до призыва в армию приехал сосед, служивший на флоте, и уговорил его одеть флотскую форму и сфотографироваться.

— К музыке он жадный,— замечает широкоплечий тракторист Леонид Гуменюк.— Жил здесь преподаватель музыки. И Филипп учился у него играть на баяне, на кларнете...

Жизнь Филиппа была нелегкой. Когда ему не исполнилось еще и двенадцати лет, умер отец, инвалид труда. Осиротели три брата и три сестры. Семья немалая. И Филипп после окончания седьмого класса поступил на строительство жилых домов. Работал подсобным рабочим, а затем каменщиком.

Отзывы товарищей по труду являются лучшей характеристикой. Вот что рассказывает рабочий Николай Слупко:

— С Филиппом мне довелось работать более двух лет. Он отличался трудолюбием, смекалкой, инициативой. Не раз мы восхищались его настойчивостью. Своей общительностью и жизнерадостностью он умел расположить к себе рабочих.

И во всех рассказах, во всех характеристиках, которые дают Филиппу Поплавскому его родственники, соученики, друзья, красной нитью проходит мысль о том, что сама советская действительность порождает, воспитывает, поднимает из глубин народных людей беспримерного подвига, людей труда и боевой славы. В самом деле, Чемеровецкий район славен не одним

Филиппом Поплавским. Всей стране известны самоотверженные труженики колхозной Летавы, где артель имени Ленина, возглавляемая дважды Героем Социалистического Труда Д. В. Бойко, из года в год выращивает высокие урожаи кукурузы, пшеницы, сахарной свеклы. Только в Летавском колхозе 11 труженикам присвоено звание Героя Социалистического Труда. Сотни людей награждены орденами и медалями.

На знаменах двух колхозов и одной из ремонтно-технических станций Чемеровецкого района сияют ордена. Немало жителей Чемеровец и других поселков и сел в дни Великой Отечественной войны отличилось ратными подвигами в партизанских отрядах, во фронтовых частях, и им присвоено звание Героя Советского Союза. Из района вышло немало ученых, инженеров, агрономов, учителей, врачей.

Трудовые и ратные подвиги земляков служили и для Филиппа Поплавского примером, явились школой, где он проходил выучку и закалку, где рос, обогащался знаниями, мужал. Односельчане знали его как скромного юношу, рядового труженика. А пришел час трудных испытаний, и проявились воля, мужество Филиппа Поплавского, во всю силу раскрылся его характер.

На поля Подолии властно идет весна. Первые дожди омыли землю, освободившуюся от снега, зазеленели озимые, плывет над нивами испарина. Вышли в поле первые агрегаты механизаторов. И всюду в колхозах, совхозах, РТС поднимаются массы тружеников на борьбу за досрочное выполнение плана второго года семилетки. И в этой борьбе, в этом трудовом соревновании множатся ряды передовиков, родятся новые имена героев семилетки.

Чемеровцы,
Хмельницкой области.

СЕГОДНЯШНЯЯ БАЛЛАДА

О ЧЕТЫРЕХ СОВЕТСКИХ СОЛДАТАХ

Николай АСЕЕВ

Все это сбылось не когда-то,
а в шестидесятом году —
четыре советских солдата
терпели большую беду.

Их служба — баржа-самоходка —
попала в крутые шторма;
такая свалилась погодка —
не видно, где нос, где корма.

С ладони в ладонь, как скорлупку,
их судно швырял океан,
он волны завертывал в трубку,
как сказочный великан!

Недели, недели, недели —
два месяца без одной —
качало в морской колыбели,
пыталось пустить их на дно,

шипело, гремело, свистало —
сорокадевятидневный аврал:

то в бездны с размаху бросало,
то к небу их вал подымал.

Горючее вышло в машине.
От всех берегов отнесло.
И это не сокрушило,
в отчаянье не привело.

И если случалось затишье
и цвет океан изменял,
то каждый про игры мальчишьи,
других веселя, вспоминал.

И в длинные эти недели
не стали они унывать —
читали, работали, пели,
старались о жизни мечтать.

Всё выдержали, одолели...
Неистовством обуян,
недели, недели, недели
свирепствовал океан!

Великий он, или Тихий,
но он показал свою стать,
и нрав его, буйный и дикий,
пришлось до конца испытать.

Недели, недели, недели
пытал он упорство их лиц,
но буйность его одолели
и дикости не поддались

четыре советских солдата,
четыре сердечных струны.
Вот новая светлая дата
могучей, великой страны!

В доме Крючковских

А. РЯБОКЛЯЧ

Поля, перелески и снова поля. Обычная для здешних мест картина. Дорога взбегает на пригорок. У опушки леса раскинулось озеро, за ним другое, третье. Одно другого больше. И чуть далее, как маяк среди буйного весеннего разлива, высокая труба — там сахарный завод. Это и есть Турбов — тихий поселок, весь в ожерелье еще не проснувшихся от зимнего сна лесов.

Здесь, в Турбове, родился и вырос один из славных воинов, которые 49 дней мужественно боролись с морской стихией,— Анатолий Крючковский. Его подвиг органически вплетается в летопись героических свершений, которыми полна история здешних мест, всей украинской земли.

Именно здесь, вблизи Турбова, в густых заиндевелых лесах во время Великой Отечественной войны жарко горели партизанские костры. В страхе коротали ночи оккупанты: им не было покоя на винницкой земле. А неподалеку, в селе Константиновке, находился один из центров винницкого большевистского подполья

Вблизи Винницы находилась ставка Гитлера. Фашисты неистовствовали. Они знали, что рядом с закованными в бетон убежищами, откуда шли приказы на все фронты, расчетливо и бесстрашно работают подпольщики и партизаны. Жители Турбова видели, как беснуются оккупанты, как они пытаются заставить советских людей под угрозой смерти выдать верных сынов советской Родины.

Но нет, не нашлось слабых духом людей в Турбове. Анатолий в годы войны, разумеется, не мог знать о партизанах и подпольщиках. Он только сердцем ребенка чувствовал, что их семью окружают хорошие, отзывчивые, чуткие к чужому горю люди. Этих людей сплачивала вера в победу. Их вела на борьбу Коммунистическая партия.

Трудная судьба выпала семье Крючковских. Смертью героя погиб на войне отец. Не хватало хлеба, голодали, жили под постоянным страхом смерти. Но при помощи простых советских людей выстояли, не опустились на колени перед врагом. И все дети А. Ф. Крючковской выжили, а после войны пошли учиться.

Мать работала в колхозе звеньевой. Летом с утра до вечера была в поле, а дома хозяйничали дочь Людмила и сын Анатолий. Особенно усердствовал Анатолий — живой, энергичный, охочий до работы мальчик. А когда по дому все дела были закончены, уроки приготовлены, Анатолий звал младшего брата Володю:

— Айда в море!

Хата Крючковских стоит на полуострове, который далеко вдается в озеро. С трех сторон вокруг усадьбы мягко шелестят, набегая на берег, волны. Сделаешь десять шагов — и вот оно, «Турбовское море». Для детей лодка могла сойти за крупный корабль, а озеро — за бушующий океан. Часами катались они на ней, вспоминая Нахимова, Ушакова, всех известных им моряков-героев.

А имена героев дети знали отлично. Любимым занятием Анатолия было чтение. Любовь к книгам, жажду знаний прививала школа. Учительница Виктория Яковлевна Лапинская часто после уроков читала отрывки из лучших произведений советских писателей.

Турбов, Винницкой области. В семье рядового Анатолия Крючковского. Слева направо: сестра Людмила, мать А. Ф. Крючковская и брат Владимир.

Особенно запомнилась Анатолию «Повесть о настоящем человеке». Когда закончили чтение, он сказал:

— Даже не верится, какие испытания перенес Мересьев, и ничто не сломило его воли.

— А как бы ты поступил на его месте?

Мальчик на минуту задумался.

— Трудно совершить подвиг. Не знаю, нашлись бы у меня такие силы. Но если надо — наверное, смог бы. И все наши ребята тоже бы смогли.

Учительница вспоминает, что однажды она предложила ученикам сочинение на тему «Кем я хочу быть». Вот что написал тогда Анатолий:

«Море... Я люблю тебя, море! По твоим волнистым просторам беспрерывно ходят корабли. Ты чаруешь меня своей красой. Как мечтаю я совершить путешествие по твоим бескрайним просторам! А как хочу я совершить подвиг, чтобы прославить свою Родину мужеством советских людей. Это и есть моя заветная мечта — стать моряком...»

Скоро пришло время расстаться с детством.

Анатолий поступил на сахарный завод. Сначала попал в бригаду каменщиков Владимира Калистратовича Шевчука. Старый рабочий внимательно приглядывался к пареньку: робок, стеснителен, слаб здоровьем. Много с ним придется повозиться, пока окрепнет, обретет уверенность в силах.

Но опасения Владимира Калистратовича были напрасны. Анатолий сразу зарекомендовал себя отличным работником. Стояла зима. Морозы сковали землю, песок смерзся, как камень, кирпич обжигал открытую ладонь. Шевчук думал, что в такой день работать не придется. Однако Анатолий сказал:

— Работать нужно обязательно. Вчера было собрание, говорили о строительстве жилых домов, так что возьмемся за дело...

Вскоре Анатолия пригласили на другую работу — он стал слесарем. В то время Турбовский сахарный завод переживал второе рождение. На смену старой технике пришло новое оборудование. Оно должно было коренным образом изменить характер производства. Выпуск сахара намечалось увеличить в два с лишним раза.

Во дворе предприятия сгружали ящики с пестрыми наклейками. Возле них хлопотал приехавший издалека инженер. Советский Союз закупил для завода бельгийское оборудование. Прежде всего предстояло установить диффузор — сложный и громоздкий аппарат, в котором, собственно говоря, и начинался процесс сахароварения. Зарубежный специалист говорил: диффузоры за границей монтировали за семь месяцев.

— Почему семь? — спрашивали турбовские инженеры.— Сделаем за два месяца...

Бригада слесарей С. Д. Гаврилюка уверенно взялась за дело. Вместе со всеми горячо трудился Анатолий. Опыта и умения у него было мало, но он компенсировал их усердием. А вечером шел на курсы техминимума.

— Учись, Толик,— часто говорил бригадир.— Из тебя выйдет отличный мастер.

Диффузор смонтировали в кратчайшие сроки. А когда начался сезон сахароварения, Анатолию доверили работу на этом аппарате. Так пришло признание трудовых успехов юноши.

Анатолий еще не был комсомольцем, но комсомольская организация завода часто давала ему поручения: провести беседу, побывать в колхозе, организовать помощь на уборке или в работе ферм. Но особенно полюбил Анатолий художественную самодеятельность. Он охотно пел в хоре, участвовал в спектаклях драматического кружка.

Осенью Анатолия провожали в армию. Вместе с младшим братом он пришел на завод. Долго ходили по цехам. Ровно и сильно гудел диффузор. На месте Анатолия уже работал другой товарищ. Анатолий смотрел, как уверенно он управляет аппаратом, и ему почему-то стало грустно.

— Володька,— внезапно сказал он, и голос его стал как-то глуше, тверже,— ты теперь в семье за старшего. Смотри, не подведи. И было бы хорошо, если бы ты тоже стал слесарем.

У выхода из цеха их встретил Гаврилюк.

— Посмотри, какая погода,— приветливо улыбнулся Степан Дмитриевич, смахивая с рукава круп-

ные капли дождя.— Дождь — это на счастье. И еще хочу сказать: коль пойдешь по лужам на вокзал — плавать тебе по морю.

Анатолия провожали всем поселком. Дождь все шел и шел. На сердце юноши было тепло и радостно: он подставлял лицо навстречу нежным струям воды и думал о том, как было бы хорошо, если бы пожелание бригадира сбылось.

А в кармане у него лежал наказ винницких областных организаций. Он его уже прочел дома, но в вагоне развернул снова. И чем больше Анатолий вчитывался в простые слова, тем все как-то глубже, осязательнее становился их смысл. «Винницкий областной комитет КП Украины, областной Совет депутатов трудящихся, областной комитет ЛКСМУ и облвоенкомат,— читал он,— выражают уверенность в том, что, будучи воином Советских Вооруженных Сил, вы будете надежным защитником государственных интересов и рубежей своей любимой социалистической Родины — Союза Советских Социалистических Республик и не уроните чести орденоносной Винничины».

Нет! Анатолий не подведет, он не уронит чести комсомольца. Не осрамит коллектив завода, который его воспитал. Не бросит тень на родную комсомольскую организацию. Он будет отличным воином. Таким, как был его отец. Таким, какими были его старшие товарищи по заводу. Об этом Анатолий написал матери, сестре и брату. Это же он высказал в трогательном письме к своему бригадиру.

Трудно сказать, о чем думал Анатолий, когда злые силы океана, как скорлупу, швыряли по волнам маленькую баржу. Может быть, он вспоминал свое село, родных, близких, свой завод, своих товарищей. В его памяти, возможно, всплывали милые, дорогие лица тех людей, которые вывели его на светлую дорогу жизни, научили любить и ценить жизнь, быть настоящим человеком.

Повторяю: мы не знали мыслей Анатолия в эти трудные, полные опасности дни. Но я знаю, что о нем всегда помнили и думали заводские товарищи. Я слышал, как в кабинете секретаря парторганизации заво-

да взволнованно говорил о своем воспитаннике бригадир Степан Дмитриевич Гаврилюк:

— Анатолию пришлось очень трудно. Я, разумеется, не знал, что он попадет в беду. Но я всегда был уверен: он выстоит перед любыми трудностями. Он поступит так, как сделает в подобных случаях каждый рабочий нашего завода, каждый советский человек.

Об этом взволнованно говорили на заводском митинге рабочие и специалисты завода. А младший брат Анатолия — слесарь, ученик десятого класса школы рабочей молодежи,— Владимир сказал:

— Я скоро тоже пойду в армию. Думаю, что не подведу товарищей и, конечно, не осрамлю брата — по нему теперь всем нам равняться.

Поселок Турбов,
Винницкой области.

ГОДА ПРОЙДУТ...

Лев ОШАНИН

Был океан свирепым и угрюмым.
Был океан без края и без дна...
Четыре сердца и четыре думы,
А правда и любовь на всех одна.

Года пройдут, как все года и даты,
Но будут жить для всех людей и стран
Солдаты мира, юноши-солдаты,
И побежденный ими океан.

Красота мужества

Лев НИКУЛИН

Книги о путешествиях, смелых поисках исследователей Арктики, описания жестоких испытаний и лишений, которым подвергались люди во власти разбушевавшихся стихий, всегда находили читателей. И это понятно. Что может быть увлекательнее подвигов человека, победившего стихию!

Но читать о кораблекрушениях, бедствиях и лишениях, сидя в теплой комнате при свете электричества или в читальном зале библиотеки,— это одно, а вообразить себя на утлом суденышке, лишенном управления, в океане в шторм, в бурю, без пищи, со слабой надеждой на спасение — это нечто другое. Описание переживаний человека, оказавшегося в таком положении, даже если оно сделано даровитым писателем, не даст полного представления о пережитом. Разве только художники, как, например, французский живописец Жерико, так реалистически, правдиво запечатлевший трагедию экипажа погибшего фрегата «Медуза», или Айвазовский, создавший свой «Девятый вал», смогли дать нам представление о том, что испытывают люди в такие трагические минуты. А ведь то, что произошло с четырьмя советскими юношами, длилось не минуты и не часы, а сорок девять дней и ночей!

В таких обстоятельствах у обыкновенных людей, как это бывало не раз, развязывались и дурные ин-

стинкты. Чувство самосохранения доводило некоторых из них до безумия, до стремления спасти себя хотя бы ценой жизни других. Когда в 1912 году мир был потрясен гибелью «Титаника», миллионы людей с ужасом и отвращением читали описания этой катастрофы. Дрались из-за мест в спасательных лодках, сталкивали друг друга в воду, разбивали друг другу веслами головы. Находившиеся на борту архимиллионеры предлагали огромные деньги за место в лодке. Моряки с револьверами в руках отстаивали эти места для женщин и детей. Подобные мрачные сцены черным по белому были описаны в газетах того времени и вызывали гнев и возмущение честных людей.

О трагедии «Титаника» невольно вспомнилось в эти дни, когда весь мир восхищается самоотверженным подвигом четырех советских юношей. Асхат Зиганшин, Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский, Иван Федотов воспитаны в нашем, социалистическом обществе, где все за одного и один за всех, где не только в боях за Родину, за Советскую власть, но и в мирные дни наша молодежь совершает подвиги, изумляющие человечество.

Перед каждым из советских юношей, о которых теперь знает весь мир, стоят героические образы наших соотечественников — от Николая Островского до героев «Молодой гвардии» и многих, многих других, совершающих и сейчас удивительные трудовые подвиги во имя построения коммунизма. Радует нас и то, что братство советских народов — это величайшее завоевание нашей Коммунистической партии — нашло прекрасное выражение в подвиге четырех юношей.

Спасение советских солдат американскими моряками, их теплое отношение к нашим юношам свидетельствуют о том, что люди на всем земном шаре хотят мира, ищут и находят друг в друге хорошие стороны и хотят дружить.

В этой перемене мирового политического климата великая заслуга принадлежит Никите Сергеевичу Хрущеву. И разве не знаменательно, что накануне его поездки во Францию советская молодежь еще раз прославила нашу Родину беспримерным мужеством.

Так вырастают орлы

С. КУЗМЕНКО

Степь Заволжья еще в плотных снегах, а солнце уже высоко и светит так щедро и ярко, что больно глазам.

Впереди густой, высокий, весь заснеженный лес: поезд врезается в него, как в туннель, и еще долго мчится лесной стороной.

— Вот она, Шентала,— говорит проводник, показывая вперед.— Теперь это село знаменито на всю страну.

Дом Зиганшиных найти нетрудно. Сейчас его знает здесь старый и малый. Дверь в этом доме не закрывается с утра и до ночи.

В семью, где родился, рос и мужал Асхат Зиганшин, беспрерывно идут друзья. А друзей так много, что отец и мать отважного солдата едва успевают встречать их.

На заре примчался из села Денискино шустрый смуглый парень.

— Я Юнусов Хадый,— представился он.— Мы с вашим Асхатом на одном тракторе работали.

Отец Асхата Рахимзян Зиганшиевич и мать Хатимя Мифтаховна, сердечные и приветливые люди, усаживают гостя. Он горячо поздравил стариков и при-

нялся рассказывать, как они работали вдвоем, как ухаживали за своим трактором «ДТ-54», как вырабатывали на нем по две, а иногда и по три нормы.

В сенях раздались звонкие голоса. Хатимя Мифтаховна торопится открыть дверь. Это шумная делегация пионеров из средней школы, где учился Асхат. Ребята поздравляют счастливых родителей, говорят, что они в школе уже устроили витрину, на которой смонтировали маршрут дрейфа, вывесили материалы об отваге и стойкости экипажа самоходной баржи «Т-36».

Чуть ли не каждый час появляется рассыльный с почты, вручает старикам сердечные телеграммы.

«Разрешите от всего сердца,— пишет свинарка совхоза «Канаш», Герой Социалистического Труда Е. Г. Левикова,— поблагодарить Вас за воспитание отважного сына, который вместе со своими товарищами 49 дней боролся со стихией океана и вышел победителем над смертью. Стойкость, мужество и отвага Асхата послужат примером для воспитания молодого поколения. Наша бригада свинофермы приложит все силы, чтобы выполнить принятые на себя социалистические обязательства на второй год семилетки».

Отеческой заботой и сердечным участием преисполнено поздравление Куйбышевского обкома партии.

«Областная комсомольская организация,— говорится в телеграмме Куйбышевского обкома ВЛКСМ,— гордится беспримерным подвигом Вашего сына, комсомольца Асхата Зиганшина, возглавившего героический экипаж советских моряков. Честь им и слава: они вышли победителями. Еще выше подняли достоинство советского человека.

Им не страшны ни голод и ни бури,
Ни океана смертоносный шторм.
Горды их подвигом страны советской люди,
И горд за них весь комсомол.

Сердечное спасибо Вам, скромным труженикам нашей страны, воспитавшим сына-героя».

Старая мать незаметно смахивает набежавшие на глаза слезы. Муж успокаивает ее:

— Слезы теперь ни к чему. Ведь сын жив, и столько радости сразу пришло в наш дом!

— Да я от радости плачу! — оправдывается старушка.

Круглые сутки не выключается радио. Припав к репродуктору, вся семья ловит новые вести. Н. С. Хрущев приветствовал четырех отважных солдат, в том числе и их Асхата. Не только наша страна, весь мир восхищен тем, что содеяли четыре молодых советских человека, столкнувшихся лицом к лицу с грозной стихией.

Не случайно на многочисленных собраниях, восхищаясь подвигом легендарной четверки, спрашивают: в какой среде, в каких условиях росли, воспитывались эти богатыри. Всякому ясно, что те качества, которые во всей полноте раскрылись за семь недель беспримерного дрейфа, явились не вдруг. Вот ответы на этот волнующий вопрос.

— Не во мне и не в одной семье дело,— говорит мать Асхата.— Таких, как мой сын, много. Советская страна теперь такая, что в ней вырастают тысячи и тысячи смелых, верных людей. Иначе нельзя: в гнезде орлов вырастают орлы.

— Да, верно сказала мать,— соглашается отец.— То, что сделали мы, можно сравнить с нашей маленькой речкой Черемшан, а то, что сделали для нашего сына партия, комсомол, школа, можно сравнить с великим океаном.

Прекрасна характеристика учительницы Марии Прокопьевны Юртаевой:

— Асхат был обыкновенным учеником. Таких, как он, прошло через мои руки и сердце около четырехсот. И я уверенно скажу, что многие из них, если не все, поступили бы точно так же, как поступил Асхат. Я любила ребятам повторять поговорку: «Посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу». Как-то Асхат обрадовал меня. Свою тетрадь, куда он заносил хорошие слова, он начал именно этой поговоркой.

Мавулюмзян, старший брат Асхата, сказал:

Шентала, Куйбышевской области. Родители младшего сержанта Асхата Зиганшина — Хатимя Мифтаховна и Рахимзян Зиганшиевич.

— Лучшего друга, чем мой брат, я не встречал. Он верен слову и долгу. В нем счастливо сочетаются две хорошие черты характера: чуткость к другим, требовательность к себе.

Колхозный агроном Хайдар Хакимов напомнил:

— Асхат долго работал трактористом. По-моему, самое замечательное в нем — это трудолюбие. Для него не существовало слова «невозможно». Раз надо было, он делал порой и невозможное. Мог без сна и отдыха работать сутками. Мы тогда уже поражались его стойкости.

Да, Асхат еще до армии был подготовлен к свершению подвига. Служба в армии закалила его характер, развила в нем лучшие черты и качества волевого человека. Наша советская жизнь является подлинной школой героизма. Перед глазами Асхата, словно живые, всегда стояли овеянные славой бесстрашные борцы революции, герои гражданской войны, труженики пятилеток, воины Великой Отечественной войны. Их пример учил, как надо жить, бороться и побеждать.

Таким же примером были жизнь и труд его родителей, старшего брата и старших сестер, его земляков. Его отец тоже не умел отступать и никогда не гнулся под тяжестью бед и забот. Он работал грузчиком, плотником, строил в Шентале элеватор. Маленький Асхат гордился отцом. Склонный к живописи, он первым делом нарисовал элеватор, который строил отец. Его рисунок получил первую премию на школьной выставке. Отец Асхата тоже был воин. Он сражался против врагов в Великую Отечественную войну.

Однажды в семье случилась беда. Заболели мать и отец. А старший сын ушел в армию. Туго пришлось Асхату. Он работал трактористом. Сразу же после смены возвращался на велосипеде домой. Сам готовил обед, а вечером шел на станцию и работал грузчиком. Семье нужны были деньги. Когда же его спрашивала мать, где он провел вечер, Асхат отвечал: гулял с ребятами.

Вот с такими задатками, с такими чертами характера ушел Асхат в Советскую Армию. По его письмам к родным и к школьному другу можно представить, как он втягивался в воинскую службу, как в борьбе с трудностями формировался его духовный мир, крепчала и отшлифовывалась воля.

Вот отрывки из этих писем:

«...Служба моя протекает и нелегко, и не без успеха. Я становлюсь закоренелым моряком. И теперь меня тянет к морю».

«...Новый год встретил среди боевых друзей. Хотя и далеко от родных мест, от вас, дорогие мои, но часть, в которой я служу, стала мне вторым домом, а мои друзья стали мне близкими и родными».

Той же простотой и теплотой переполнены письма к Вале Плехановой, с которой Асхат вместе учился в школе и до сих пор продолжает дружить:

«...Привет тебе, Валя, с Курил! На трудности жаловаться не стану, хотя они и есть. Но, кроме трудностей, есть у меня и большие радости. Я, кажется, неплохо осваиваю трудную морскую службу. Часто мы ходим в море. Я полюбил его. Оторви меня от моря — и я заскучаю».

«...Уже привык к солдатской жизни, привык к словам: «отбой», «подъем», «стройся».

«...Служба моя идет хорошо. Я не прекращаю учиться. Извини меня, Валя, что долго не писал. Так сложилась обстановка. Остров — это не материк. И тут бывают не только ветры и штормы. Вот я сошел на берег и тороплюсь тебе написать. Скоро опять уйдем в океан. Нас в экипаже всего четыре человека. А какие это чудесные парни, какие друзья!»

Одну за другой присылали его родным из части радостные вести: младший сержант Асхат Зиганшин за успехи в боевой и политической подготовке награждается то почетной грамотой, то похвальным листом.

Он хорошо держал свое слово. Еще в седьмом классе средней школы Асхат вступил в комсомол. В заявлении он писал: «Прошу первичную комсомольскую организацию принять меня в ряды Ленинского комсомола, так как я хочу отдать все свои силы на благо нашей любимой Родины. Я обещаю быть дисциплинированным, достойным гражданином Советского Союза!»

* * *

В жизни, в учебе, в работе, в воинской службе Асхата Зиганшина все кажется обычным. Если и есть что-нибудь необыкновенное, то это наша новая жизнь, в которой обыкновенный человек способен подняться до героизма, совершить подвиг. С потрясающей силой звучит ответ Асхата американскому журналисту. Журналист воскликнул:

— И у вас еще были силы шутить в океане? Это непостижимо уму! Да знаете ли вы сами, какие вы люди?!

Улыбаясь, Асхат Зиганшин ответил:

— Обыкновенные. Советские!

В этом ответе он весь, во весь свой богатырский рост.

Село Шентала, Куйбышевской области.

Люди советской закалки

С. БОРЗЕНКО.
Герой Советского Союза.

Мы настолько привыкли к потрясающей героике военного времени, что солдатский подвиг, совершенный в мирные дни, уже мало трогает наше воображение. А между тем армейские будни насыщены пафосом мужества. Каждый день боевой учебы в войсках приносит известия о героических делах советских воинов. Одни отличились на трудных учениях, другие проявили бдительность при несении караульной службы, третьи кинулись в огонь пожара и спасли детей, четвертые бросились в реку, чтобы вытащить провалившихся под лед людей. Воинская жизнь наполнена подвигами, как пулеметная лента патронами, подвиг следует за подвигом.

За последние полтора года печать отметила более тысячи случаев, когда советские воины проявили героизм, находчивость, самоотверженность. Об этом сообщали не только в СССР, но и в Польше, в ГДР, в Венгрии. Свыше ста воинов-комсомольцев в последнее время награждены за проявленное мужество орденами и медалями Советского Союза.

Замечательна поэтическая история четырех советских солдат, победивших смерть в океане. Каждый из этой отважной четверки оказался человеком личной храбрости, физической выносливости, с несги-

баемой волей к победе. Казалось бы, в центре урагана, в котором очутилась баржа «Т-36», не было никаких надежд на спасение. Но экипаж советского судна не растерялся и не отказался от борьбы. Несмотря на молодость, за плечами у каждого были годы учебы, труда, опыта. Это были люди одной советской закалки — маленький, сплоченный коллектив, воспитанный партией и комсомолом.

С океаном шутки плохи. Достаточно было одной волне накрыть «Т-36», чтобы она навсегда погрузилась на морское дно. И вот солдаты по очереди с железным спокойствием, стоя у штурвала, уклонялись от ударов сильных волн. Сколько было этих волн! Целые дивизии их мчались в атаку по океану! Достаточно было одной волне ударить в борт, чтобы переломить баржу. Но советские солдаты, искусно маневрируя, избегали опасных столкновений.

Они по-братски делились каждой каплей воды и каждым куском вареной кожи, нарезанной из сапог. Они еще раз доказали, сколь прочны узы войскового товарищества.

Когда штормовое светопреставление наконец закончилось, океан утих и их нашли американцы, все четверо забеспокоились, как быть с баржей, и согласились покинуть ее лишь после того, как их уверили, что судно не пропадет, что о нем побеспокоятся.

Ничему не удивлявшиеся американские журналисты были поражены: люди, вырвавшиеся из когтей смерти, говорили о своем подвиге запросто, как говорят о работе. Сын колхозницы Поплавский так и сказал:

— Теперь у каждого из нас сорок девять хороших трудодней!

Они начали свою прекрасную Одиссею у дымящихся, как факелы, вулканов Курильской гряды и под гром оваций всего мира продолжили ее в США, затем в Атлантическом океане, в городах Франции и на прекрасной земле нашей Родины. Подобно Магеллану, каждый из них обогнул земной шар, и если Магеллан доказал, что земля круглая, то они доказали, что нет в мире трудностей, которых не мог бы преодолеть человек, воспитанный Коммунистической партией.

Боевые будни семилетки

Е. РЯБЧИКОВ.

Зима на Курилах суровая. Зимой на Курилах ревет ледяной ветер, валит густой снег, бушует океан. Люди, живущие на далеких островах, хорошо знают, что такое мужество, оно стало тут бытом.

Подвиг четырех отважных солдат с самоходной баржи «Т-36», всколыхнувший весь мир, и начался на Курилах. Но мужество и отвага — отнюдь не привилегия одной только Курильской гряды. Далекие острова — лишь частица великой страны семилетки, где мужество, стойкость, верность Родине являются нормой поведения человека.

49 дней провели в океане храбрецы. Январь, февраль, март... Месяцы второго года семилетки... Там, в океане, борясь со стихией, четверо советских богатырей день за днем скромно и просто проявляли выдержку и отвагу. Для них это было нечто само собой разумеющееся. Но были ли они одиноки в своем бесстрашии? Являлись ли они исключением, какой-то необычайностью в жизни страны? Нет, именно в ту пору, когда храбрецы, превозмогая голод и жажду, варили суп из сапог и гармошки, их соотечественники, их товарищи по строительству коммунизма с не меньшей силой проявляли те же черты характера, те же пленительные качества души и сердца, обязательные для каждого советского человека.

Летчик Герой Советского Союза Михаил Ступишин, держа путь в Москву, получил в воздухе приказ: немедленно переменить курс и совершить трудную посадку полярной ночью в далеком северном селении — там умирал молодой исследователь. Ступишин совершил посадку во тьме полярной ночи. Он взял на борт тяжелобольного и направился в Москву. До столицы тысячи километров, тьма, снежные бури, обледенение. По всему маршруту, обгоняя самолет, полетели радиограммы: «Всем! Всем! Всем! Самолет 04194 следует санитарным рейсом. Обеспечивать вне очереди».

И люди, только что несшие трудные вахты на аэродромах, оставались на своих постах, чтобы в пургу и темень принять самолет Ступишина. Забота о спасении товарища объединила сотни людей — они делали все, чтобы самолет с больным летел и летел без задержек. И когда случилось так, что самолет вышел из строя, его немедленно заменили другим воздушным кораблем. Теперь Григорий Ступак нес необычайную эстафету. Радисты оповещали трассу: «Всем! Всем! Самолет 04192 следует санитарным рейсом». В Москве, на аэродроме, больного ждала машина «Скорой помощи». Так коллективное мужество помогло спасти юного полярника.

Совсем недавно, до начала дрейфа четверых смелых, в январскую непогоду, там же, на побережье Тихого океана, в семье маячного работника Иванова тяжело заболел ребенок. Командование Тихоокеанского флота направило к маяку тральщик. Январские бури и ночь мешали кораблю подойти к маяку. Пришлось спустить шлюпку. Огромные волны тщились разбить ее. Но командир шлюпки старший лейтенант Жарких смело шел к огням маяка. Волны отбросили шлюпку назад, в море. Тогда моряки бросились в ледяную воду и, подталкивая шлюпку, подвели ее к берегу. На фоне освещенного огнем окошка в маячном домике мелькнули тени. Иванова с ребенком на руках выбежала к матросам. На женщину надели спасательный жилет, одеялом закрыли ребенка. С помощью моряков женщина села в шлюпку. Только отошли от берега, как буря развернула шлюпку вдоль

волн. Она стала тонуть. Офицер Жарких бросился в море и, стоя по горло в воде, схватил на руки ребенка. Матросы, последовав за офицером, спасли шлюпку, вывели ее к берегу.

Чуть затеплилось утро, и моряки с новой энергией принялись штурмовать море. Матросы, забравшись в кипевшие волны, вели шлюпку и удерживали ее носом против волн. Вода доходила смельчакам сначала до пояса, потом до груди, наконец, волны перекатывались через их головы. Но вот по команде моряки выбрались из ледяной воды и, взявшись за весла, повели шлюпку наперерез валам к тральщику.

Если бы сейчас нашлось издательство, пожелавшее выпустить книгу о мужестве и героизме людей за годы семилетки, то в этой книге стоило бы рассказать и о том, как очутился в ледяном плену корабль, которым командует старший лейтенант Балаян. Экипаж этого судна провел 193 дня в далекой бухте на вынужденной зимовке. Корабль получил пробоину, горючее вытекло, продовольствия не хватало, но моряки спасли судно и так организовали свою жизнь, что ни разу не нарушили флотских порядков. Завершив беспримерную зимовку и восстановив судно, команда вернулась на базу.

В книге о мужестве и отваге людей семилетки почетное место должна занять глава и о машинисте паровозного депо Петров Вал Приволжской железной дороги Василии Николаевиче Котове, посмертно награжденном орденом Ленина. За день до события с «Т-36», 16 января, машинист В. Н. Котов вел свой поезд № 908 к Сталинграду. На выходной стрелке разъезда 513-го километра состав был остановлен красным сигналом. Машинист узнал, что в одной из цистерн образовалась сильная течь нефти. Котов поднялся на цистерну сделать ремонт, но в это время подошел старший кондуктор и стал светить ему керосиновым фонарем. От брызг нефти фонарь вспыхнул. Начался пожар. На Котове загорелась одежда. Не думая о своем спасении, он бросился выручать состав.

Помнят на Южном Сахалине, как бурей вывело из строя центральную телефонную станцию. Ночью на линию вышли связисты Виктор Крыжановский и

Амир Замалеев. Они быстро нашли повреждение и приступили к ремонту. Крыжановский стал заделывать в жгут последний провод, как неожиданно в его руках что-то треснуло, и он вскрикнул. Амир понял: сильным ветром на телефонную линию бросило провода высокого напряжения. Ударом тока и был сбит Крыжановский. Его нужно было спасать. Амир стремительно поднялся на столб, под которым лежал Крыжановский, схватил плоскогубцами электрический провод, упавший на телефонную линию, и застыл. Ток с большой силой прошел через его тело. Ценой жизни Амир спас товарища.

А разве не достоин внимания подвиг пилотов вертолетов «МИ-4» А. Пикалова и И. Щербинина, спасших во время февральской снежной бури балтийских рыбаков-колхозников, унесенных на льдине в Финский залив!

Совсем при других обстоятельствах на льдине очутились трое школьников — Витя Королев, Володя Баласанов и Витя Луданов. На реке Тузлов уже в феврале начался ранний паводок, и детишки, забравшиеся из любопытства на льдину, поплыли по реке. Прошел день, небо потемнело, и перепуганные ребята, прижавшись друг к другу, замерли. Лишь время от времени звали они на помощь. С вышки одного завода заметили ребят, подали сигнал тревоги. На спасение погибавших бросились старшина милиции В. Яценко, милиционер В. Кожанов, дружинник П. Борисов. Вместе с шофером В. Абариновым они кинулись в ледяную воду, с риском для жизни достигли льдины, на которой замерзали перепуганные школьники, и спасли их.

И в то же время капитан М. Петров и рядовой В. Хохлов возвращались из командировки в расположение своей части. Неожиданно из-за деревьев на мокрый асфальт шоссе выбежал немецкий мальчик. Он не видел мчавшегося автомобиля. Гибель шестилетнего Бурхарда Вильманна казалась неизбежной. Послышались крики. В то же мгновение капитан Петров принял решение. «Вправо! — скомандовал он водителю рядовому В. Хохлову.— Вправо!»

Справа стояли большие деревья. Поворот вправо — гибель. Но поперек шоссе бежал мальчишка. Беспрекословно подчиняясь приказу и понимая его, рядовой В. Хохлов вывернул руль, и машина на полном ходу врезалась в деревья.

В госпиталь советским воинам почта доставила письма и трогательные подарки от взволнованных немцев. А выйдя из госпиталя, советские воины побывали в доме рабочего Гюнберга Вильманна, где собралось множество народа; простые люди хотели выразить и свой восторг и свою благодарность советским воинам за их мужество и волю.

В те же дни, когда четверо солдат дрейфовали на «Т-36», тысячи и тысячи советских людей совершали подвиги. На Ярославском моторостроительном заводе, на участке сборки масляных радиаторов, вышли из строя две электрические печи. Чтобы не останавливать главный конвейер, шестеро специалистов обязались произвести ремонт печей тут же, немедленно, хотя печи и стояли раскаленными. А. Смирнов, Н. Шумилов, Б. Дерябин, Н. Шовгеня, С. Младов, Б. Громов, обмотав головы, влезали по очереди в раскаленные жерла печей. Задыхаясь от жары, меняли они плиты, ремонтировали футеровку, заменяли спирали. В этом аду мужественные рабочие завершили ремонт и пустили печи даже раньше сроков, положенных на ремонт в «стылом» состоянии.

Семилетка — это не только небывалый рост добычи руды и угля, выработки электрической энергии. Семилетка — это воспитание нового человека, человека будущего. Уже в первом году семилетия партия вызвала огромный рост общественного самосознания, рождение множества коммунистических черт.

Самоотверженность в труде проявляют знаменосцы семилетки — бригады коммунистического труда. Мужество и самообладание, героизм и воля к победе — черты нашей эпохи развернутого строительства коммунизма.

Без мужества, без воли к победе разве достигли бы советские ученые своих выдающихся открытий? Разве возможен был бы запуск ракет на Луну, вокруг Луны и в точно очерченный квадрат на Тихом океане,

если бы специалисты, осуществившие это, не обладали характерным для советских людей воодушевлением в труде, самоотверженностью и верой в победу?

Каждый день нашей жизни заполнен подвигами советских людей. Подвигами прославлены строители гигантов энергетики в Сибири и мужественные пограничники, испытатели сверхзвуковых самолетов и рязанские животноводы, микробиологи, испытывающие на себе противочумные прививки, и железнодорожники, ведущие поезда через снежные бури.

В прошлом году в газетах промелькнуло сообщение о том, что на перегоне Киселиха — Каликино Горьковской железной дороги какая-то девочка предотвратила крушение поезда. Железнодорожники решили найти ее. Начальник станции обошел несколько школ, но не мог узнать героиню. И лишь с помощью других железнодорожников удалось установить, что подвиг совершила ученица восьмого класса школы-интерната села Канатурово Женя Оленева.

— Ничего особенного я не сделала,— сказала пионерка.— Так должен был поступить каждый школьник.

Так сказали и четверо отважных воинов с «Т-36». Так говорили герои пятилеток и герои Великой Отечественной войны. Так говорят герои семилетки. И в этих словах — великая духовная сила строителей коммунизма.

Новый человек

Альберт КАН.
Американский публицист.

ОТ АВТОРА. Эта статья была написана, когда известие о героическом подвиге четырех советских военнослужащих А. Зиганшина, А. Крючковского, И. Федотова и Ф. Поплавского вызвало изумление и восхищение бесчисленных миллионов людей на всем земном шаре. Их подвиг, на мой взгляд, отражает некоторые идеи, которые я пытался изложить в своей статье.

Когда я возвратился в Соединенные Штаты из своей первой поездки в Советский Союз зимой 1958 года, меня часто спрашивали, что произвело на меня самое большое впечатление. Вначале мне трудно было отвечать на этот вопрос. Настолько многочисленны были мои впечатления, такие волнующие и замечательные явления я видел, что, рассказывая о Советской стране, я перескакивал с одной мысли на другую и перечислял бесчисленное множество вещей. Казалось, невозможно было сказать лишь о чем-то одном.

В Советском Союзе есть такие великие чудеса, как семилетний план, несущий великие блага десяткам миллионов мужчин, женщин и детей. Здесь можно увидеть несметные повседневные чудеса (почти все это воспринимается советскими гражданами как

обычное дело) — такие, как пламенное трудолюбие и широко образованная молодежь, многочисленные проявления высокой культуры народа, широко раскинувшиеся новостройки, газетные сообщения о новых технологических и экономических достижениях, встречающиеся на каждом шагу приметы любовной заботы о детях, удивительное поведение самих детей... Как много впечатлений теснилось в моей памяти! И с чего же я должен был начинать и чем кончать, рассказывая о них!

Когда прошло несколько недель после моего возвращения в Соединенные Штаты, я успел перевести дыхание и осмыслить увиденное. И уже без всякого колебания я мог сказать о той стороне советской жизни, которая произвела на меня наибольшее впечатление. Величественны советские достижения в области промышленности и сельского хозяйства, науки, культуры и народного просвещения, в деле повышения уровня жизни народа; но не об этом я хочу сказать в первую очередь. Советское общество создало новый тип человека — вот что поражает меня больше всего.

От своих соотечественников-американцев я часто слышу такую фразу: «Нельзя изменить природу человека». И я знаю, что даже в Советском Союзе все еще есть некоторые люди, которые повторяют эту старую поговорку, говорящую о прирожденных пороках человека и о неизлечимых болезнях человеческого общества.

Однако сегодня вопрос о том, можно ли изменить природу человека, уже не вызывает больше дискуссий. Сама жизнь дала неоспоримый ответ на него. Ибо те, у кого есть глаза, чтобы смотреть, отчетливо и ясно видят: то, что в течение долгого времени называлось «природой человека», *изменилось* в Советском Союзе. В этой стране в процессе преобразования общества человек изменяет самого себя. Человек нового склада шагает ныне по земле.

Я не настолько глуп и не настолько увлекаюсь, чтобы утверждать, будто советские мужчины и женщины достигли совершенства и будто за четыре десятилетия они избавились от всех недостатков, которые на протяжении столетий были присущи роду люд-

скому. Я встречал в Советском Союзе эгоистов и ограниченных людей. Я сталкивался с некоторыми бюрократами и видел несколько молодых пьяных хулиганов. Но такие люди поистине находятся в меньшинстве; по сути дела, они представляют собой редкое исключение.

Подавляющее большинство советских людей, с которыми я встречался,— это представители нового общества.

Какие черты преобладают в этих людях? Советские люди добрые, но и сильные. Они уверенные, но и скромные. Им присущ глубокий патриотизм, и в то же время они проникнуты духом братского отношения к людям. Они жадно тянутся к знаниям, глубоко уважают науку и считают труд благородным делом.

Это такие люди, которые выступают за мир не только потому, что они изведали ужасы войны, но и потому, что они преклоняются перед прекрасным и ценят жизнь. И кажется, что они не стареют: они продолжают смотреть на мир широко раскрытыми, любознательными и молодыми глазами.

Рядовой советский гражданин — я уверен в этом — не задумывается о том, что он человек нового склада. Вероятно, он не отдает себе отчета, насколько отличается от людей, живущих в капиталистическом обществе. Ему, воспитанному в новом мире, трудно ясно представить себе старый мир, где во многих случаях подавляется человеческий дух, где не прекращаются трения и борьба между людьми и где царит безжалостная эксплуатация человека человеком. Больше того, он не расположен рассказывать о своих собственных качествах, ибо советским людям присуща скромность.

Позвольте мне привести один характерный пример скромности советского человека. В московской гостинице «Украина», где я остановился во время моей первой поездки в Советский Союз, работала приятная женщина средних лет, одетая в простую кофточку; к кофточке были приколоты разноцветные ленточки. Однажды один мой американский друг попросил эту женщину объяснить, что означают эти ленточки. Она ответила, что служила офицером в Советской

Армии в годы второй мировой войны, и эти ленточки на ее груди говорят о сражениях, в которых она принимала участие, и о полученных ею наградах. На моего друга этот рассказ произвел большое впечатление, и он попросил женщину подарить ему свою фотографию. Довольно застенчиво она сказала: «Нет».

— Зачем вам нужна моя фотография? — спросила она.

— Потому что вы героиня,— сказал мой друг.

Она покачала головой.

— Нет, я не героиня,— промолвила она спокойно и с достоинством.— Я просто обыкновенная советская женщина.

В своей жизни редко встречал я таких людей, как она,— героев и в то же время «обыкновенных» советских граждан.

Я не считаю, что советские граждане лишены чувства гордости. У них много гордости, но эта гордость весьма особого рода. Советские люди говорят о своей гордости, когда речь идет не об их собственных достижениях, как отдельных людей, но прежде всего об успехах их общества в целом. Это гордость без личного тщеславия, гордость, которая отражает радость коллектива.

Много раз я слышал в Советском Союзе, как люди говорят: *«наши»* достижения в области строительства и науки, образования и промышленного производства. Вряд ли кто-либо из них сделает ударение на слове «мои». Хочу ли я этим сказать, что советским гражданам не присуще чувство личного владения? Напротив, они глубоко чувствуют, что все богатства их страны безраздельно принадлежат им; в то же самое время они отлично знают, что эти богатства созданы всем советским народом и принадлежат всему народу.

В таких условиях естественно, что человек должен получать особое вознаграждение за свою творческую деятельность.

Одна советская переводчица сказала мне однажды:

— Я не тружусь для того, чтобы заработать на жизнь. Я живу для того, чтобы трудиться.

Она дала ясно понять, что ее труд приносит ей счастье не из-за тех благ, которые она получает в результате своей работы, а из-за того, что ее работа вливается в труд всей страны.

Преданность советского человека своей стране сочетается с заботой, которую страна проявляет о человеке. Один молодой, но широко известный ленинградский актер так сказал мне об этом:

— Мне очень повезло, что я родился в этом веке и в этом обществе. Я не должен бороться против других людей для того, чтобы пробить себе дорогу в жизни. Напротив, люди помогают мне.

В старом мире класс борется против класса и человек эксплуатирует человека. А в новом мире нет классов эксплуататоров, нет эксплуатации человека человеком, здесь человек помогает человеку. В этом новом мире в значительной степени ликвидированы распри между людьми и пороки, присущие старому обществу; здесь расцветает жизнь, полная невиданного духовного богатства.

Недавно я перечитал книгу, которая впервые попала мне в руки много-много лет назад. Она называется «Русская молодежь и современный мир». Книга написана видным и авторитетным американским психиатром — Фрэнквудом Уилльямсом после его первой поездки в Советский Союз в 1931 году. Какая это проницательная и умная книга! Как хорошо понимал Уилльямс уже в те времена, насколько русская революция изменила природу человека!

«Русские,— писал Уилльямс,— живут сегодня более богатой духовной жизнью, чем любая другая группа людей на земле... Их духовный облик — продукт социальной философии, а эта социальная философия, по сути дела, проста: *больше не будет никакой эксплуатации».*

Американский общественный деятель Эдлай Стивенсон пишет в журнале «Прогрессив»: «Невозможно провести несколько недель в путешествии по Советскому Союзу, как это сделал я.., и не вынести из поездки сокрушительное впечатление о целеустремленности и целенаправленности во многих аспектах советской жизни». Стивенсон заявляет о своем несогласии,

с философией коммунизма и в то же время слезно жалуется «на спящий дух в Америке»; он противопоставляет этому «энергию, напористость и целеустремленность» людей в Советском Союзе.

Стивенсон обнаружил, что в сознании советских людей преобладают две точки зрения: «Первая точка зрения заключается в том, что никакие усилия, никакая целеустремленность, никакие жертвы не могут быть слишком большими, если они помогают осуществлению целей Коммунистической партии в советском обществе. Вторая точка зрения такова, что коммунисты не могут относиться равнодушно ни к одному человеку на земле, ибо всему роду людскому предстоит объединиться в единое братство».

Это верно: чувство братского отношения ко всему человечеству преобладает повсюду в Советском Союзе. Советский человек осознает свою ответственность не только перед соотечественниками; он считает все народы братскими народами. Таким он воспитан с детства.

Я помню очерк в газете «Правда», живо рассказывающий о человеке нового типа, растущем в Советском Союзе. В очерке говорилось о семье Шамахмудовых, живущей в Ташкенте. Вот о чем шла речь. Во время второй мировой войны, когда эшелоны с детьми, потерявшими своих родителей, прибыли в Ташкент, Шамахмудов и его жена Бахри усыновили одиннадцать малышей. А потом они усыновили еще трех сирот. Среди их усыновленных детей — узбеки, русские, украинец, татарин, еврей, казашка, молдаванка.

Когда журналистка спросила Шамахмудова, почему он усыновил детей многих национальностей, тот ответил:

— Не знаю, я не выбирал... Весь народ — один народ. Ты меня понимаешь?

Да, советские мужчины и женщины — это люди с большим сердцем. Люди, полные любви — любви к жизни, любви к прекрасному, любви к своему собрату — человеку. Любовь — это душа нового человека.

«Ваша мораль открывает новые горизонты»

Знаете ли вы, что значит быть действительно в одиночестве? Только представьте себе. Крошечное потрепанное штормом суденышко. Маленькая пылинка в безграничном океане, подгоняемая лишь ветром и волнами. Без парусов, без живого мотора, без руля, без каких-либо средств дать знать о себе. День за днем, ночь за ночью в течение 49 суток четверо советских юношей, молодых солдат Советской Армии находятся на уносимой ураганом барже. Ничтожная граница отделяет их от смерти.

День за днем уменьшаются небольшие запасы пищи, и вот наступает день, когда их уже нет, и приходится варить для еды кожу от сапог. Приходится ограничивать себя даже в этом заменителе пищи. И, наконец, наступает час, когда уже ничего не осталось.

Их ищут, но безуспешно. Обломки, найденные на берегу после грозного шторма, рация, испорченная на второй день бури, не могли не повести к неизбежному выводу, что, видимо, люди потеряны. В подобных условиях даже сильные и опытные моряки сходили с ума, лишались физической и духовной энергии, погибали. Лишения, голод, медленное разрушение духовных сил, вызванное чувством одиночества и потерянности, вели к неизбежному концу.

Тогда почему же выжили эти юноши? Может быть, они были специально отобраны, закалены, подготовле-

ны для такого испытания? Нет, совсем нет. Испытание обрушилось на них внезапно. Они прошли через него и остались в живых там, где другие потерпели бы крушение. *Потому что затерянные в океане, они не были одиноки духовно.* И поскольку они не были одиноки духовно, надежда ни на минуту не оставляла людей, выживших там, где другие были бы сокрушены отчаянием.

Их социалистическое воспитание дало им внутреннюю силу, укрепило физически и морально. Они знали, что принадлежат к великой семье людей, людей социализма. А с семьей, где царят любовь и дружба, не расстаются. В течение всех дней и ночей их мучений они ни разу не поссорились. На барже господствовали чувства товарищества и взаимной помощи. Они проводили время, напевая песни и рассказывая случаи из жизни — из жизни людей социализма. 23 февраля, проведя много дней почти без пищи, они, тем не менее, отметили День Советской Армии, разделив последнюю щепоть табака. Как величествен этот несокрушимый дух! Какую неизмеримую силу и мужество дает социализм рядовым людям!

Подлинное братство — ибо с капиталистической эксплуатацией покончено навсегда, и каждый работает на всех, а все на каждого.

Солидарность — ибо эгоизм и враждебность, порождаемые капиталистическим образом мышления, кончаются там же, где кончается капиталистическая эксплуатация. Условием свободы отдельной личности является гармоническое сотрудничество с коллективом, а это невозможно при капитализме. Новые идеи, на которых они были воспитаны, помогли четырем юношам жить и преодолевать то, что в других условиях привело бы к трагедии.

Подвиг увенчан победой советской морали. Эта мораль демонстрирует всему миру силу и душевную энергию, порождаемую коммунизмом. Перед нашим взором встают новые люди, которые в силу их нового мировоззрения утверждают величие Человека, открывая перед человечеством новые прекрасные горизонты.

Билл УЭНРАЙТ.
Английский публицист.

Лондон, март.

Из писем и телеграмм в «Правду»

Гордимся вами, товарищи!

Страна любовно встретила четырех отважных советских воинов, выдержавших жестокую схватку с Тихим океаном. Бесстрашным юношам восторженно рукоплескали зарубежные города, их подвигом заполнялись страницы мировой прессы.

Зарубежная пресса, увидевшая в стойкости Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского, Анатолия Крючковского и Ивана Федотова сногсшибательную сенсацию, задалась вопросом: а откуда в советских людях такая непостижимая сила духа? На это красноречивее всего отвечают письма и телеграммы, поступающие со всех концов Советского Союза. Авторы их — люди мужественных и благородных дел. Им глубоко понятны переживания советских воинов, выдержавших борьбу со стихией. «В подвиге четырех советских патриотов,— пишут одесские железнодорожники,— с исключительной полнотой раскрываются высокие моральные качества человека, выросшего в условиях нового общества, человека, воспитанного славной Коммунистической партией».

Одна из телеграмм отважным советским воинам прислана коллективом Ямало-Ненецкой комплексной экспедиции, в составе которой трудится молодой гео-

физик, исследователь сибирских недр Марлен Салехович Шарафутдинов, недавно переведшийся сюда из Ханты-Мансийской экспедиции. Профессора и преподаватели Московского геологоразведочного института имени С. Орджоникидзе могут гордиться своим выпускником, вступившим в жизнь не только с большими знаниями, но и с благородной душой строителя коммунизма.

В одну из зимних ночей Шарафутдинов совершил подвиг, о котором, может быть, до сих пор не знают родители комсомольца, зато знают многие сибиряки. Это случилось среди безмолвных пространств заснеженного Васюганья — озерно-болотистых мест между Обью и Иртышом. Отряд сейсморазведчиков, закончив полевые изыскания, возвращался на базу. Стояла светлая звездная ночь, беспощадно вымораживающая землю. В кабине трактора «С-100», кроме водителя, находились инженер и две девушки из сейсмической бригады.

До базы оставались считанные километры. Вдруг на середине протоки лед неожиданно лопнул и трактор с людьми ушел под воду. Первое, что ощутил Марлен,— резкий толчок и отблеск фар. Железные тиски схватили грудь и спину. Смутно представляя, что произошло, человек инстинктивно ухватился за ручку дверцы. Она не поддавалась. В висках застучало от удушья, намертво стиснутые зубы готовы были разжаться, но мысль работала четко. В кромешной тьме Шарафутдинов проверил свою позу — трактор не завалился. Вернувшееся хладнокровие позволило открыть кабину.

Из четверых, находившихся в кабине, всплыли трое — Василий Надеин, Марлен Шарафутдинов и Галина Хорошева. В кабине осталась Эмма Конева. Еще не отдышавшись, не придя в себя, Шарафутдинов рванулся в черную пасть ледяного пролома. На ощупь найдя дверцу, он вырвал из трактора захлебнувшегося человека и, напрягая последние силы, выгреб на поверхность. Руки подоспевших людей вернули девушке дыхание.

Марлен Шарафутдинов трудится сейчас в районе Тазовской губы в составе Салехардской экспедиции, а

спасенная им девушка работает на водной сейсмической станции.

В беспримерной стойкости четверых отважных храбрецов, выдержавших схватку с Тихим океаном, советские люди узнают свои дела и чувства. В печати уже промелькнули короткие строки о поединке печорского шахтера Ивана Прокопьевича Петрова с обрушившейся лавой. Семь с половиной суток продержался мужественный горняк в завале без воды и пищи, испытывая к тому же недостаток воздуха. Однако, выходя навстречу спасательной партии, шахтер засветил в нашлемном фонаре лампочку. Ее зажгли остатки сбереженной шахтером электроэнергии, и люди поняли, что он, будучи отрезанным от поверхности шахты тысячами тонн зыбучего подземелья, не считал себя обреченным.

«Приветствую четырех героев Тихого океана, показавших беспримерное мужество и отвагу в борьбе со стихией,— телеграфирует И. Петров.— Глубокая вера в товарищескую взаимопомощь, дружба помогли воинам, как и мне, шахтеру, попавшему в завал, выдержать тяжелые испытания. Я присоединяю свой голос благодарности нашей партии и правительству, воспитавших в советских людях героизм, мужество, силу духа».

Коллективизм — одно из замечательных завоеваний коммунистической морали. Сплоченность, товарищество стали неотъемлемой чертой советских людей. Для зарубежных журналистов было непонятно, почему советские юноши с «Т-36» не перегрызли друг другу горло из-за глотка пресной воды и последней картофелины. Советским людям непонятно, как вообще мог зародиться такой вопрос, чуждый человеческому мышлению. Воспитанный на высоких идеалах гуманизма, советский человек до последнего дыхания остается Человеком, имя которого, как говорил Максим Горький, звучит гордо!

Коммунистическая партия подняла наш многонациональный народ на великие свершения. Она развернула на историческом XXI съезде величественную программу строительства коммунистического общества. Плечом к плечу, не зная расовых и национальных пред-

рассудков, в едином порыве трудится вся 212-миллионная советская семья. Там, где раньше царила полудикость, ныне воздвигаются индустриальные города, усадьбы социалистических сельскохозяйственных предприятий. Инженер Марлен Шарафутдинов и шахтер Иван Петров — жители городов, на месте которых до Великой Октябрьской революции не было охотничьих троп. Нелегок путь тех, кто первым приходит на необжитые места. Будни покорителей сибирских и северных просторов — будни подлинной героики.

Одна из телеграмм, поступивших в адрес отважных четырех солдат, принадлежит Нине Николаевне Кузькоковой — коренной северянке. Дочь народности коми нашла светлый путь в жизни. Сейчас она — научная сотрудница филиала Академии наук СССР. Вместе со специалистами, приехавшими на Север из центральных городов, Н. Н. Кузькокова, не жалея сил, работала на разведке полезных ископаемых в бассейнах Печоры и Вычегды. Ей, как и Марлену Шарафутдинову, на собственном опыте понятна героика будней. В телеграмме от себя и от своих коллег по работе Н. Н. Кузькокова пишет: «Беспредельно восхищены героическим подвигом советских юношей Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского, Анатолия Крючковского и Ивана Федотова. В семинедельной битве со стихией океана они выдержали все испытания и показали всему миру, на что способен советский человек!»

Отважные юноши своим подвигом приумножили славу нашей Родины. Они еще раз доказали миру несгибаемую стойкость советских людей, их высокие моральные качества. Письма и телеграммы в их адрес — свидетельство готовности советских людей на подвиг — ратный, трудовой, общественный. Вот некоторые из них, полученные «Правдой».

Таким его воспитала Отчизна

С безграничной радостью мы и вместе с нами все советские люди узнали из сообщения по радио о том, что товарищ Н. С. Хрущев от имени нашего народа тепло поздравил отважную четверку советских воинов с победой над разбушевавшимися силами океана. Мы горды тем, что наш сын оказался верным своему воинскому долгу, сумел проявить лучшие черты советского человека. Эти качества воспитаны в нем не только нами, родителями, но главным образом советской школой, трудовыми коллективами колхозов, где он работал, Ленинским комсомолом, командирами и политработниками Советской Армии.

Мы, родители Асхата Зиганшина, от всей души благодарим Центральный Комитет Коммунистической партии, Никиту Сергеевича Хрущева за их высокую оценку поступка отважной команды судна, которым командовал наш сын Асхат.

Мы благодарны также американским морякам и американскому народу, которые спасли жизнь нашего сына и его товарищей, оказали им дружескую помощь и теплый прием на своей земле. Этим они выразили чувство искреннего уважения к советским людям, внесли добрый вклад в дело укрепления дружественных связей между народами СССР и Америки. Сердечный прием, оказанный советским солдатам, был согрет тем теплом дружбы и миролюбия, которое Вы, Никита Сергеевич, оставили в сердцах американских людей во время недавнего Вашего визита в США.

Наш сын родился в простой советской семье. С семи лет начал учиться в школе, в пятнадцать лет вступил в комсомол. После окончания училища механизации сельского хозяйства он включился в трудовую жизнь, работал трактористом в сельхозартелях имени XX партсъезда, «Марс», имени Чапаева. Он был трудолюбив и находчив, за смену выполнял полторы — две нормы.

В августе 1958 года Асхат, уходя в родную Совет-

скую Армию, сказал нам: Буду служить честно. В эти дни мы получаем много поздравительных телеграмм и писем от знакомых, друзей Асхата, а также из части, где он служит. Мы гордимся сыном.

Отец и мать А. Зиганшина —
Рахимзян и Хатимя ЗИГАНШИНЫ.

Село Шентала,
Куйбышевской области.

Душа переполнена радостью

Когда я узнала о подвиге моего сына Филиппа Поплавского и о том, что он жив, мое материнское сердце переполнилось радостью. Как легко, как чудесно на душе у матери, когда знаешь, что твой ребенок оказался достойным человеком, заслужил уважение не только родных и близких.

Теперь я почти не отхожу от радиоприемника, все жду новых сообщений о сыне и его товарищах. И вот радио принесло новую весть: горячо любимый всеми нами Никита Сергеевич Хрущев дал высокую оценку подвигу четырех советских воинов. Когда я слушала слова приветствия Никиты Сергеевича, то поняла, что он говорит от имени всего советского народа.

Я не знаю тех людей, которые спасли жизнь моему сыну, но уверена, что они хорошие люди, что им дорога жизнь так же, как каждому из нас. Очень и очень хорошо, когда солдаты не убивают, а спасают друг друга! Я, мать Филиппа, от всего сердца благодарю американских солдат, весь американский народ, мэра Сан-Франциско Джорджа Кристофера, которые окружили вниманием и заботой советских людей, среди которых был и мой сын.

Я понимаю своим материнским сердцем, что стойкость и мужество, проявленные Филиппом и его друзьями, были результатом их большой любви к Родине, верности своему воинскому долгу. Мой сын

и его товарищи сделали то, что сделал бы каждый советский человек.

На Украине говорят — дружба сильнее всего. С ней не страшны любые трудности. Как хорошо было бы на земле, если бы все народы жили в дружбе! Вот почему в эти радостные для меня дни мне хочется от всего сердца поблагодарить родную Коммунистическую партию, Советское правительство и особенно Никиту Сергеевича Хрущева, который так много сделал и делает сейчас для того, чтобы народы жили в мире.

С нетерпением жду той минуты, когда сын вернется на Родину и я смогу по-матерински обнять его.

Александра Юлиановна ПОПЛАВСКАЯ.

Поселок Чемеровцы,
Хмельницкой области.

Жду тебя, сын!

Каждый человек понимает, как велико счастье матери, когда она со стороны, от знакомых, а тем более от незнакомых людей слышит слова похвалы своему сыну. Я всегда гордилась Анатолием. Рано оставшись без отца, он вырос чутким, добрым; хорошо учился в школе, делал все дома, а в дни полевой страды после школьных занятий бежал на колхозную свекловичную плантацию, где я трудилась, чтобы помочь мне в работе. А если у него появлялась свободная минута, он любил читать книги о героях.

Мне невольно вспомнилось все это, когда я узнала, что Анатолий вместе со своими товарищами по армейской службе совершил подвиг, который так высоко оценил в своем приветственном письме Никита Сергеевич Хрущев. Приятно и радостно сознавать, что не зря прожита жизнь, что ты дала стране полезного ей человека, не смалодушничавшего в самую трудную для него минуту, оставшегося верным своему воинскому долгу.

Велика, безгранична любовь матери к своим детям. И мы, матери, никогда не забываем тех, кто сделал хорошее для наших детей. Вот почему я от всего сердца благодарю американских моряков за то, что они спасли жизнь Анатолию и ставшим мне родными его друзьям, оказали им необходимую помощь. Теперь у меня одна забота, одна дума — скорее бы увидеть сына.

В эти исключительные дни моей жизни я приношу материнское спасибо нашей Коммунистической партии, Советскому правительству, которые помогли мне, простой крестьянской вдове, воспитать Анатолия.

Хочу воспользоваться случаем, чтобы передать сердечную благодарность и материнское признание лично дорогому Никите Сергеевичу Хрущеву, столь высоко оценившему подвиг четырех советских воинов.

Анна Федоровна КРЮЧКОВСКАЯ.

Поселок Турбов, Винницкой области.

Нашим боевым друзьям!

Младшему сержанту Зиганшину Асхату Рахимзяновичу, рядовым Поплавскому Филиппу Григорьевичу, Крючковскому Анатолию Федоровичу, Федотову Ивану Ефимовичу.

Дорогие друзья!

Мы, солдаты, сержанты и офицеры воинской части, в которой вы, наши боевые товарищи, служите, с чувством величайшей радости узнали, что вы живы и здоровы. Мы гордимся и восхищаемся вашим мужеством и героизмом в борьбе с разбушевавшейся стихией.

Совершенный вами подвиг является образцом верности военной присяге. Именно так поступают советские воины, воспитанные Коммунистической

партией, преданные своему народу, Родине. Ваш героизм, стойкость, выносливость будут служить для нас примером безупречного выполнения воинского долга.

Мы с нетерпением ждем вашего скорейшего возвращения на Родину, в свою родную часть, где вы найдете радушный, сердечный прием. Мы, ваши боевые товарищи, по-прежнему старательно несем воинскую службу.

Желаем вам, дорогие друзья, крепкого здоровья, твердости духа. До скорой встречи.

По поручению воинов части: капитан-лейтенант Л. ПЕРФИЛЬЕВ, старший лейтенант М. АВРАМЕНКО, старший лейтенант И. ЦИЛЮРИК, младший сержант В. МАСЛОВ, младший сержант П. ТРОЦЮК, рядовой В. ДУШКИН, рядовой В. ВАСИЛЕНКО, младший сержант Г. МАКАРОВ, рядовой В. ЦИСАРЬ, рядовой А. РЕШЕТНИКОВ, рядовой В. ЯМПОЛЬСКИЙ.

Они преодолели, казалось бы, непреодолимое

Мне не раз приходилось видеть наших советских людей в сложных и трудных условиях Арктики и Антарктики, в просторах океана, в морских и воздушных экспедициях. И всегда меня восхищала наша молодежь, которая с честью выходит победителем из самых сложных положений. Это не случайно. Наша Родина, партия, комсомол воспитывают людей мужественных и сильных духом, настоящих патриотов, строителей новой жизни. Сам воздух нашей страны окрыляет человека, зовет его на подвиги.

И все же то, что сделали молодые советские воины Зиганшин, Крючковский, Поплавский и Федотов,— поистине беспримерно. В эти дни с глубоким

волнением и гордостью мы все следили за сообщениями об их единоборстве со стихией. Обстановка, в которой находились четверо отважных в течение 49 дней, была предельно тяжелой. Она усугублялась тем, что люди попали в дрейф неожиданно, без подготовки. И они не сдались, не растерялись, в борьбе с голодом, стихией, в борьбе со смертью проявили физическую и духовную стойкость, выдержку и самообладание, достойные советского человека. Они преодолели, казалось бы, непреодолимое, показали образец выносливости и выполнения гражданского долга. Их подвиг будет служить примером!

Через «Правду» мне хочется от себя лично и от всех полярников передать самое сердечное поздравление дорогим соотечественникам с благополучным окончанием труднейшего испытания, выразить восхищение их мужеством и стойкостью.

Возвращайтесь быстрее, дорогие друзья! Родина ждет вас, победители!

Евгений ТОЛСТИКОВ.
Герой Советского Союза.

Выдержка и отвага

Выдержка, мужество, отвага, выносливость, верность долгу — эти слова подходят к четырем славным воинам. Они еще раз показали всему миру, каков наш советский человек.

Народ вправе гордиться своими сынами, проявляющими подлинный героизм и на фронте труда и в борьбе с силами стихии. Все поведение молодых патриотов Родины во время тягчайшего испытания говорит о высоких моральных качествах, несгибаемом духе и энергии нового поколения строителей коммунизма, воспитанного ленинской партией.

Благородство и отзывчивость — характерные черты наших людей. В воздухе и океане, в пустынях и тайге — всюду советские люди готовы прийти на помощь в беде. Мне вспоминается случай спасения в

Антарктиде бельгийских исследователей. Экипаж летчика Перова по первому зову вылетел на розыски потерпевших аварию полярников. Рискуя собственной жизнью, советские летчики упорно искали и нашли терпевших бедствие. Своим поступком они заслужили признательность во всем мире.

Советские люди благодарны американским морякам, подобравшим в океане четырех наших юношей и оказавшим им помощь. Командир авианосца, прощаясь с советскими юношами в Сан-Франциско, сказал им: «Вот это и называется советско-американской дружбой».

Хорошо сказано! Можно только присоединиться к этим словам.

Летчик В. КОККИНАКИ.
Дважды Герой Советского Союза.

У нас героем становится любой

Уже не раз случалось так, что обыкновенный советский человек, оказавшись в исключительно трудной и опасной обстановке, проявляет чудеса героизма. Так произошло и с четырьмя советскими воинами, унесенными штормом на барже в открытый океан.

Много, много суток противостояли они суровой стихии, показывая образцы мужества, выносливости, закалки. Своим поведением четверо юношей показали, каков советский человек, воспитанный Коммунистической партией. Он способен выйти победителем из любых испытаний. Еще раз весь мир восхищается мужеством, силой духа, верностью Родине советских людей. В Стране Советов героем становится любой!

Комсомольская локомотивная бригада железнодорожного депо Минск: А. БИРУЛЯ — машинист, П. ГОРБАЦЕВИЧ — помощник машиниста, В. ЯНЧИК — кочегар.

г. Минск.

Восхищаемся!

Такие люди, как четверо юношей, победивших стихию океана, приумножают славу всего нашего народа. Нам особенно радостно сознавать, что они воспитаны в рядах Ленинского комсомола.

Каждый новый факт, вычитанный в газете или услышанный по радио о поведении отважной четверки в дни суровых испытаний, передавался на нашем заводе из уст в уста, от станка к станку. Теперь, когда жизнь четырех советских воинов вне опасности, хочется от всего сердца приветствовать их и пожелать скорейшего возвращения на Родину.

Нина КОСТЕНКО.
Крановщица.
Лена ДУДА.
Плановик завода «Ленинская кузница».

г. Киев.

Орлиное племя

Нелегок путь к подвигу, но если в груди человека бьется жаркое сердце, если не оставляют его мужество и энергия — тогда он становится победителем в любом трудном деле. Об этом еще и еще раз красноречиво говорит подвиг, совершенный четырьмя солдатами нашей славной армии.

У нас на заводе — да и не только у нас — всюду в Ленинграде с восхищением говорят об отважной четверке, победившей стихию, голод, холод, все невзгоды, которые выпали на их долю. И как не восторгаться богатырским подвигом молодых советских парней, гордо пронесших сквозь все трудности честь и достоинство советского человека!

Когда задумываешься над их героизмом, безупречным выполнением своего долга, спрашиваешь себя: «Могло ли быть иначе? Разве не так поступил

бы любой другой советский человек?» И отвечаешь: «Да, так и только так».

Таких, как четверка наших солдат, не согнет никакая беда. Все члены нашей коммунистической бригады будут равняться на героев-солдат. Все мы говорим отважным героям, представителям молодого орлиного племени:

— Мы гордимся и восхищаемся вашим подвигом.

В. СМИРНОВ.
Руководитель бригады коммунистического труда Балтийского завода.

г. Ленинград.

Так держать!

Беспримерный подвиг четырех советских юношей — Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского, Анатолия Крючковского и Ивана Федотова — наполняет сердца великой гордостью за нашу чудесную молодежь, за наших отважных и стойких воинов.

То, что так удивляет и поражает иностранных журналистов,— большая личная скромность, чувство собственного достоинства и долга по отношению к товарищам, исключительное мужество и выдержка,— все эти свойства простого советского человека хорошо понятны и близки нам.

За свою долгую морскую службу мне не раз пришлось быть свидетелем многих примеров отваги советских людей, проявления нерушимой дружбы и сплоченности, самопожертвования ради спасения товарищей.

Эти прекрасные человеческие качества с особой силой проявляются именно в момент наибольшей опасности, так же, как проявились они у наших юных героев.

Мне приходилось плавать в северо-западной части Тихого океана, и я прекрасно представляю себе, какие тяжелейшие удары обрушивала разбушевав-

шаяся грозная стихия на четырех людей, терпящих бедствие. И невольно восхищаешься, когда видишь, с какой стойкостью и силой духа перенесли они эти испытания.

В свое время и мне довелось испытать превратности нелегкого путешествия на дрейфующей льдине научно-исследовательской станции «Северный полюс». Нас тоже было четверо. Но мы долго и тщательно готовились к экспедиции. Даже в самые трудные минуты, когда льдину ломало, связь с Родиной не прерывалась. По-иному, к сожалению, сложилось дело у наших молодых товарищей. У них не было связи с родными берегами. Случайно и неожиданно заброшенные в просторы океана, они могли рассчитывать только на свои собственные силы, свой опыт и выдержку. Тем отраднее, что эти молодые люди, не обладающие опытом морских плаваний, смогли проявить исключительные образцы самообладания, дисциплины и организованности. В их поведении блестяще сказалась советская школа воспитания.

Горячо и от всей души поздравляю вас, дорогие товарищи Зиганшин, Поплавский, Крючковский и Федотов. Родина гордится вами и говорит вам: **ТАК ДЕРЖАТЬ ДАЛЬШЕ!**

Контр-адмирал И. ПАПАНИН.
Дважды Герой Советского Союза.

Пример стойкости

Нельзя не восхищаться мужеством и выдержкой четырех молодых советских людей. Оказавшись заброшенными среди разбушевавшегося океана, лишенными связи со всем миром, обреченными на голодную смерть, они не упали духом и, стойко перенеся эти необычайные трудности, вышли из них победителями.

Это событие, взволновавшее весь мир, представляет очень большой интерес и с точки зрения меди-

цинской науки. Речь идет о совершенно необычайном случае длительного голодания в исключительно трудных условиях.

Положение, в котором оказались советские солдаты, нельзя сравнивать с известными опытами по искусственному длительному голоданию, когда человек находится в покое, под постоянным наблюдением врачей и может в любое время прекратить голодание, если оно окажется трудновыносимым.

Здесь же голодание было вынужденным. При этом люди находились в ужасных условиях, которые сами по себе могли бы привести их в отчаяние: шторм на океане, постоянная угроза гибели, необходимость бороться со стихией и в то же время сначала частичное, а потом и полное голодание в течение длительного времени.

Если попытаться ответить на вопрос о том, каким образом они справились со всеми этими трудностями, то ответ может быть только один: главное значение здесь имела нервная выдержка, их духовная сила, их товарищеская спайка, взаимная помощь и поддержка в трудные минуты. Они потеряли по 20 килограммов веса, ослабли физически, но не потеряли силы духа.

Наши молодые герои показали себя настоящими советскими людьми, всегда готовыми на подвиг. Все мы гордимся ими и от души желаем скорее восстановить силы и полностью поправиться после перенесенных испытаний.

Н. БЛОХИН.
Президент Академии медицинских наук СССР.

Традиции тихоокеанцев

Мой дед, вольный шкипер Фридольф Фабиан Гек командовал русским китобойным судном. Он начал бороздить тихоокеанские воды более ста лет тому назад. За многие годы плавания шкипер Гек хорошо

изучил океан. В памяти внуков живы его рассказы о коварстве моря, об отчаянных схватках с океаном.

Десятки лет провел на капитанском мостике и мой отец — дальневосточный моряк Николай Васюкевич. Не раз попадал он в сложные передряги, на которые так щедр Тихий океан.

В водах Тихого океана водим первоклассные советские суда и мы, внуки шкипера Гека,— я и мои братья Клавдий и Георгий, капитаны дальнего плавания. Мы также могли бы рассказать немало случаев, когда советские моряки одерживали победы над разбушевавшимся океаном. Дальневосточники, например, хорошо помнят историю морского буксирного катера «Ж-257», который потерпел аварию в районе Курильских островов. Шесть человек экипажа мужественно боролись со стихией, пока не были вырваны из ее суровых объятий.

Подвиг, свершенный четверкой советских солдат, которые в течение 49 дней, находясь на утлой барже, сражались с зимним океаном,— еще одно свидетельство мужества советского человека, советского воина. Четверо солдат оказались далеко от берегов, на совершенно не приспособленном для плавания в океане суденышке, без теплой одежды, пресной воды и запаса продовольствия. Сила духа, чувство коллективизма, товарищеской взаимопомощи, твердая решимость выстоять, победить — качества, которые всегда были присущи советским людям,— помогли младшему сержанту Асхату Зиганшину, рядовым Филиппу Поплавскому, Анатолию Крючковскому и Ивану Федотову одолеть стихию.

Дальневосточные моряки с нетерпением ждут возвращения отважных на Родину. Хочется поскорее от всей души пожать руки этих мужественных людей.

Ю. ВАСЮКЕВИЧ.

Капитан парохода «Шкипер Гек».

Молодцы!

А. Р. ЗИГАНШИНУ, Ф. Г. ПОПЛАВСКОМУ, А. Ф. КРЮЧКОВСКОМУ, И. Е. ФЕДОТОВУ

Дорогие друзья!

С глубоким волнением узнали мы о вашем беспримерном подвиге. В эти дни в нашем советском крае не найдется ни одного человека, который бы не был вместе с вами, не разделял бы ваших чувств.

Горняки, металлурги, химики, машиностроители, труженики сельского хозяйства Луганской области восхищены вашим мужеством, стойкостью, крепкой товарищеской спайкой, которые вы проявили в неравной борьбе с силами стихии. В этой борьбе вы наглядно показали, на какие дела способны советские люди, воспитанные Коммунистической партией. Мы гордимся вами, достойными, славными сынами нашей любимой Родины!

Н. Я. МАМАЙ — Герой Социалистического Труда, бригадир забойщиков шахты № 2 «Северная» треста «Краснодонуголь».

П. Е. СИНЯГОВСКИЙ — Герой Социалистического Труда, начальник участка шахты имени Сталина треста «Кадиевуголь».

М. И. ГРИЦЕНКО — Герой Социалистического Труда, мастер доменного цеха Алчевского металлургического завода.

М. А. ЧУМАК — Герой Социалистического Труда, начальник цеха Рубежанского химического комбината.

Г. И. ДАВЫДОВ — Герой Социалистического Труда, бригадир тракторной бригады колхоза имени XXI съезда КПСС, Белокуракинского района, Луганской области, Донбасс.

Только так могли вести себя комсомольцы

Сорок девять дней в бушующем океане! Сорок девять дней без пищи, воды, теплой одежды... Весь мир восхищается подвигом четырех солдат-дальневосточников.

Да, это подвиг! Иным словом трудно назвать героическую борьбу четырех отважных с зимним океаном.

Мне и моим товарищам однажды пришлось испытать нечто подобное. Я бывший матрос катера «Ж-257», который в декабре 1953 года был унесен штормом в океан в районе Северных Курил. Восемьдесят два дня тогда наш катер был игрушкой морской стихии. Но все эти тяжелые восемьдесят два дня нас не покидала уверенность, что страна, народ сделают все необходимое для нашего спасения. Крепкая дружба, товарищеская взаимопомощь, непоколебимая вера в спасение были источником наших сил и стойкости.

Эти высокие качества, свойственные всем советским людям, проявились и в подвиге Зиганшина, Поплавского, Крючковского и Федотова. Так, и только так могли себя вести комсомольцы.

А. ЖЕБРОВСКИЙ.
Штурман, участник дрейфа катера «Ж-257».

г. Владивосток.

В штормующем океане

Все советские люди с глубоким волнением узнали о беспримерном 49-дневном дрейфе четырех советских воинов на небольшой барже, унесенной штормом с Курильских островов. Замечательный их подвиг тем более значителен, что они вышли победителями в борьбе со стихией в одном из самых бурных районов Тихого океана.

Мне довелось много лет плавать в северо-западной части Тихого океана. Этот обширный район в зимнее время приносит немало неприятностей морякам. Здесь сталкиваются силы Сибирского антициклона и так называемого Алеутского минимума. В результате еще с октября над океаном начинают господствовать зимние муссоны — сильные холодные ветры, дующие с азиатского материка. Даже в «тихую» погоду они достигают силы 5—6 баллов, а нередко сюда врываются циклоны с ветрами до 10—12 баллов. Это значит, что скорость ветра порой превышает 30 метров в секунду. С ним идут пурга, снегопады, тяжелая океанская волна.

Транспортные, рыболовные и научно-исследовательские суда не раз испытывали на себе мощь разбушевавшейся стихии. Ей с трудом противостоят даже крупные океанские суда с сильными машинами.

По условиям погоды не был исключением и нынешний год. Можно сослаться хотя бы на пример исследовательского корабля гидрометеорологической службы «А. Воейков», который в конце января из-за жестоких штормов вынужден был покинуть этот район и спуститься в более южные широты.

Можно себе представить, что пришлось пережить четырем юношам на небольшой неуправляемой барже, попавшим в глубокий циклон! А ведь это были не моряки, а воины-армейцы, без специальной морской подготовки и опыта. Они выдержали голодовку, недостаток пресной воды, холод и самое главное — три циклона, пронесшихся над баржей в январе и феврале, каждый из которых мог ее поглотить.

Помогли армейская выучка, стойкость и организованность. Они предельно правильно распределили свои силы и ничтожные ресурсы, установили и строго выдержали свой полуголодный рацион. Это и позволило им продержаться, победить стихию.

Говорят, что смелым сопутствует удача! Она и тут пришла на помощь. Северо-западные ветры все дальше относили баржу от Курильских островов на юго-восток. Так она вышла из холодного потока

Оясио, который спускается с севера вдоль Курильской гряды. Дальше, на юго-востоке, баржа вошла в теплое течение Куросио, идущее от южных островов Японии. В этом течении она и продолжала свой дрейф, все более удаляясь от берегов.

Здесь потеплело, реже стали штормы, очистился горизонт, улучшилась видимость. Это и облегчило задачу проходящему вблизи американскому авианосцу «Кирсардж». Он обнаружил баржу и спас советских людей.

Подвиг советских солдат Зиганшина, Крючковского, Поплавского и Федотова вызывает восхищение всего мира. Американцев особенно поразили их скромность, стойкость. Ведь в самые тяжелые минуты они не теряли бодрости духа и не прекращали борьбы.

С. УШАКОВ.

Капитан дальнего плавания.

* * *

Телеграммы... Письма... Из Баку и Караганды, от подводников-тихоокеанцев, от комсомольцев из Грузии, из Ташкента и Еревана, от белорусских колхозников, от сталеваров из Мариуполя, от автомобилистов из Акмолинской области... Телеграммы и письма из всех братских союзных республик, из десятков городов и сел, из воинских частей, от научных экспедиций, с бортов морских кораблей. И во всех телеграммах и письмах вместе с приветом, обращенным к четырем советским воинам, от души идущие слова благодарности родной Коммунистической партии, воспитывающей молодое поколение нашей страны в духе верности своему долгу, преданности народу, матери Отчизне.

Мир не знал ничего подобного

Обзор зарубежных откликов

Этот подвиг в Тихом океане заставил многих оставить обычные дела, взяться за перо, чтобы выразить свое удивление, радость или восхищение. Что привлекло газеты в этой необыкновенной борьбе со стихией четырех советских солдат? Прежде всего, конечно, вопрос, как это случилось, что в бушующем океане, при отсутствии пищи и воды люди оказались несломленными, сумели сохранить не только свое достоинство, но и силу духа?

Описывая подробности героического 49-дневного дрейфа в Тихом океане, газеты всех стран мира снова и снова подчеркивали, что в самые тяжелые минуты советские солдаты заботились друг о друге, как братья.

Корреспондент агентства Юнайтед пресс интернейшнл, сообщая в Нью-Йорк о подвиге советских людей, писал: «Коммунистическая газета «Правда» сообщает, что четыре советских моряка смогли выдержать тяжелое испытание в Тихом океане благодаря своему коммунистическому воспитанию, в то время как представители западного мира погибли бы, предаваясь отчаянию и молитвам».

Многие тысячи людей за рубежом приходили именно к этому выводу.

«Героизм четырех советских солдат в борьбе со

стихией,— пишет газета «Акахата»,— нельзя объяснить только чудом. Мужество в борьбе им дала их любовь к Родине, взаимная выручка и поддержка».

С чувством глубокого восхищения встретила сообщение о подвиге четырех советских юношей японская молодежь. «Я хотел бы поделиться с советской молодежью своей радостью в связи со спасением четырех советских юношей,— сказал член центрального комитета лиги демократической молодежи Японии Хидзиката.— Их необычайный героизм является свидетельством того, что у советской молодежи есть твердая, ясная цель».

Эту же мысль подчеркивает польский писатель Ежи Путрамент:

«Героические советские моряки остались в живых благодаря воспитанию, которое получили на своей Родине. Человек страны социализма, советский человек не падает духом, даже оказавшись среди самых больших трудностей. Он верит в жизнь, верит в свой народ, верит в себя, не отступает перед трудностями.

В победе советских моряков я приветствую триумф человека над бушующей стихией. Это единственная борьба, которую человечество, возможно, будет вести в будущем».

«Почему они стали такими замечательными парнями? — спрашивает корейская молодежная газета «Минчжу Чхоннен» и тут же отвечает:— Они не принадлежат к числу людей, прошедших закалку в огне революции или тяжелой войне. Когда закончилась Великая Отечественная война Советского Союза, самому старшему из них едва минуло шесть лет. О боевом героизме и подвигах своих отцов и братьев они знали только по рассказам.

Они стали такими потому, что являются воспитанниками героической советской действительности, Коммунистической партии и Ленинского комсомола. Героизм, непоколебимая твердость, упорство — характерные черты облика советской молодежи, которые она проявляет всегда и везде, преодолевая любые трудности, встречающиеся на ее жизненном пути».

Да, именно коммунистическое воспитание помогло нашим солдатам выйти победителями из столь дли-

тельной и тяжелой борьбы со стихией. Буржуазная печать, сообщая о деталях этой борьбы, не смогла не отметить, что повсюду в мире люди с восхищением говорят не только о победе человека над стихией, но и о победе новой морали человека, морали советского общества, о победе новой школы воспитания.

«Этот подвиг восхищает всех итальянцев, особенно нас, моряков,— сказал Марио Колци.— Россия рождает железных людей, этими людьми нельзя не восхищаться».

Они стали героями дня в Париже — о них говорили на улицах, в кафе, магазинах, автобусах. Газета «Паризьен Либере» писала: «Американцы с авианосца были просто потрясены, когда узнали, что пережили, не сдавшись и не уступив стихии, спасенные ими советские люди».

Молодой французский врач Ален Бомбар, переплывший в 1952 году Атлантический океан на надувной резиновой лодке, назвал 49-дневный рейд группы Зиганшина изумительной эпопеей.

«Четверо советских людей,— сказал Ален Бомбар,— сумевших столь длительное время и в таких трудных условиях бороться против сил природы, явили своим мужеством вдохновляющий пример всем морякам, всем, кому приходится вступать в единоборство с океанской стихией».

Ален Бомбар, питавшийся во время своего необыкновенного путешествия тем, что ему давал океан, быть может, лучше, чем кто-либо другой, мог представить себе все те лишения, которые выпали на долю четырех советских юношей.

Крупнейшие ученые, полярные исследователи, океанографы, путешественники, узнав о мужестве советских юношей, торопились отдать им должное. Известный норвежский полярный исследователь Йон Гиавер в свое время провел три года в Антарктиде. Зиганшина, Поплавского, Крючковского и Федотова он называет необычными людьми.

«Это невероятно,— подчеркнул Гиавер,— что они справились с трудностями. Находиться фактически без пищи и воды в течение 49 дней — это настоящий подвиг. Для того, чтобы выдержать такие испыта-

ния,— подчеркнул он,— надо обладать большой физической и психической выносливостью».

Другой норвежский полярный исследователь, А. К. Орвин, выразил свою радость по поводу того, что четырем советским людям удалось выйти победителями из единоборства со стихией. «Этот дрейф,— подчеркнул Орвин,— был чрезвычайно большим испытанием физических и духовных сил отважной четверки. Я не помню случая, чтобы кто-либо остался в живых после 49 дней, проведенных фактически без пищи и на мизерном рационе воды».

И, наконец, мнение третьего норвежца — участника экспедиции на плоту Кон-Тики Кнута Хаугланда. Он очень высоко оценил подвиг советских солдат, заявив, что советские люди проявили исключительное мужество. Однако их состояние было бы лучше, заметил Кнут Хаугланд, если бы они знали больше о наличии в океане планктона и употребляли бы его в пищу. Большим несчастьем для них было также то, сказал он, что они не имели рыболовных снастей, ибо рыба, как они убедились во время своего плавания, имеется везде в океане. Подготовка экспедиции Кон-Тики заняла несколько месяцев. За это время были тщательно продуманы все мелочи и все возможные случайности были предусмотрены. На плоту находился достаточный запас продовольствия, имелись хорошие и разнообразные рыболовные снасти. Ничего этого не имели советские люди, трагическим стечением обстоятельств оказавшиеся одни в штормовом океане. Это обстоятельство еще больше подчеркивает мужество отважной четверки. Заслуживает всяческой похвалы, сказал К. Хаугланд, что эти четыре советских человека не сдались. Все время они надеялись на спасение и боролись за него.

В Англии — морской стране, где умеют ценить мужество, газеты подробно описали суровые испытания, выпавшие на долю советских юношей, опубликовали их портреты. Поняв вскоре, что мужество советских солдат вызывает восхищение Советским Союзом и его людьми, ведущие буржуазные газеты тотчас переменили свой тон. Мнение такого знатока морской стихии, как Джеймс Олдридж, высказанное им в «Правде»,

так и не появилось ни в одной английской газете, хотя оно и отражало настроения многих англичан.

«Нескольких дней в открытом море без пищи и воды,— говорит Олдридж,— нередко бывает достаточно, чтобы уничтожить человеческую жизнь. Когда же люди дрейфуют в открытом море почти 50 дней,— это означает, что у них поразительная воля к жизни и непревзойденные душевные качества. Только этим можно объяснить подобный подвиг. Тот факт, что четверо советских солдат вышли победителями в борьбе со стихией, ярче всяких слов говорит об их воле к жизни, об их стремлении не складывать руки, пока мерцает хотя бы слабая искра надежды. Это и есть настоящая выносливость, настоящее мужество!

Вместе с вами все человечество гордится их мужеством, понимая, что испытанное ими и ранее выпадало на долю других людей. Данный случай, однако, неповторим, ибо эти люди были не моряками, а солдатами, которые не ожидали, что им придется пройти через подобное, и не готовились специально к борьбе с океанской стихией. Если подобная воля к жизни и подобная выносливость станут примером для других, нет таких грозных препятствий, которых не могли бы преодолеть люди».

Другой англичанин, знакомый с морем, д-р Джордж Дикон, директор Национального института океанографии, награжденный медалью за полярные исследования, заявил, что советские солдаты смогли вынести такие трудности благодаря прекрасной физической и духовной закалке. Он сказал, что никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь дрейфовал так долго на хрупком судне, в особенности при суровых климатических условиях, характерных для этой части Тихого океана в это время года. Советский Союз, заявил он, должен гордиться этими молодыми людьми.

Известный английский альпинист и легкоатлет, чемпион XVI олимпийских игр 1956 года Кристофер Брэшер заявил, что это «фантастический подвиг, свидетельствующий о чрезвычайной выносливости».

Особое воодушевление и гордость мужественное поведение советских солдат вызвало у молодежи социалистических стран, во всех братских армиях.

Подполковник чехословацкой армии Эрвин Белак в письме в «Правду» писал:

«С огромным восхищением мы, чехословацкие солдаты, офицеры, узнали из наших газет о геройском подвиге четырех советских военнослужащих. Мы очень были взволнованы, когда представили себе четырех советских солдат, 49 дней плавающих среди бурного и бесконечного океана без пищи, без воды. Мы вспоминали рассказы нашей юности о знаменитых путешественниках, ярко представляли себе, что пережили и перечувствовали эти молодые люди на своей маленькой барже. Они показали образец твердости духа в борьбе за свою судьбу, за жизнь. При этом нельзя не вспомнить героя из рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека».

Мы видим в четырех советских солдатах не одиночек. На своем опыте мы знаем, что таковы все советские люди, воспитанные Коммунистической партией,— люди твердые, убежденные в правоте своего дела, до конца преданные своему долгу. Пример Асхата Зиганшина, Ивана Федотова, Анатолия Крючковского и Филиппа Поплавского окажет большое влияние на воспитание наших солдат в духе верности воинской присяге, настойчивости при выполнении заданий, в любви к родине. Любовь к своей Советской стране, которую эти товарищи несут в своих сердцах, помогла им пережить тяжелое испытание и выйти из него победителями».

Министр обороны Венгерской Народной Республики генерал-полковник Геза Ревес заявил: «Я хочу через «Правду» от имени воинов Венгерской народной армии выразить восхищение удивительным подвигом советских солдат и поздравить советский народ, который воспитал таких смелых, мужественных людей, чудо-богатырей. Каждый венгерский солдат хотел бы быть похожим на них».

«Пусть Великий океан действительно велик,— писал болгарский писатель Георгий Бицин,— пусть его штормы и ураганы всесокрушающи. Но есть нечто более великое, чем океан, есть нечто более сильное, чем его штормы и ураганы. Это любовь к Родине, любовь к той Родине, где человек — подлинный хозяин и вла-

стелин земли, своей судьбы, где любовь к человеку бескрайна и неизмерима, как океанская глубь. Не другими причинами, не другими побуждениями нужно объяснить подвиг четырех советских моряков, рассекших своею волей бури и штормы Великого, или Тихого, океана и вышедших победителями из гигантской борьбы с могущественной стихией.

Таких людей рождает советская мать-земля. Говоря вдохновенными словами замечательного русского поэта Николая Тихонова,

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей».

Откликаясь на подвиг славной четверки, совершившей беспримерный в истории дрейф, орган ЦК комсомола Китая газета «Чжунго циннянь бао» писала: «Всякий, кто прочитает сообщение о героическом подвиге четырех молодых советских солдат, не может не испытать глубокого волнения. Достойные сыны своей социалистической родины, воспитанные в духе революционного героизма и оптимизма, взаимовыручки и товарищества, они победили все трудности». Героический подвиг советских солдат, подчеркивает газета, еще раз доказал превосходство и величие людей, выращенных Коммунистической партией. Китайская молодежь шлет привет героическим сынам советского народа. Она будет учиться их отваге и мужеству, их воле к победе.

Все эти высказывания нельзя читать без гордости и волнения за наш народ, за наше общество, благородные идеалы которого обладают огромной притягательной силой и которые помогают коммунизму одерживать победы в борьбе за мир. Советский человек вышел победителем из борьбы со стихией именно потому, что он советский человек, что он руководствовался принципами морали нового, социалистического общества, что эта мораль возвеличивает и облагораживает его.

МОСКВА СЕРДЕЧНО ВСТРЕТИЛА МУЖЕСТВЕННЫХ СЫНОВ РОДИНЫ

По дороге домой

В Париже в последнюю ночь перед отлетом на Родину солдатам не спалось. Долго был виден свет в одном из окон здания советской военной миссии. В который раз примеряли юноши солдатскую форму, присланную накануне из Москвы! Их потемневшие от непогоды брезентовые бушлаты, изодранные в шторме гимнастерки и просоленные океанской водой ушанки лежали в вещевых мешках.

В семь часов утра солдаты были уже на ногах. Тряпочкой провели по новым сапогам, и кто-то из них не удержался, пошутил: «Ну как, младший сержант, может, на глазок определишь качество кожи?» И все рассмеялись.

В шутке сквозил явный намек. Филипп Поплавский объяснил нам, что там, в океане, когда кончились на барже последняя картошка, последняя крошка консервов и последняя ложка крупы, Зиганшин взял сапог, примерился, разрезал его на равные куски и один из кусков сварил в соленой морской воде. Этот факт известен сегодня миллионам людей на всем земном шаре. Но только сейчас Филипп Поплавский рассказал, что, когда младший сержант вынул кусок вареной кожи из кипятка, он сказал друзьям:

— Сегодня есть кожу буду один я. Вам я запрещаю и притрагиваться к ней. Если я не заболею через сутки — будем варить и есть все.

Так открылась еще одна черточка характера этого скромного, застенчивого паренька.

Много написано книг о солдатской дружбе, много песен поет о ней советский народ. Поэтические легенды о солдатской дружбе рассказывают друг другу мальчишки-романтики в пионерских галстуках. Когда-то, не так уж, впрочем, давно, и эти четверо молодых людей носили пионерские галстуки. Они помнят сборы, посвященные дружбе, затем комсомольские собрания, рассказы о челюскинцах, папанинцах. Не случайно в записной книжке у Асхата Зиганшина записана восточная пословица: «Когда люди дружны, они могут связать даже самого свирепого льва».

Судьба неожиданно поставила их в самые невероятные условия, как бы проверяя их мужество, волю, выносливость, как бы проверяя все то, что дала им Родина, чему учила их наша советская жизнь. Это было суровое испытание, но юноши выдержали его. И как будто вместе с ними еще одно «испытание на прочность» выдержало поколение молодых советских людей, сверстников четырех советских солдат.

Да, они очень скромны, и эта скромность глубоко трогает всех, кто беседует с ними. Эта скромность достойна восхищения. Но она была также предметом огорчения для некоторых американских журналистов, которые привыкли к тому, что «герои» сами ищут встречи с газетчиками и даже вручают им заранее приготовленные папки с подробным описанием подвигов. А эти ребята пожимали плечами, как только журналисты произносили слово «подвиг». «Ничего особенного, простое дело,— отвечал за всех Иван Федотов.— Каждый советский солдат вел бы себя так же».

«Ничего особенного не было,— ответил мне Зиганшин.— Работал трактористом. Служил в армии, никаких подвигов». «Служил, как все наши ребята служат»,— ответил Поплавский. И только когда пришли в Нью-Йорк советские газеты, я узнал из писем земляков и товарищей этих ребят, что Зиганшин был одним из лучших трактористов области и имел восемь

Москва, 29 марта 1960 года. Встреча четырех отважных воинов на Внуковском аэродроме.

поощрений за время службы в армии, а Поплавский завоевал право считаться лучшим мотористом части.

Они никогда не забудут того, что пришлось им пережить в океане. Иногда глубокая задумчивость ложится на их лица. Но между собой они любят вспоминать только самые светлые минуты из всей череды этих тяжелых 49 дней. А этих светлых минут было много, даже больше, чем можно себе предположить. Это были минуты, когда особенно проявляла себя солдатская дружба, суровая и крепкая.

— А ведь у нас на барже еще одно живое существо было,— неожиданно сказал мне вчера Иван Федотов,— муха. Знаете, самая обыкновенная муха. Наверное, зимовала она где-нибудь в пробковых поясах, в рубке, но шторм потревожил ее сон. Мы еще шутили: муха дрейфует. А ведь мы люди, мы и подавно выдержим!

...В 10.45 утра по парижскому времени «ТУ-104» взлетел и взял курс на восток. Самолет идет над полями, реками и лесами Европы, все ближе и ближе к Родине, о которой так горячо думали солдаты в минуты самых тяжелых испытаний, безмерная любовь к которой придавала им силы в борьбе со стихией.

Б. СТРЕЛЬНИКОВ.
(Спец. корр. «Правды»).

Борт самолета «ТУ-104». 29 марта.

Митинг на Внуковском аэродроме

Через весь фасад здания Внуковского аэродрома протянулось красное полотнище. На нем крупно написано: «Горячий привет отважным сынам нашей великой Родины — Асхату Зиганшину, Филиппу Поплавскому, Анатолию Крючковскому, Ивану Федотову!»

Во всех странах мира ныне известны имена четырех советских солдат, которые прославились мужеством при выполнении своего воинского долга, стой-

костью в борьбе с силами стихии. 49 дней и ночей их единоборства с бушующим океаном являют собой выдающийся пример отваги и силы духа советских людей. Чувства нашего народа, высоко оценившего самоотверженную борьбу четырех юношей с океанской стихией, ярко были выражены в приветственной телеграмме Никиты Сергеевича Хрущева. «Своим подвигом, беспримерной отвагой,— говорилось в этой телеграмме,— вы приумножили славу нашей Родины, воспитавшей таких мужественных людей, и советский народ по праву гордится своими отважными и верными сынами».

— Наши парни завершают кругосветное путешествие,— тепло и шутливо говорили в толпе встречавших.

И в самом деле: экипажу самоходной баржи № 36 довелось плыть на ней по Тихому океану, попутешествовать на борту американского авианосца, пролететь на самолете через Соединенные Штаты Америки, пересечь на пассажирском лайнере Атлантику, поездом проехать по Франции и, наконец, пронесясь над Западной Европой на родном, советском «ТУ-104», оказаться в дружеских объятиях москвичей. Вот он, этот «ТУ-104», рулит по бетонным дорожкам Внуковского аэродрома к тому месту, где собрались встречающие.

Сюда пришли многочисленные представители партийных, советских и комсомольских организаций Москвы, воины Советской Армии и Военно-Морского Флота, юноши и девушки — сверстники четырех отважных солдат. Среди встречающих были посол США в СССР Л. Е. Томпсон и сотрудники американского посольства.

...На трапе, поданном к самолету, появляются четыре подтянутых, стройных воина. Они в обычном армейском обмундировании: на них шапки-ушанки, шинели подпоясаны широкими солдатскими ремнями. Младший сержант А. Зиганшин, первым сошедший с самолета, докладывает начальнику Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генералу армии Ф. И. Голикову:

— Экипаж самоходной баржи номер тридцать шесть в полном составе прибыл на Родину!

Дети вручают солдатам цветы, их обнимают това-

рищи по службе, друзья и близкие. Со всех сторон несутся приветственные возгласы, гремит музыка.

Рукоплескания усиливаются, когда на трибуну перед зданием аэровокзала поднимаются эти простые и скромные юноши. Начинается митинг. Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского, Анатолия Крючковского, Ивана Федотова сердечно приветствовал председатель исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся Н. И. Бобровников.

— Мы, москвичи, как и все советские люди,— сказал он,— гордимся и восхищаемся вашим мужеством и беспримерной отвагой, проявленными в борьбе с силами стихии. Чувства восхищения всего нашего народа ярко выражены в приветственной телеграмме, направленной вам Никитой Сергеевичем Хрущевым.

В заключение тов. Н. И. Бобровников от имени трудящихся столицы пожелал воинам крепкого здоровья и отличных успехов в дальнейшей службе в рядах Советской Армии на благо Родины.

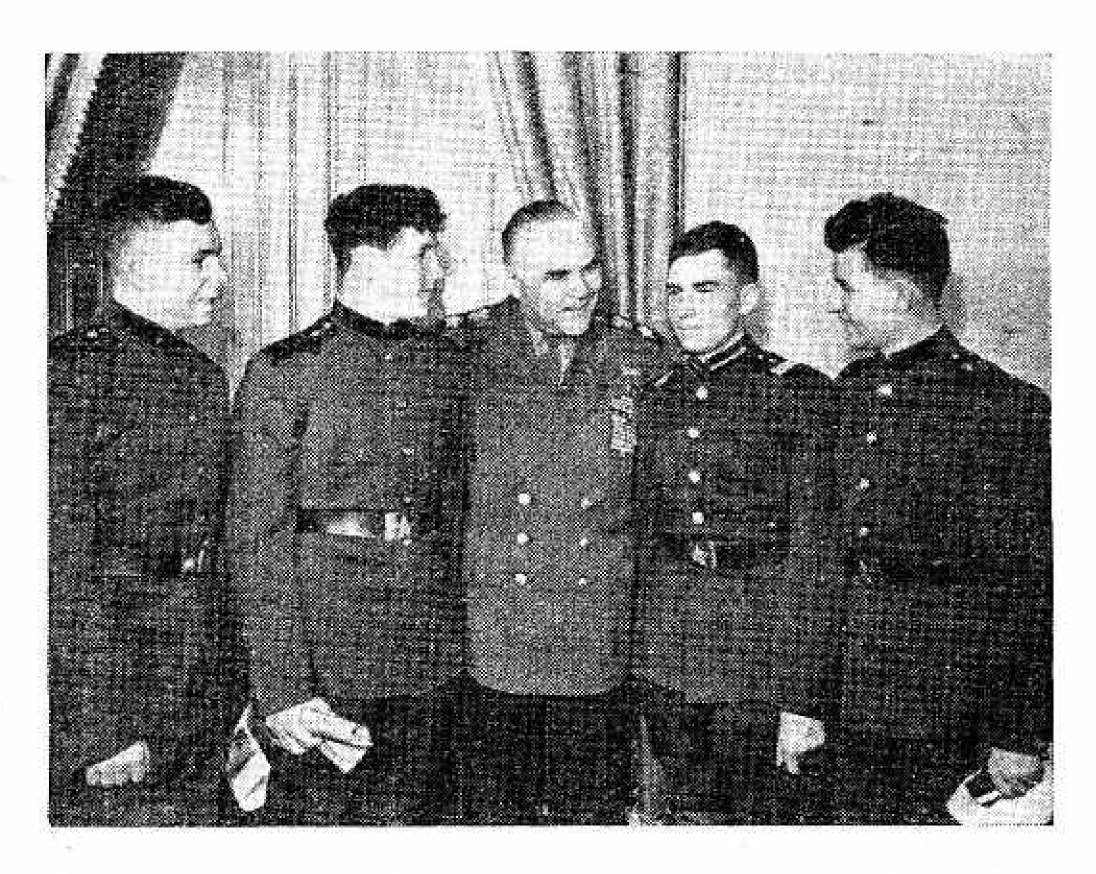
К молодым воинам обращается помощник начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота по комсомольской работе Герой Советского Союза подполковник А. В. Макридин.

— В вашем подвиге,— говорит он,— ярко отразились благородные черты молодых советских людей, воспитанных славной Коммунистической партией, славным комсомолом, Советскими Вооруженными Силами. Вы высоко пронесли честь советского солдата за пределами нашей страны.

Достойные наследники боевой славы отцов, наши воины не раз удивляли мир беспримерным мужеством и героизмом. Советскими военнослужащими только за последний год совершено около тысячи героических, благородных поступков и подвигов. Ваш подвиг занял достойное место в этой плеяде героев мирных будней.

Слово предоставляется секретарю Московского городского комитета ВЛКСМ А. А. Сосину.

— Советские юноши и девушки,— заявляет он,— вместе со всем народом, воплощая в жизнь заветы великого Ленина, предначертания родной Коммунистической партии, строят новые города и электростанции,

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский беседует с воинами (слева направо) А. Крючковским, И. Федотовым, А. Зиганшиным и Ф. Поплавским.

выращивают богатые целинные урожаи, покоряют природу, штурмуют космос. В этой всенародной борьбе за коммунизм воспитываются у молодежи мужество, стойкость и отвага. Юноши и девушки столицы, как и вся советская молодежь, горды тем, что вы вписали в летопись славных дел комсомола еще одну страницу.

Раздаются горячие аплодисменты, когда к микрофону подходит младший сержант Асхат Зиганшин.

— Трудно говорить,— начинает он свое выступление,— когда душа и сердце переполнены волнующими чувствами и огромнейшей радостью по случаю возвращения на нашу Советскую Родину.

Прежде всего хочется сердечно поблагодарить Коммунистическую партию, Ленинский комсомол, нашу родную армию за то, что они хорошо воспитывают советскую молодежь, учат ее не бояться трудностей, горячо любить свою Родину, быть всегда верной своему народу.

Передав сердечное солдатское спасибо товарищу Н. С. Хрущеву за большую заботу о советских людях, Асхат Зиганшин сказал:

— Там, в океане, в долгие дни дрейфа никто из нас и не думал, что произошло что-то необычайное. Мы выполняли свой солдатский долг, несли воинскую службу. Мы делали и поступали так, как поступил бы любой советский человек. Мы любим свою прекрасную страну, ее славное прошлое, героическое настоящее. Эта любовь помогла нам бороться со стихией, преодолевать неимоверные трудности.

Возвратившись на Родину, мы хотим еще раз поблагодарить американских моряков, которые пришли на помощь, всех тех американцев, которые проявили к нам внимание, заботу и теплое гостеприимство.

Самым большим нашим желанием было скорее возвратиться на Родину, оказаться среди советских людей, родных и боевых товарищей. Вот теперь мы дома. Большое вам спасибо, дорогие товарищи, за сердечную встречу!

Здравствуй, Отчизна!

Нам трудно подобрать слова, чтобы передать чувства, которые мы испытали при встрече с родной Москвой, с нашими дорогими соотечественниками.

Мы — простые советские люди, молодые солдаты, и в дни испытаний мы вели себя так, как подсказывал нам воинский долг, так, как воспитали нас Коммунистическая партия, комсомол, армия. Любовь к Родине определяла наши мысли и поступки, придавала нам силы в борьбе со стихией.

Нас глубоко взволновала и тронула телеграмма Никиты Сергеевича Хрущева, которую мы получили в Сан-Франциско. Теплые, отеческие слова Никиты Сергеевича мы помним наизусть. С кем бы мы ни разговаривали в Америке, на английском пароходе «Куин Мэри», во Франции,— все просили нас показать эту телеграмму. И все говорили, что Никита Сергеевич Хрущев сделал очень многое для того, чтобы люди жили в мире и дружбе, чтобы навсегда было

покончено с «холодной войной». Об этом говорили нам и американские моряки на борту авианосца «Кирсардж», которые отнеслись к нам, как к друзьям.

Всего около суток пробыли мы во Франции, но мы успели почувствовать, что весь французский народ живет сейчас визитом товарища Н. С. Хрущева. Люди пожимали нам руки и говорили: «Мы приветствовали вашего премьер-министра. Мы видели его!»

Нам довелось испытать и почувствовать, с каким уважением относятся к нашей стране, к советскому народу простые люди земли. В Америке мы разговаривали со многими американцами. На «Куин Мэри» мы беседовали с англичанами, немцами, итальянцами, шведами. В Шербуре и Париже мы встречались с французами. И с кем бы мы ни беседовали, все говорили, что они хотят мира и дружбы между народами наших стран.

Мы были тронуты теплым отношением к нам американского народа. Военные моряки, мэр Сан-Франциско и все жители этого замечательного города, пассажиры и команда самолета, на котором мы летели в Нью-Йорк, жители Нью-Йорка, с которыми нам приходилось встречаться,— все они останутся в нашей памяти навсегда. Мы хотим через газету «Правда» сказать им наше сердечное спасибо.

Через газету «Правда» мы хотим передать нашу самую большую благодарность Коммунистической партии, Советскому правительству, всем нашим соотечественникам, всему советскому народу.

Мы говорим сегодня: здравствуй, любимая Отчизна! Мы были далеко от твоих берегов, но мысленно мы не расставались с тобой ни на минуту. Ты была с нами в наших думах и поступках. Ты влила в наши сердца мужество и безмерную любовь к народу. Слава тебе и наше сыновье спасибо!

Младший сержант А. ЗИГАНШИН,
рядовые: Ф. ПОПЛАВСКИЙ,
А. КРЮЧКОВСКИЙ,
И. ФЕДОТОВ.

г. Москва.

ПОДВИГ В ОКЕАНЕ

Редакторы

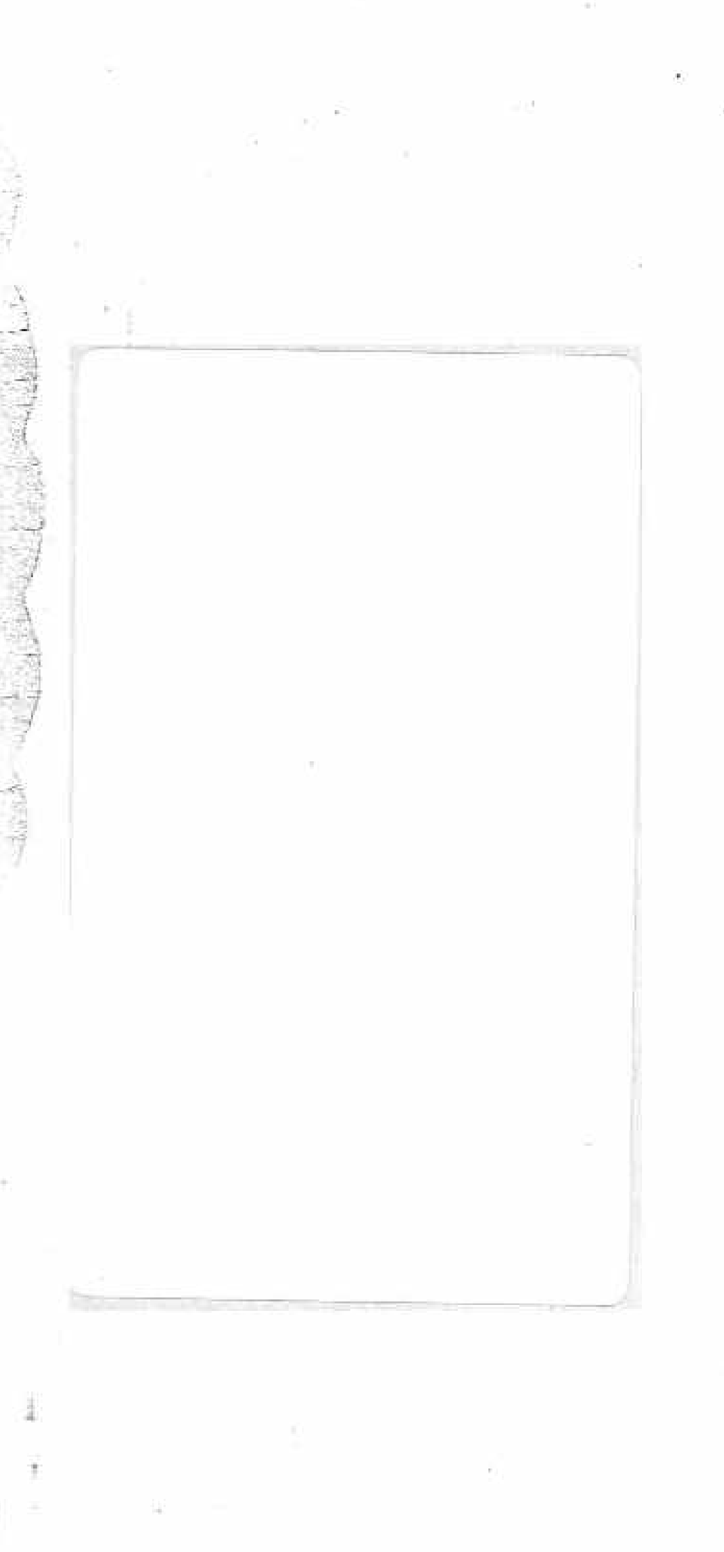
Н. ДЕНИСОВ, К. НЕПОМНЯЩИЙ

Обложка работы художника
капитан-лейтенанта **В. Науменкова.**

А 00272. Подп. к печ. 31/III 1960 г.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 872.
Формат бумаги $84 \times 108^{1}/_{32}$. 2,5 бум. л.
8,20 печ. л. 7,07 уч.-изд. л.

Ордена Ленина типография газеты
«Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

2 р. 20 к.

